

И В А Н Д О Б Р Е В

ИРАНСКИТЕ ПО ПРОИЗХОД ПРАБЪЛГАРСКИ ТИТЛИ НА БЪЛГАРСКИТЕ ВЛАДЕТЕЛИ И САНОВНИЦИ

П Р Е Д И С Л О В И Е.....2

Авит.....
Багаин.....
Багатур.....
Бат.....
Кавхан.....
Табар.....
Шад.....

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.....
Цитирана литература.....
Източници.....
Съкращения.....

С О Ф И Я
2016

ИРАНСКАТА ПО ПРОИЗХОД ПРАБЪЛГАРСКА ТИТЛА „АВИТ”

Първата по време, а и историко-лингвистически най-значимата и съществена като номинативносемантична функция и употреба иранска титла в българските диалекти и езици изобщо, е престижно-почетната титл. **абит* “княз“, фонетичният облик на която в прабългарския език в частност, по силата и поради специфично-характерната за този език спирантизация и преход на зв. *б* в зв. *в*, е **авит* (Ив. Добрев). По произход тази титла под формата **bed* е древноиранска и по-точно най-вероятно източноиранска заемка в българските диалекти и езици, като датира поне 5-6 века преди Новата ера, когато централноазиатските българи пребивават в най-близко-тесен етнолингвистичен контакт и взаимодействие с някой клон на източните иранци, най-вероятно усуни или скито-сармати. Наред с това тя има арабски по произход, почти пълен омоним в останалите тюркски езици във вида *ʼabid* “поклоняющийся богу; набожный”, тур. *âbid* от ар. عابد ['ābid] “поклоняющийся; служитель; поклонник”, действително причастие от кор. عبد ['abada] “служить; поклоняться”:

Тук идват още средновековното, надали кавказскоболгарско, а заради все още неосъществената спирантизация на б, по-скоро хаз. мли Абит, запазено не само в руническа, но и в арабска графика във вида **ابت** *от надгробния надпис* **ابت ث,** *транскрибиран като Абит эс “Абита святилище (могила)” (С. Байчоров). Именно поради това според нас мли Абит не може да бъде от времето преди окончателното завладяване на Кавказ от арабите през 730 г., както беше посочено малко по-горе, и трябва да се свърже с наскоро подложени на тюркизация алани, които освен това са и в начален етап на ислямизация, видно от употребата, наред с тюркобългарската руническа писменост, още и на арабското писмо, а така също и на все още продължаващото поклонение на източноиранския бог Йаздан. Тук спада още и антнм Parsbit, при и пред пак хаз. мли Barsbek, очевидно от *pars-abit с изричната забележка на*

лингвистите хазароведи, че това са не само "Turkic Female Khazarian names", но и "also a male name" (Khazarian Names) и най-после пак тук, твърде възможно, трябва да се отнесе още и съвр. тур. мли Avid, както и млфи Avid Kurcu [TV].

*При преминаването и заемането си в българските езици, най-вероятно от някой източноирански диалект, в който съществителното име притежава звуковата форма повече *pit, отколкото *bit, думата се подлага на вторично преобразуване усвояване в тюркския език посредством прибавянето на протетично а, или ä. Същото се наблюдава между впрочем и при другата много стара, не толкова иранска, колкото индоиранска заемка в българския език верени от Именника на Българските Ханове, само че при неговата форма в останалите тюркски езици, например в турския език, където тя е с протетично е – evren. Тук в действителност началната съгласна се озвучава под влияние на следващата я гласна. Това обаче не протича при заемането на лексемата в останалите тюркски езици, където предната i се развива в задната ï, под влияние на протетичното а, по силата на характерната за тюркските езици прогресивна асимилация, известна повече като звукова хармония и по-конкретно във вида на вокалнозвуковата хармония по мекост-твърдост, така че се стига до облика арït.*

Както много добре проличава от гореприведените хаз. Абит и Parsbit, спирантизацията или фонетичната промяна b-v е звуково преобразуване, присъщо по-скоро на дунавскоболгарския, но като че ли не и на хазарските и кавказскоболгарските езици, ако въпреки вече изтъкнатите съображения, все пак може да се докаже, че първото име наистина е болгарско по произход. Но независимо от това въпросната спирантизация е съществена структурнотипологическа черта особеност на дунавскоболгарския език на фонетично равнище, която го свързва и обединява с източноиранските, древният скитски и съвременният осетински език, които пък от своя страна, по линията на беззвучната спирантизация p-f образуват ярко очертан и специфичен фонетичен тип сред всички останали ирански езици [вж. Основы иранского языкознания 1979, 332].

Тази фонетична промяна се наблюдава и при други прабългарски думи собствени и нарицателни имена като например бълг. апл шавар "вид блатна тръстика", който ние вече имахме възможност да проучим по-подробно и да докажем като лексема компонент на прабългарския субстрат в българския език и който тук лежи в основата на редица хидроними и ойконими като хидрнм Шаварна (Севл), Шиварна (Самк), ойкнм Шаварна (Пл, XV в.), Шаварна (Севл, 1877), миктп Шаварна, хидрнм Шаварна гьол (ГОр) и др. [Добрев 1996, 141; Ангелова-Атанасова 1996, 436].

Въпросната фонетична промяна е налице също и при срвек. арм. ойкнм Šawarnahoł - село в Армения, възможно и в кантона Bałkh, за който има податки и в средновековните писмени извори, че по тези места са се заселвали прабългари [Армянская география 1877, 70; Стаматов 1997, 56-57], но който ойконим засега, съвсем неоснователно и необосновано, се представя като собствено арменско по произход местно име [Капанцян 1975, 151].

В действителност, на основата на един по-подробен, семантикоструктурен и особено словообразувателен анализ, посредством който се установява, че еднаквото и в двата случая словообразуване е много старо българско, наследено още от "алтайския" период на тюркските езици; негов съвременен продължител трябва да е чув. -па/-пе с дестинативно значение, а съвременно съответствие и по форма, и по значение – якут. -на:х, също и -ныk, които са варианти на общтюрк. -lïγ със значение на събирателна множественост [вж. Добрев 2000, 11; Бетлингк 1989, 256; Левитская 1976, 137-138; Серебренников, Гаджиева 1986, 115], си проличава особено ясно, че арм. ойкнм Šawarnahoł всъщност и безспорно е чисто и просто българска ономастична заемка, която дължи наличието и присъствието си точно на това място, на добре известния от историята факт на заселването и пребиваването през Ранното Средновековие по арменските земи и на прабългари.

Този извод се потвърждава и от анализа на Името в синтактико-лексикален аспект, сегментацията където най-напред се получава напълно коректна и обектно мотивирана и има за резултат двете изцяло, фонетико-морфолого-семантически завършени, обособени и самодостатъчни с оглед преди всичко и главно на тюркските езици лексеми, където те си имат своето собствено, националноезиково и ареално разпределение и употреба не само в синхрония, но и в диахрония.

Сега и тук специално за втората съставка hoł, допълнително трябва да се отбележи, че тя е структурен елемент на голям брой водни названия от ареала не само и единствено на съвременните, но и на историческите тюркски езици, и едно от тези имена например е съвр. рус. хидрнм Оскол, струс. Осколъ, укр. Оскіл - голям ляв приток на р. Северски Донец, който започва от Средноруските възвишения в Курска област, тече през Белгородска област и се влива в Северски Донец в югоизточната част на украинската Харковска област.

При достатъчно подробното и аналитико-критичното си проучване на произхода на хидрнм Оскол, И. Добродомов [1988] отделя специално и то в необходимата степен, внимание и на геотрм qol с неговото разпространение, форми и семантика във всички "алтайски" езици и стига дори и до ностратическите, без да пропуска също така да отграничи този термин от фонетико-семантически доста близкия му пак геотрм köl "озеро", а като резултат и цяло Името се оказва "тюркският хидроним As-qol", състоящ се от етнм as "аланин" и геотрм qol "река" и дължащ своето възникване на пребиваването в басейна на тази река на алани от състава на "алано-българската по своя характер Салтово-маяцка култура" [81-91].

И все пак нека забележим в семантически план, че изпускането из предвид и дори игнорирането вида и характера главно на значенията на лексемата в отделните групи езици; провеждането на анализа основно в общотюркски и дори "алтайски" план; недостатъчното внимание към културноисторическите условия и предпоставки за възникването на Името и към вътрешната диференциация и стратификация на тюркските езици като цяло и на тюркобългарските в частност, се отразяват

отрицателно в крайна сметка и върху достатъчно точната и дори липсващата експлицитна идентификация, хронологизация и атрибуция и на самото название.

*Според нас хидрнм Оскол дължи своето възникване и образуване не на тюркобългарите хазари, къпчаките половци или огузите печенеги, които предположения цитира и самият автор [82], а именно и единствено на средновековните болгари из Южноруските Степи отпреди началото на XI в., известни още като "черни българи". Съществен аргумент в полза на това заключение е семантическото тъждество в общия географски термин между арм. Šawarnahoł и струс. *As-qol, подкрепено пак в семантически план и от монголските езикови данни, единството с които си има безспорно своето обяснение в голямата географска близост и възможно най-тесен етнолингвистичен контакт между тюркобългари и монголи още през Алтайската Епоха, като никак не е изключено при специално подробно проучване и доказателство монголската лексема да се окаже тюркобългарска заемка.*

Фонетичната промяна b-v е характерна също така и за кавказскоболгарските езици и диалекти и именно тук твърде рано е засвидетелствувана друга една форма на общтюрк. eltäbär във вида на титл. илитвер, която се среща и употребява и като мли Илитвер с фонетически като че ли доста отдалечен вариант Ирлитбер, за което име някои изследователи приемат, че засега е много трудно да бъде определено етнически [вж. Каланкатуаци 1984, 120-214, срв. Зифельдт-Симумяги 1988, 84].

Всъщност трябва да се каже, че точно такова мъжко лично име надали е съществувало в миналото на тюркските езици и народи, защото "Името" очевидно е резултат от много погрешна и некоректна сегментация на хаз. мли Хатирлитбер, съставено от генм Хатир, носен от един от най-знатните хазарски родове на Кавказ и образуван, с известна доза вероятност, на основата на видоизменения в неясно кой език, етнм хазар, както и от хазарската титл. литбер, съответна на квболг. илитвер, и двете заедно краен резултат от поотделното и самостоятелно развитие в условията на тези два български езика на общотюркската титл. eltäbär [вж. и срв. Артамонов 1962, 244-246].

Фонетичната промяна b-v е характерна освен това и за по-късния волжскоболгарски език, където засвидетелстваната в Орхоно-Енисейските Надписи относно военния предводител на едно от племената в Източнотюркския Хаганат, общотюркска титл. eltäbär "военачальник; главнокомандующий, эльтебер" (732) по времето на Ибн Фадлан (922) има вида йылтывар **يلطوار**, *балтавар* **بلطوار** *[Фахрутдинов 2003, 2-3,8; ДТС, 171]. Но според О. Смирнова [1981], която вижда във втората част неясно какво точно производно от оттюрк. таб- "найти, снискать", а първата съставка според нея е оттюрк. эль "племенной союз; народ", българският вариант е резултат от йотация на началната гласна и поява на дълга гласна, именно поради което в арабографичното отразяване трябва, вероятно, да се възстанови алефът -* **ايلطوار - يلطوار** *[250-251].*

Според нас първата гласна не може да бъде э, а ӓ и думата не е эль с горното значение, а äl с най-вероятно значение "висок; голям". Допълнително доказателство за това е и невъзможността първата гласна да се йотува и развие до ы, докато такова

развитие от ӓ през а е напълно възможно, така че всякакъв смисъл и оправдание губи и така предложеното възстановяване на алефа в арабското изписване [Добрев 2015, 259-267, вж. и срв. Golden 2015a, 229-230].

Прабългарската титл. *авит* е много стара, източноиранска, най-вероятно от скито-сарматски тип, заемка в прабългарските диалекти и езици от времето преди Новата ера, когато прабългарите все още са в Централна Азия. Нейна основа е иран. **pati-*, „господин", стир. *paitiş* „Herr" (AiWb), а съответствието й в авестийския език е *paiti-* „lord, husband; a leader; (pref.) towards, against, back; (prep.) to, upon, for, with (AvDict). В средноиранските езици, архетипът на тази титла е представен и продължен от партския непродуктивен суф. *-pat/-bed/-byd* в нарсим *dīzpat* „начальник крепости" и личим *Andarbed;* от бактрийския предл. *pido [pəd],* от което е и мундж. *pye,* но и от суфикса за длъжност, с който са образувани *asbarobido* „начальник кавалерии", *zēnobido* „начальник арсенала"; самостоятелно-отделно от срперс. *pati/pet* „предводител, военачалник; върховен жрец", откъдето е пехл. *pat,* но и ефт. *bid* "commander"; също и от суф. *-bed/-byd/-pat* в нарсим *darīgbed* „дворцовый начальник", *hērbed, hērpat* „жрец; глава религиозной школы", но и *magupat* „верховный жрец", от което пък е перс. *mōbad,* арм. *mogpet,* а чрез изпадане и съкращаване на средната част, и дворцовата титла *маготин,* от времето на цар Симеон (893-927); *spāhbed, spāhpat* „военачалник", от което пък е и перс. *sipāhbad;* парт. *aspbed* (older *asppat* from Olr. **aspa-pati-*) „master of horses, chief of cavalry", откъдето е ефт. *dapirpat* „head of chancellery", арм. *хазарапетъ* от иранското по произход *хазара* "хиляда", т.е. "хилядник"; тук е арм. *aspet* „coronator" от стперс. **viθa/visapati* „head of the clan"; сасанд. *'sppt,* парт. *'sppty,* откъдето е гръц. *aspabides* [подр. Добрев 2004, 13-15,65-83, вж. Основы иранского языкознания 1981, 73,323,337; AiWb, 238; AvDict, 82; EncIr, 791-792, вж. и срв. Байчоров 1989, 79-82,275; Симеонов 2008, 136-138].

Наред с всичко това, на основата на българската титл. **абит* се образуват още и средновековното квболг. млим *Абит* (С. Байчоров), хазарският антним *Parsbit,* при

и пред пак хазарското млим *Barsbek*, очевидно от **pars-abit* с изричната забележка от страна на лингвистите хазароведи, че това са не само "Turkic Female Khazarian names", но и "also a male name". Пак тук е, твърде възможно, още и съвременното турско млим *Avid*, преминало в огузските диалекти най-вероятнопреди началото на XI в., когато огузските племена все още са по земите на Средна Азия.

При това положение, повече от очевидно източноиранската по произход българска титла *абит*, под формата *apït* преминава и се заема и в езика на Орхоно-енисейските рунически паметници. Между впрочем при разчитането и превода на титлата не само в съответния речник (ДТС), но и в някои специално-индивидуални проучвания (M. Ergin), е допусната неприятно-досадната грешка, при която титлата е представена за втора съставна част на „композитата" *šadapït*. В началото на тази грешка очевидно стои С. Малов, който изобщо не е наясно с нейния произход и лексико-граматична структура. От по-новите проучватели тази грешка рецидивира и при Ом. Прицак (Т. Славова), а така също и при Т. Текин, за когото в никакъв случай не може да се каже, че и той има ясно изразена позиция по въпроса:

…bipijä шад-апыт bärläp...

Небоподобный, неборожденный (собств. «на небе» или <-из неба возникший») тюркский каган», я нынче сел (на царство). Речь мою полностью выслушайте (вы), идущие за мною мои младшие родичи и молодежь (вы), союзные мои племена и народы; (вы, стоящие) справа начальники шад и апа, (вы, стоящие) слева начальники: тарханы и приказные, (вы) тридцать...

Мне хотелось сюда же привлечь слово из казанско-татарского языка alpaut 'дворянин', 'помещик'; alpayut в языке тобольских татар (РСл, I, 431), что, весьма вероятно, является множественным числом от слова alpayu (КТ). Сравни дворянскую татарскую фамилию Алпаутовых. Привлекать сюда же (т. е. к слову alpayut, чув. ulput) kereme': (гневное злое божество чуваш) — арабское слово — я не нахожу возможным.1

Сюда же, возможно, следует отнести и слово šadapyt (КТм 1) (? šad + apa-i-t) и oruŋutlaryŋyz 'ваши оруŋуты' (Suv. 4014).

š a d a p y t титул, КТм, 1; РСл., IV: vielleicht von šad-apa-t, Altt. In schriften.., 1895, 3 Lief., стр. 216 [Малов 2015, 27,33,51,424].

Повечето изследователи (MORAVCSIK 1958, БЕШЕВЛИЕВ 1979, БЕШЕВЛИЕВ 1981a: 45) не представят етимология на **сетит** *или я отбелязват като неизвестна. Други обаче (PRITSAK 1981: 35–36, GRANBERG [forthcoming]: Dictionary 108) справедливо извеждат съставката* **сетит** *[šedit, šadit] от пратюрк. šadapit, заето от согд. 'уšуδ 'цар' < ст.иран. Xšaθra- 'древно божество на ирански племена с военна функция в трифункционалната структура на върховните богове на индоевропейците' (ШЕРВАШИДЗЕ 1990: 87–88); срв. И сходните форми в сакски šao, перс. Þah, в основата си производни от ст.перс. xšayaθiya (CLAUSON 1972: 866–867); известни са и кушански и евталитски образци (КЛЯШТОРНЫЙ 1964: 111). В старотюркските паметници са запазени формите šad, šadapyt като висш титул на първия човек след хана (МАЛОВ*

*1951: 424). Заемането ‘yšyd > šadapit > šadit е станало чрез характерните за алтайските езици фонетични явления: 1. палатална хармония, рефлектираща върху коренната гласна (прабълг. -a- [e, i] : тюрк. -a-), 2. редуциране и изпадане на гласни в средисловие (в неударена сричка) и опростяване на съчетания от две съгласни чрез редукция на първата (*šad-ap-it > šad-av-it > šadvit > šadit), 3. предаване на инициално иран. y- с прабълг. (тюрк.) š- (по-подробно GRANBERG [forthcoming]: Dictionary 108). СИМЕОНОВ (1981: 43) привежда паралели с якутски, калмицки и източноалтайски езици (тунгусо-манчжурски), в които фонетично близки до σετιτ форми (сити, сытыы, сотото, sigid, šit) имат значение ’мъдър, умен, разсъдителен; този, който може да съди’ и оттам на σετιτ βαγαηνος приписва семантика ’съдия багаин’* [Славова 2015, 121].

biriyä šadpit bäglär *šadpït lords to the south;* bašlayu ulayu šadpït bäglär *at the head and the šadpït lords;* bašlayu ulayu šad[pït] bäglär *at the head and the šadpït lords* [Tekin 2015, 231-246].

Специално W. Thomsen [1986] обаче, още когато преди 1893 г. разчита и превежда Орхонските рунически паметници, отбелязва, че думата *šadapït* му е непозната, тя може би е родствена на *šad*, но без всякакво съмнение не е думата, която в китайския език става *soulipat* [166]. В действителност и тук е налице типичното за тюркските езици безсъюзно синтактико-съчинително свързване на три отделни думи, като съответният словоизменителен суфикс се прибавя само към последната от тях, в случая *beglär*. По подобен безсъюзен начин, между впрочем, се свързват и две съчинително разположени определения към едно и също определяемо: eki oγlïma jabγu šad at bertim *двум сыновьям моим я дал [титулы] ябгу и шад*а [ДТС, 519]. Освен това в текста на паметниците немалко пъти титл. *šad* се употребява и самостоятелно [Clauson, 866]. Ето защо разчитането и преводът на израза придобиват съвсем друг вид: …ulaju šad apït beglär *...за ними шады, апыты и беки* [ДТС, 519]:

В 1892 г. опубликованы результаты этих двух экспедиций в виде двух больших атласов со снимками с неизвестных надписей, планами развалин, географическими картами и проч. Теперь для ученых явилась полная возможность пытаться прочитать так или иначе эти неизвестные надписи. Прочитать эти памятники посчастливилось датскому ученому проф. Вильгельму Томсену в 1893 г. Наш академик В. В. Радлов тоже занимался расшифровкой этих надписей, и ему удалось ко времени открытия В. Томсена определить из большого числа неизвестных алфавитных знаков до полутора десятка букв. Если до В. Томсена ученые пытались читать эти неизвестные надписи с берегов Енисея и Орхона при помощи существующих и существовавших, им известных, алфавитных знаков, то проф. В. Томсен пошел совсем по другому пути. В. Томсен как бы отстранил от себя все алфавиты. Он пытался самым детальным образом сначала изучить соотношения одних букв с другими. Для В. Томсена при этом выяснилось, что некоторые буквы могут быть в близком соседстве с рядом других букв, другие же нет. Это привело В. Томсена к мысли о делении букв на два класса по числу звуков переднего и заднего ряда. А все это вело мысль к строю тюркских языков. Углубляя свое изучение

неизвестных букв, В. Томсену удалось выделить из больших «орхонских» надписей слова: тюрк, тенгри и другие, — и, наконец, 25 ноября 1893 г. ему удалось уже найти полный ключ ко всему алфавиту этих до того неизвестных надписей с берегов Енисея и Орхона [Малов 2015, 12].

tört yigirmi yaşımka Tarduş
budun üze şad olurtum.
on dört yaşımda Tarduş milleti
üzerine şad oturdum.

Karigım Türk Bilge Kağan olurtukında
Türk amtı begler kisre Tarduş begler
Kül Çor başlayu ulayu şadpıt begler...
Babam Türk Bilge Kağanı
oturduğunda şimdiki Türk beyleri,
sonra Tarduş beyleri; Kül Çor başta
olarak, arkasından şadpıt beyleri;...

Men tokuz yigirmi yıl şad
olurtum, tokuz yigirmi yıl kağan
olurtum, il tutdum.
Ben on dokuz yıl şad olarak
oturdum, on dokuz yıl kağan olarak
oturdum, il tuttum.

...başlayu ulayu şadpıt begler bu...
...başta olarak, arkasından şadpıt beyleri;…

Ulayu ini yigünüm oğlanım
biriki oğuşum budunum
biriye şadpıt begler yırıya
tarkat buyruk begler...
Bilhassa küçük kardeş yeğenim,
oğlum, bütün soyum, milletim,
güneydeki şadpıt beyleri,
kuzeydeki tarkat, buyruk beyleri
[Ergin 2015, 25-32, вж. и
срв. Арсал 2008, 221-222;
Шервашидзе 2015а, 88].
Начальниками войска пусть
идут Инэль-Каган и тардушский
Шад, сказал. По милости Тенгри,
мы не боялись, говоря, что их много.
Мы сразились, их Кагана мы
схватили, там умертвили
их Ябгу и Шада [Tonyukuk, 1-7].

Оставшиеся независимыми
среди деревьев и камней соединились,
и их составилось семьсот человек.
Две части из них были всадниками,
а одна часть из них была пехотой.
Тот, кто семьсот людей вел,
старший из них, был "шад".

Източноиранската по произход прабългарска титл. **авит* преди всичко се наблюдава и е главен словообразувателно-структурен елемент на прабългарското млим *Авитохол.* Синтактичната структура, словоредът на отделните компоненти на сложносъставното име са очевидно-безспорно, единствено и само тюркски изобщо и прабългарски в частност под формата на задължителното и винаги и навсякъде безусловно спазвано и прилагано синтактично правило за разполагане на определението пред определяемото. Затова няма никакви, достатъчно основателни и сериозни причини името да не се разчлени или сегментира до изходните си съставки *Авит-охол.* Негова историко-генетична основа, но същото и етимон, е свободното подчинително синтактично словосъчетание **авит-охол* със значение поотделно на всяка една от съставките „княз" и „син; чедо". Резултативно-идиоматичното значение на това словосъчетание под формата на „князчето" го превръща в умалителното нарсим *князчето,* което с течение на времето се превръща и в прозвище. Тъкмо това съществително име е апелативът,

на основата на който в южнодунавския диалект на прабългарския език възниква и се образува и самото име:

*И изобщо възникването и образуването на собствени и специално на лични имена на основата на титли не е никаква новост в тюркските езици по принцип, вж. напр. L. Rásonyi [1976, 212], и в прабългарските в частност, такова име е и по-горе достатъчно подробно анализираното и обосновано мли Авитохол на първия в Именника на българските ханове, български владетел, другото име на който е Атила, а така също и многократно обсъжданото в първата глава и като че ли едно от най-често срещаните унгарски мли Gyula [düla] с генетична основа предимно севернодунавската прабългарска титл. *düla, в съвременна унгарска графика – gyula, към която редица изследователи на прабългарите подвеждат и геннм Дуло на прабългарския царски род или династия (Г. Фехер, П. Юхас), докато специално прабългарската титл. βοηλα е втора съставка на по-подробно разгледаните пак в първата глава на настоящото изследване прабългарски мъжки лични имена като името на добре известния от надписите на хан Маламир и хан Пресиян, кавхан Исбул, ὁ Ησβουλος ὁ καυχανος, още и мли Σουρσούβουλος на тъста на цар Симеон Велики.*

Именно поради всичко това тук само непременно трябва да се отбележи, че този тип собствени имена, според нас, е възможно да се образуват, като титлата на съответното лице, което я притежава, в друго едно, допълнително-различно от неговото родно, изконно-първично социо-етнолингвистично поле се възприеме, използува и утвърди като негово лично име, какъвто безспорно е случаят и с гореприведеното гръцко фми Βοΐλας, носителят на което най-вероятно е българин на византийска служба, но така също и случаят, при който друг един българин, носител на титл. ταρχαν, преминава на византийска служба и поставя началото на стария и известен още от XI в., аристократически род Тарханиотъ, един от многобройните наследници на който по майчина линия, през 1263 г., например, е византийският пълководец Михаил Глава Тарханиотъ, който по баща пък е от българския род Глава [Златарски 1994, 602-603].

Или и в този случай лицето преминава в друго, различно от предишното и родното му социо-етнолингвистично поле, където става известен не посредством притежаваното и носено много преди това лично име, а посредством титлата, която притежава и на основата на която възниква и се образува и новото му лично име, така че в края на краищата едно и също лице се оказва и става притежател и носител на две отделни и различни лични имена, всяко едно от които обаче то притежава, а името се проявява, използува и функционира в рамките на социо-етнолингвистичното поле, в което възниква, т.е. на различно място и в различно време.

Възникването и образуването между впрочем на мъжко лично име на основата на титла е доста разпространено при тюркските племена и народи, където никак не е малък и броят на историко-генетически подобните или тъждествени имена и така например, при литовските татари от около 1547 г., може да се попадне на мъжко лично име, образувано едновременно от прабългарска, болгарска от една страна и

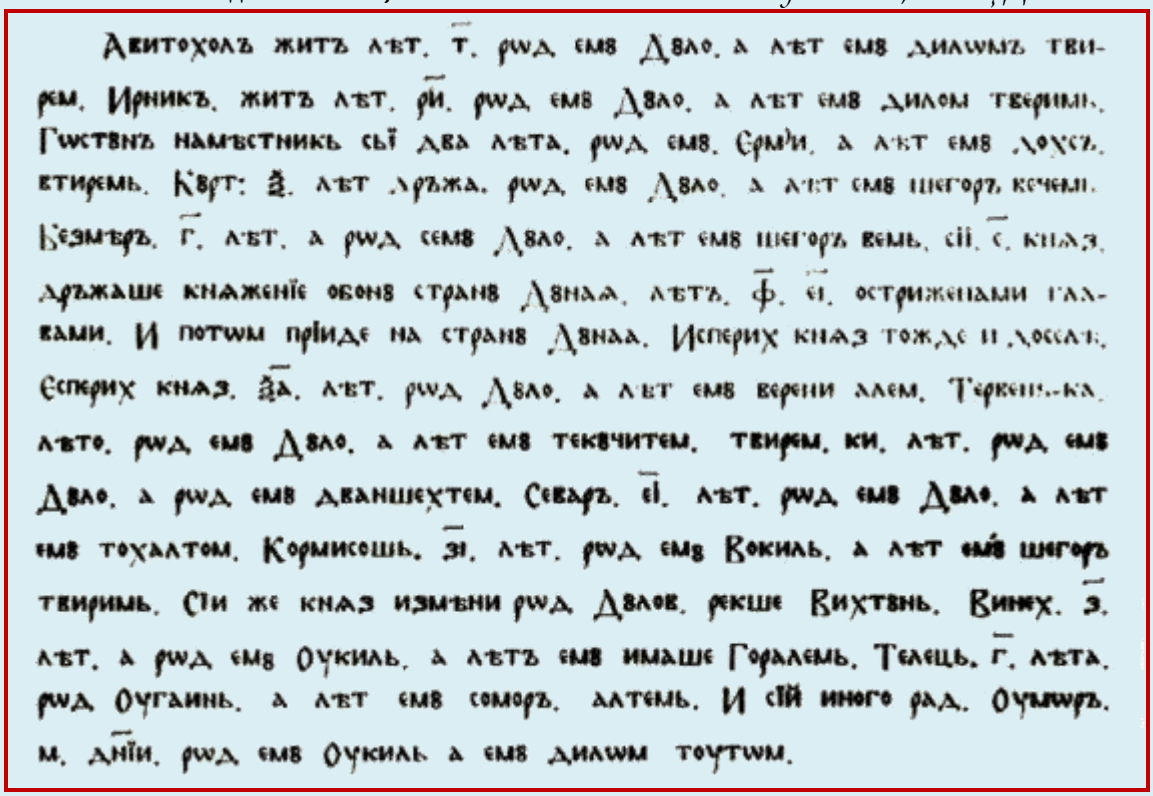
арабска от друга страна, по произход титла, като Богатыр-Солтан, носителят на което мъжко лично име по това време е "Царевич Острынский" и има още двама братя - Джанай и Чингис [Думин 2004, 5].

Но не по-малко тюрколого-ономастически любопитен и дори куриозен случай са съставките Хан и Бахадур в няколкоелементното лично и фамилно име на индийски принц от Делхи от последните години на британското господство в Индия [ТВ], генетико-историческата връзка на които със съответните прабългарски титли надали се нуждае от специална обосновка и доказване.

Специфично-частен случай на тази ономастична ситуация и номинативна структура е рязкото стесняване и ограничаване сферата на употреба на съответната титла, само до много тесен кръг лица, извън който думата се знае и помни с някакво приблизително-неясно значение, при условията и по силата на което чрез тази дума се кръщава, наименова съответното лице и така тя се превръща в апелатив, на основата на който възниква и се образува ново за съответния език лично име. Тук ономастичният процес се осъществява в рамките на едно и също етническо, но на различни социални полета, едното от които е пределно редуцирана и ограничена форма и степен на другото [Добрев 2005, 359-361, вж. и срв. Симеонов 2008, 137-138].

Прабългарското млим *Авитохол* е известно като че ли единствено от Именника на българските ханове, с което започва и самият Именник:

Авитохолъ житъ лѣтъ Т.	*Авитохол живя години триста,*
родъ емꙋ Дꙋло,	*Родът негов е Дуло,*
а лѣтъ емꙋ диломъ твиремъ	*А годината му е Змия, месец Девети*


Авитохолъ житъ лѣт. т҃. рѡд емꙋ Дꙋло. а лѣт емꙋ диломъ твиремъ. Ирникъ. житъ лѣт. ри҃. рѡд емꙋ Дꙋло. а лѣт емꙋ дилом тверимь. Гѡстꙋнъ намѣстникь сьї два лѣта. рѡд емꙋ. Ермꙋи. а лѣт емꙋ дохсъ. втиремь. Кꙋрт: ѯ҃. лѣт дръжа. рѡд емꙋ Дꙋло. а лѣт емꙋ шегоръ вечемь. Безмѣръ. г҃. лѣт. а рѡд семꙋ Дꙋло. а лѣт емꙋ шегоръ вемь. сїї. с҃. кнѧз. дръжаше кнѧженїе обонꙋ странꙋ Дꙋнаѧ. лѣтъ. ф҃. еі҃. остриженами главами. И потѡм прїиде на странꙋ Дꙋнаа. Исперих кнѧз тожде и доселѣ. Есперих кнѧз. ѯа҃. лѣт. рѡд Дꙋло. а лѣт емꙋ верени алем. Терпень-ка. лѣто. рѡд емꙋ Дꙋло. а лѣт емꙋ текꙋчитем. твирем. ки. лѣт. рѡд емꙋ Дꙋло. а рѡд емꙋ дваншехтем. Севаръ. еі҃. лѣт. рѡд емꙋ Дꙋло. а лѣт емꙋ тохалтом. Кормисошь. зі҃. лѣт. рѡд емꙋ Вокиль. а лѣт емꙋ шегоръ твиримь. Сїи же кнѧз измѣни рѡд Дꙋлов. рекше Вихтꙋнь. Винех. з҃. лѣт. а рѡд емꙋ Оукиль. а лѣтъ емꙋ имаше Горалемь. Телець. г҃. лѣта. рѡд Оугаинь. а лѣт емꙋ соморъ. алтемь. И сїй иного рад. Оумѡръ. м. днїи. рѡд емꙋ Оукиль а емꙋ дилѡм тоутѡм.

Погодиновият препис на Именника на българските ханове

авитохолъ житъ лѣтъ т~. родъ емоу доуло,
а лѣтъ емоу диломъ твиремъ.

ирникъ житъ лѣтъ р~.ин~. родъ емоу доуло,
а лѣтъ емоу диломъ твиремъ.

гостоунъ намѣстникъ съı в~. лѣтъ.
родъ емоу ерми, а лѣтъ емоу дохсъ твиремъ.

коуртъ ѯ~. лѣтъ дръжа. родъ емоу доуло,
а лѣт емоу шегоръ вечемь.

безмѣръ г~. лѣтъ, а родъ емоу доуло,
а лѣтъ емоу шегоръ вечемъ.

сии е~. кънѧзь дръжаше кнѧжение шв
оно страно доунаıа лѣтъ ф.и~еї.
остриженами главами.

и по томъ приде на странѫ доуная
исперихъ кънѧзь тожде и доселѣ.

исперихъ кънѧзь ѯѡ~. и едино лѣто.
родъ емоу доуло, а лѣтъ емоу верени алемъ.

тервель к~.и а~. лѣтъ. родъ емоу доуло,
а лѣтъ емоу теку читемъ.

.....

.....твиремъ.

...к~ ии~. лѣтъ. родъ емоу доуло,
а лѣтъ емоу дванъ шехтемъ.

севаръ ёї. лѣтъ. родъ емоу доуло,
а лѣтъ емоу тохъ алтомъ.

кормисошъ ѕ̈.ї. лѣтъ. родъ емоу вокиль,
а лѣтъ емоу шегоръ твиремъ.

сии же кънѧзь нѕмѣни родъ доуловъ
рекъше вихтунъ.

винехъ ѕ~. лѣтъ, а родъ емоу оукиль,
а лѣтъ емоу шегоръ алемъ.

телець г~. лѣтъ. родъ емоу угаинъ,
а лѣтъ емоу соморъ алтемъ.
и сии иного радъ.

оуморъ м~. днии. родъ емоу укиль,
а лѣтъ емоу диломъ тоутомъ.

Носителят на млим *Авитохол* е тъждествен на широко и много добре известния в общочовешката история прабългарски хан Атила, считан за родоначалник или пръв владетел не само на българите от епохата на тяхната миграция и установяване в Европа, но така също и на немалък брой тюркски и угрофински племена и народи от Европа и Азия. Самото млим *Атила, Ἀττίλα, Ἀττήλαν, Ἀττίλας, Attyla* в действителност е резултат от констелация, наслагване, в условията на българо-готско двуезичие на готската лекс. **atta* „баща" в нейната умалителна форма, получена посредством умалителния суф. *-illa,* върху първично-основното му име *Атил,* дадено му по тогавашното българско наименование на р. Волга, *Ἀτήλ, Ἀτελ, Itil* (Ив. Добрев) [вж. и срв. Маенхен-Гельфен 2015, 453-455; Симеонов 2008, 136; Golden 2016a, 69-70; Schmitt 2010, 2; Taşağıl 2016a, 252-260; Moravcsik, 77-81, срв. Pritsak 2011, 444]. Именно поради това млим *Авитохол* заема изключително важно място и играе съществено-значима роля в основата и началото на произхода и стратификацията на българската антропонимия изобщо и на прабългарската в частност:

Атила *(на латински: Attila, на гръцки: Ἀττήλας, ср.-в.-немски: Etzel, †453) е последният и най-могъщ владетел на европейските хуни, управлявал от434 до смъртта си през 453 г. най-голямата европейска държава по това време. При неговото управление хуните са най-голямата заплаха за Източната и Западната Римска империя. Той нахлува два пъти на Балканите, като втория път обсажда Константинопол, пресича*

Германия и Галия до Аврелиан преди да бъде спрян в битката при Каталаунските полета и прогонва западния император Валентиниан III от собствената му столица Равена.

Макар че империята на Атила умира заедно с него, той се превръща в легендарна фигура в европейската история. В Западна Европа той е запомнен като символ на жестокост и хищност, докато в някои страни, например Унгария и Турция, той е смятан за велик владетел.

Европейските хуни вероятно са западен клон на хунну (匈奴), група номадски племена обитавали на север от тогавашен Китай и изтласкани през 2 век към Средна Азия. Благодарение на военното си превъзходство, дължащо се на извънредната им тактическа мобилност, наличието на най-голямата конна армия в региона и оръжия като хунския лък, от средата на IV век хуните започват да подчиняват народите в степната зона от Волга до Панония и се превръщат в заплаха за вече разделената на две Римска империя.

Към 432 г. западните хуни са обединени от Руа. След смъртта му през 434 той е наследен от Атила и Бледа, синове на брат му Мундзук. Новото царство, което той владее от ок. 434 заедно с брат си Бледа, обхваща най-различни ирански и германски племенни групи. През 435 г. двамата братя сключват с римляните договора от Марг, който помага на хуните. Атила убива през 444/445 г. брат си Бледа[1] и създава главния си лагер в днешната унгарска долина на Тиса, точка между Източната империя и Западната империя, където резидира в красив дървен палат.

Със Западен Рим Атила има първо добри контакти. Причина за това преди всичко е политиката на римския magister militum (пълководец) Флавий Аеций, който като млад е заложник и живее при хуните и познава Атила много добре. Аеций, всъщност владетелят в Западен Рим, през 433 г. идва с помощта на хунските помощни войски и също с тяхна помощ унищожава през 436 г. царството на бургундите на Вормс. Това се смята за историческата основа на сагата за Нибелунгите. Атила назначил за съветник между другото и римлянина Орест. Аеций дава на Атила части от Панония.

По времето на тяхното поемане на властта хуните водят преговори с пратеници на Теодосий II за връщането на няколко племена, избягали в Източната Римска империя. На следващата година Атила и Бледа се срещат с посланиците на империята при Марг и, без да слизат от конете според обичая на хуните, успяват да постигнат споразумение. Римляните се съгласяват не само да върнат избягалите племена, които биха били от полза във войната срещу вандалите, но и да удвоят дотогавашния данък от 350 на 700 либри злато (около 228 кг), да отворят пазарите си за хунски търговци и да плащат откуп от 8 солида за всеки свой затворник при хуните. Хуните остават доволни от договора и се оттеглят на север. Теодосий използва мира, за да усили стените на Константинопол, да построи първата морска стена на града и да подсили укрепленията по дунавската граница.

През следващите пет години хуните остават извън полезрението на империята. През 440 те се появяват отново и нападат търговците в един пазар на северния бряг на

Дунав. Атила и Бледа заплашват с война, твърдейки, че Империята не изпълнява поетите задължения и че епископът на Маргус е пресякъл Дунав, за да ограби и оскверни хунските царски гробници. Те преминават реката и унищожават крепостите по южния ѝ бряг. Маргус е превзет и епископът му е взет в плен. Според византийския историк Приск, съвременник и участник в събитията, епископът сам предава града на хуните. Атила и Бледа превземат столицата на Мизия Виминаций (близо до днешния Костолац) Сингидун и Сирмий, след което спират военните действия.

Теодосий няма възможност да засили войските си на Балканите, заради превземането на Картаген от вандалския крал Гейзерик през 440 г. и персийскотонападение в Армения през 441 г. През 442 г. той прехвърля войски от Северна Африка и нарежда изсичането на голямо количество нови монети, за да финансира войната срещу хуните. След тази подготовка, той решава, че може да отхвърли исканията на хуните за спазване на договора от 434 г.

В отговор на това през 443 г. Атила и Бледа подновяват военните действия. Придвижвайки се на юг, те превземат Рациария и успешно обсаждат Наисус, използвайки обсадни съоръжения. След това те се насочват към столицата и по пътя си превземат Сердика, Филипопол и Аркадиопол. Хуните се сблъскват и разгромяват основните сили на империята пред Константинопол и само липсата на обсадни съоръжения, способни да разрушат масивните стени на града, не им позволява да го превземат. Теодосий се признава за победен и изпраща 443 г. Magister militum per

Orientem Анатолий да преговаря за мир. Новият договор е по-тежък за империята от този от 434 г. Императорът трябва да изплати репарация за нарушението на предишния договор в размер на 2100 либри злато (ок. 687 кг). Годишният данък е утроен на 6000 либри злато (ок. 1962 кг), а откупът за пленниците е повишен на 12 солида.

След сключването на новия мирен договор хуните се оттеглят на север от Дунав. По време на последвалия мирен период, вероятно около 445 г., Бледа умира. Водят се спорове дали той е убит от Атила или умира по друга причина. Атила остава едноличен водач на хуните.

През следващите години Константинопол е засегнат от поредица бедствия: кървави сблъсъци между партиите на Хиподрума, епидемии през 445 г. и 446 г., втората последвана от глад, четиримесечна поредица от земетресения, разрушили голяма част от градските стени и предизвикали нова епидемия. Последните събития се случват през 447 г., точно когато Атила, утвърдил властта си, отново навлиза в границите на империята през Мизия. Войската на Източната Римска империя, водена от готския magister militum Арнегискъл, го среща при река Вит в Битката при Утус (447 г.) и завършва с победа над римляните. Хуните не срещат по-сериозна съпротива и опустошават Балканите, достигайки до Термопилите. Константинопол е спасен след намесата на преторианския префект Флавий Константин, организирал гражданството да възстанови повредените стени и да построи на места нови укрепления. Ето един римски поглед към събитията:

Варварският народ на хуните, който беше в Тракия, стана толкова силен, че повече от сто града бяха превзети, а Константинопол почти беше заплашен и повечето хора избягаха оттам... И имаше толкова убийства и кръвопролития, че мъртвите не можеха да бъдат преброени. Ах, те превземаха църкви и манастири и избиваха множество монаси и девици. – из Житие на свети Ипатий от Калиник.

Атила поискал като условие за мира империята да продължи да плаща данък в злато и да освободи територията, достигаща 450 km източно от (Сигиндун) и на 150 km южно от Дунав. Преговорите между двете страни продължават близо три години. Историкът Приск е изпратен като придружител на посланика в лагера на Атила Максимин през 448 г. и откъси от неговия доклад, цитирани в по-късните произведения на Йордан, дават живописно описание на неговия двор:

За нас и варварските гости бяха подготвени изобилни ястия, поставени в сребърни съдове, но яде само месо от дървена купа. Във всичко останало той се държаше умерено. Чашата му беше дървена, докато на гостите бяха дадени бокали от злато и сребро. Дрехите му също бяха съвсем прости, забележителни само с чистотата си. Мечът, който носеше отстрани, закопчалките на скитските му обувки, юздите на коня му не бяха украсени, като тези на другите скити, със злато или скъпоценни камъни, или нещо скъпо.

По време на тригодишните преговори според една легенда, описана от Йордан, Атила открил Мечът на Марс:

Историкът Приск казва, че той е открит при следните обстоятелства: „Когато някакъв пастир видял, че една юница от стадото му куца и не могъл да открие причина за раната, той загрижено проследил кървавата следа и попаднал на меч, който тя била настъпила неволно,

пасейки тревата. Той го изкопал и го занесъл право при Атила. Той се зарадвал на този подарък и, понеже бил честолюбив, помислил, че е посочен за владетел на целия свят и чрез меча на Марс му е осигурено превъзходство във всички войни.“ – из Произход и деяния на готите, гл.XXXV от Йордан [2]

Историците свързват тази легенда с традицията на почитане на меча сред номадите в Евразийската степ.

Около 450 г. Атила обявява намерението си да нападне силното вестготско кралство около Тулуза в съюз с императора на Западната Римска империя Валентиниан III. И по-рано той е в добри отношения със Западната империя и нейният фактически управител Флавий Аеций. През 433 Аеций за кратко е в изгнание при хуните, а тяхната помощ срещу готите и багаудите допринася за това, той да получи почетната титла magister militum на Запада. Подаръците и дипломатическите усилия на вандалския крал Гайзерих, който е в конфликт с вестготите, може би също оказват влияние върху решението на Атила.

През пролетта на 450 сестрата на Валентиниан, Хонория, с цел да избегне принудително сгодяване за един сенатор, изпраща на Атила молба за помощ и своя пръстен. Дори Хонория да не е имала предвид предложение за женитба, Атила решава да интерпретира съобщението ѝ по този начин. Той приема, искайки половината Западна империя като зестра. Когато Валентиниан разкрива заговора, само намесата на майка му, Гала Плацидия, го спира да не убие Хонория, а само да я изпрати в изгнание. Той също пише на Атила, отричайки енергично валидността на предложението за женитба. Атила не е убеден и изпраща посланици в Равена, които обявяват, че Хонория е невинна, че предложението е валидно и че той ще дойде, за да предяви претенциите си.

Междувременно към края на 450 г. Теодосий II умира и неговият наследник Марциан спира изплащането на данъка за хуните, а Балканите вече са силно опустошени от предишните походи на хуни и готи. Смъртта на краля на салическите франки и започналите междуособици между двамата му синове предизвикват разрив между Атила и Аеций. Атила поддържа по-големия син, а Аеций по-малкия (по-малкият брат може би е Меровех, основателя на династията на Меровингите). Според британския историк Джон Бъри намерението на Атила по това време е да разшири държавата си, вече най-силна на континента, до атлантическия бряг. След като събира своите васали (гепиди, остготи, руги, херули, тюринги, алани, бургунди и други) и потегля на запад, той обявява готовността си да сключи съюз с която и да е от двете страни – вестготи и римляни.

През 451 г. той пристига в Белгика с голяма войска (според Йорданес половин милион души, вероятно силно преувеличена оценка). На 7 април той превзема Мец и Аеций тръгва срещу него, събирайки войска от франки, бургунди и гали. Пратеници на император Авит и напредващите армии на Атила убеждават краля на вестготите Теодорик I да сключи съюз с римляните. Обединените им войски стигат до крепостта Аврелиан, с което отклоняват похода на хуните. Аеций тръгва след тях и ги застига при Каталаунум (днес Шалон ан Шампан). Двете войски се сблъскват в битката на

Каталаунските полета (20 юни 451 г.), която завършва с победа на готско-римския съюз, макар че Теодорик е убит в боя. Атила се оттегля зад границата и съюзът бързо се разпада.

През 452 г. Атила отново отива да предяви своите претенции за брак с Хонория, като опустошава Северна Италия по пътя си. Армията му разграбва много градове и напълно разрушава Аквилея. Валентиниан бяга от столицата Равена в Рим, а останалият Аеций няма достатъчно сили, за да се противопостави на хуните. Атила се спира при река По, където е посрещнат през 452 г. от делегация, включваща префекта Тригеций, консула Генадий Авиен и папа Лъв I.

Предложени са различни обяснения за прекратяването на похода. Чумата и гладът по време на похода може би отслабват армията на Атила или войските, изпратени от Марциан на север от Дунав, го принуждават да се върне в Панония, или може би и двете. Според Приск причината е суеверен страх от съдбата на Аларих I, умрял малко след като разграбва Рим през 410. Проспер Аквитански пише (според думите на Гибън „измислица, изобразена от молива на Рафаел и длетото на Алгарди"), че папата, подпомогнат от свети Петър и свети Павел, го убеждава да отклони похода си от града.

Каквато и да е причината, Атила напуска Италия и се връща на север от Дунав. Той планира отново да нападне Константинопол и да възстанови плащането на данъка, прекратено от Марциан. Той не успява да осъществи замисъла си, защото умира в началото на 453. Според широко приетата версия на Приск, през нощта след пиршеството по повод поредната му женитба (за готка на име Илдико през 453 г.) той получава силен кръвоизлив от носа и умира, задавен от кръвта. Когато научават за смъртта му, воините му отрязват косата си и си нанасят рани със своите мечове в знак на траур, тъй като, както казва Йорданес, „за най-великите воини трябва да се скърби не с женски ридания и не със сълзи, а с кръвта на мъжете". Той е погребан в троен ковчег – от злато, сребро и желязо – с трофеи от победите си, а тези, които го погребват, са убити, за да се запази в тайна мястото на гроба му.

Според една алтернативна версия, записана осемдесет години по-късно от римския хроникьор Марцелин „Атила, цар на хуните и опустошител на провинциите на Европа, беше пронизан от ръката и острието на своята съпруга". Повечето учени отхвърлят достоверността на тази история, предпочитайки версията на съвременника на Атила Приск.

След смъртта на Атила той се превръща в легендарна фигура: Ецел в Песен за Нибелунгите и Атли в сагата Волсунга използват Атила за свой прототип. Вероятно следвайки историята на Марцелин, крал Атли във Волсунга умира от ръцете на съпругата си Гудрун (Глава 39).

След смъртта на Атила синовете му Денгизик и Ернак влизат в конфликт с посочения за наследник техен брат Елак и, разделени, са разгромени в битката при Недао през 454. Подчинените им племена се отделят и основната част от хуните се изтегля от Централна Европа в Черноморските степи.

Съществува хипотеза, според която споменатите в „Именник на българските ханове“ легендарни князе Авитохол и Ирник трябва да се идентифицират с историческите личности Атила и Ернах. Според Васил Златарски подобно предположение е несъстоятелно[3], но то се приема от повечето съвременни историци.[4]

Основният източник на информация за Атила е Приск, историк, пътувал с Максимин като пратеник на Теодосий II през448. Той описва селището на хуните като имащо размер на голям град със здрави дървени стени. За самия Атила той казва: Нисък на ръст, с широки гърди и голяма глава; очите му бяха малки, брадата рядка и прошарена със сиво; и имаше плосък нос и мургава кожа, показващи знаците на неговия произход

В западната история и традиция Атила е известен като безжалостния „бич Божи“ (на латински: flagellum dei), а името му е синоним на жестокост и варварство. Това донякъде може би се дължи на сливане в общественото въображение на негови черти с такива на по-късни степни владетели, като монголите Чингис хан и Тамерлан – всички те минават за жестоки, умни и кръвожадни любители на битките и грабежите. Истината за характера на Атила вероятно е по-сложна. Хуните по времето на Атила имат широки контакти, както с двете Империи, така и с подчинените си германски племена. Според Приск през 448 обичайните езици в лагера на Атила са три – хунски, готски и латински. Той описва и срещата си с пленник от Източната империя, напълно възприел хунския начин на живот и не изпитващ желание да се върне в родината си. Самото описание на скромността и непринудеността на Атила е изпълнено с недвусмислено възхищение.

Историческия контекст на биографията на Атила е важен за появата на по-късната представа за него. В последните години на Западната империя неговите конфликти с Аеций (често наричан „последният римлянин“) и непознатостта на неговата култура допринасят за образа му на яростен варварин и враг на цивилизацията, както е изобразен в множество филми и други произведения на изкуството. Германските епоси, в които той се появява, му дават по-нюансирано представяне. Той е благороден и щедър съюзник като Ецел в Песен за Нибелунгите и жесток съперник като Атли във Волсунга. Някои национални истории винаги го показват в положителна светлина. В Унгария и Турция имената на Атила и последната му съпруга Илдико остават популярни и днес.

Самото име Атила няма ясен произход. Според някои то идва от готското atta, „баща“, с умалителната наставка -la, тъй като много готи са на служба при Атила. Друг възможен произход е от прототюркски – atta („баща“) и il („земя“). Трета възможност е името да е свързано с Атил, средноазиатското наименование на река Волга.

Атила има съпругите Илдико, Крека и други. Той е баща на Елак, Емнетзур, Ултзиндур, Ирна (Ирник, Ернак), Денгизих, Чаба и други [Атила 2016, 1-7].

2.1. Болгары шли во главе Великого Переселения Народов; именно они являются первопричиной воздвижения Великой Китайской Стены; гораздо позднее, вытесняя

восточные и западные римляне за Балканские Горы и Средний Дунай, подготовили гибели и участвовали в свержении Римской Империи, а таким образом и в свержении рабовладельческого строя и установления феодального строя в истории всемирного человечества.2.2. Болгарский хан Атила, которого все племена и народы Азии и Европы знали еще как Авитохол, Авит, Этел, Эцел, Атли, Дзивата-полк, создал и руководил полиэтнической военно-племенной конфедерацией Западно-Хунской империи от Урала до Рейна, где самыми многочисленными и ведущими были болгарские племена, а немалый удельный вес имели готские и славянские племена, и которая в действительности ничто иное как европейские объединенные штаты со своим парламентом, председателем которого был Атила-хан и в котором заседали вожди отдельных племен Империи. Вожди некоторых готских племен, например, славились тем, что хорошо шутили и забавляли Атилу, но несмотря на это, гунны и готы в общем то жили в симбиозе (Maenchen-Helfen 1973, 442-443).

2.3. Атила-хан подготовил, организовал и провел в 451 г. первую в Мире Великую Битву Народов, участники которой с обеих сторон насчитывали между 300-700 тыс. человек, а убитых и раненных было свыше 165 тыс. человек: "The character of the battle, when the vassal tribes of Vestgotes, Franks, Burgunds and Roman legions lead by Aecius, encountered with the Atila's troop-horse Armada, was changeable: The infantry legions of Rome and its allies came against the advance guard of the "Father" Atila. The role of the Bulgarian cavalry (the so-called "slingers" or Hussars) was very important at that moment. The "slingers" outflanked the Vestgotes and killed their tsar Theodorich, and thus, they averted the participation of the Vestgotes into the battle... (B. Marichkov) [подробнее Добрев 2005].

2.4. Зарождение и начало тяжелой болгарской конницы, меж впрочем, еще до начало Новой Эры, в империи восточных гуннов северной Центральной Азии, где "любой мужчина, способный натянуть лук, становится всадником в брони" (Н. Крадин), а ее прямым приемником по этим землям является киргизская тяжелая конница VI в.: "Удар тяжелой конницы был страшен. Облаченные в пластинчатую броню воины, на свежих закованных в железо конях, сминали на своем пути любую преграду." (Л. Бобров). The Bulgarian cavalry was a very important element which solved the political problems of the old Europe. (B. Marichkov).

2.5. Хан Атила был самым честным и справедливым человеком, бесстрашным воином, умелым полководцем, вещим руководителем и дипломатом, любящим отцом – у него было 7-8 жен и около 30 детей. Рукой своих хана Атилу отровил византийский император, но начавшиеся еще при жизни Атилы сказания и легенды нескончаемы, его славой не мог похвастаться ни один другой император или царь в Мире, недаром в наше время о нем уже созданы и несомненно и в будущем будут создаваться оперы, картины, поэмы и романы.

2.6. В Именнике Болгарских Ханов записано: Авитохол жил триста лет; род его Дуло, а год его – Дилом (Дракон), Твирем (Девятый месец). Надежднсть Именника как исторический источник уже вообще не подлежит сомнению (Москов 1988), а

тождественность Авитохола и Атилы полностью можно считать окончательно и безапеляционно обоснованной и доказанной (Добрев).

3. Атила-хан был из рода Дуло болгарского племени оногуров, а из того же рода не только создатель и руководитель приазовской Великой Болгарии хан Курт/Кубрат, но и основатель Первого Болгарского Царства с двух сторон Дуная в 681 г. хан Ишпор/Аспарух, со времени которого в форме славянизации болгар началась этнолингвистическая интеграция численно близких друг к другу местных болгарских и славянских племен [Добрев 2015а, 2-3].

*Вече са налице немалък брой опити за обяснение произхода и на мли Атила [Altheim 1959, 9], затова нека само забележим, че тъкмо това "хунско" мъжко лично име, очевидно-безспорно направо няма нищо общо с полиморфното българско име на този хан, възникнало и образувано на основата на хидрнм Ἀτήλ, който хидроним по принцип е другото име на р. Волга [срв. Altheim 1959, 229], още по-малко пък с някаква си сложно-съставна титла, образувана от *es "great, old" и *til "sea, ocean" с куриозно-комичното резултативно значение "the oceanic, universal [ruler]", към които е прибавен, уж с аналог в дунавскобългарския език, номинативният суф. -а, какъвто номинатив там според нас реално не може да има, доколкото и този език е тюркски, а в тюркските езици, номинативът е с нулева флексия, и през една безкрайно заплетена верига от неясно къде и кога налице или осъществяващи се фонетични промени, придружени от много неточното и изобщо неправещо чест на своя автор, пределно неквалифицирано твърдение, че "дунавскобългарският език е хунски език", защото тъкмо този език фактически и заедно с аварския и хазарския език е от българската група на тюркските езици [срв. Pritsak 1982, 444].*

*В действителност, както много отдавна е добре известно в европейската изобщо, но малко преди това и в българската лингвистика в частност (Ст. Младенов), а и както в по-ново време обосновават и доказват и български езиковеди германисти (Б. Джонов), въпросното мъжко лично име е всичко на всичко готско, старогерманско по състав и структура ономастично образувание, което по пътя на лингвистико-ономастичния процес констелация посредством гот. atta "баща" и деминутивния суф. -ila, налице като че ли и в гот. мли Улфила на добре известния на Балканите готски епископ през 332-341 г., който води към ромейските земи разгромените от хуните и панически бягащи през Дунава вестготи [ГрИзв-1, 31,43,59], и след това, ако началната му част наистина идва от герм. *wolf "вълк", по отношение на което лично ние не храним никакво съмнение, Името само експлицира семантически и обяснява, интерпретира най-напред в двуезичната българо-готска, а впоследствие и в едноезичната германоготска среда, изконно-първичното мли Авитохол и го "превежда" частично-приблизително с оглед и в рамките на онази "народна етимология", която се очертава и детерминира по силата на контаминацията на възможно най-близката, налична в готския език лексика и граматика, именно поради което в току-що посочения смисъл, мли Атила е германско по произход, но българско в частност и българско по-общо, по принадлежност и употреба, което като цяло е възможно единствено и само в условията на*

съществуващата тогава, както вече беше разяснено достатъчно подробно в началото, "хуно-готска симбиоза" [вж. и срв. Doerfer 1973, 29-31; Maenchen-Helfen 1973, 386-387,442; ЕПРк, 395].

Ето защо, очевидно и безспорно поне засега и за нас, Авитохол е Атила, както и обратното и от тази гледна точка, настоящото и започнато още в началото на предната глава, но довършвано окончателно-напълно тъкмо сега и тук, историколингвистично и ономастико-етимологично проучване следва да се приеме в качеството на главно и първостепенно, изключително важно и съществено, пределно детайлизирано и многостранно разработено и обосновано, за в бъдеще наистина безапелационно-неоспоримо доказателство аргумент в полза на отдавна лансираната и разработвана, но недостатъчно подробно-всестранно и последователно обоснована и доказана, тъкмо поради което може би само частично утвърдена и приета от страна на сериозно-ерудираните изследователи прабългаристи, повече от стогодишна теза за обективнореалната тъждественост на Авитохол от Именника и много добре известната историческа личност от края на Античността, Атила.

Носителят на това име се приема за реална историческа личност и по-конкретно за тъждествен на Атила, като самото лим Авитохол се допуска да е видоизменена сред прабългарите форма на името на Атила и поместването му в Именника е продиктувано от някакъв спомен при тях за времето, когато те са подчинени на хуните (Ал. Бурмов; Б. Джонов; Й. Маркварт), без обаче да се изключва възможността Авитохол да е равно на Батаол (С. Шанговъ); счита се още за име на някой прабългарски хан, но така също и за митична личност, легендарен родоначалник на сродните тюркски народи (Г. Фехер), а съвсем напоследък и за лично открита и доказана митологическа личност, митологизиран герой, т.е. митологема (Цв. Степанов) [Бешевлиев 1984, 64; Бурмов 1968, 31,54; Златарски 1970, 80,450-458; Москов 1988, 144-175; Степанов 1999, 54-64; ~~2000, 60-76; Съсълов 2000, 358; Фехер 1926, 279; Шанговъ-1 1923, 99,112; Markwart 1889, 77].*

Независимо от това, мли Авитохол заема важно място в рамките на стратификацията на българската антропонимия и се разполага съвсем в нейната основа и начало, поради което, в аспекта на етноисторическата значимост и стойност на собствените имена, никак не е лишено от основание и стародавното предположение за евентуалното наличие в него на солидни податки за етническата история на прабългарите и в частност за тяхната етнична принадлежност.

Това пък от своя страна като цяло провокира и поддържа непрекъснато буден и специалния интерес към Името в Прабългаристиката, като по-конкретно тук се разчита в голяма степен, произходът, видът и характерът на лексикосемантичната и граматичната му структура в синхрония и диахрония да хвърлят обилна светлина и да допринесат най-после за разрешаването на редица, отдавна натрупани в тази област проблеми, несъвпадения и противоречия [Добрев 2015, 288].

По земите на север от Дунав и от двете страни на Среден Дунав живеят български и славянски племена още от IV-V в., като според Амиан Марцелин (332-400), през 380 г.

групи от готи, алани и хуни нападат Панония и се заселват там (Gy. Németh), което събитие други изследователи отнасят към 379-380 г. [Шаламон, Баркоци 1982, 42,47]; към края на IV в. едната от двете по-големи групи прабългари се заселва в Панония, а другата - в Карпатската котловина, но заедно с хуните, името на които обозначава множество от племена и етнически компоненти и които през 377-454 г. успяват да наложат своята политическа хегемония в Централна и Югоизточна Европа, пак по същите земи се заселват оногурски племена (V. Gyuzelev); през 409 г. хуните заемат Панония, след като покоряват дотогавашните й обитатели, главно германските племена вандали, остготи, вестготи, гепиди и лонгобарди, а също и алани и бастарни; около 422 г. българите нападат една нощ неочаквано лонгобардите, убиват краля им Агелмунд и отвличат дъщеря му, което събитие намира място, както в разказа на лонгобардския историк Павел Дякон (720-790) (ЛтИзв-1), така също и в германския епос Херварарсага (В. Бешевлиев).

Според нас прабългарско племе, най-вероятно оногури, заедно и подкрепени безспорно и от много други прабългарски родове, племена или племенни групи, са основно и водещо ядро в империята на хуните на прабългарския хан Атила (434-453), дори и столицата на който като че ли е разположена, според едно от предположенията, на р. Аранка (ЛтИзв-1), т.е. точно там или съвсем близо до гр. Надь Сент-Миклош, а наред с тях, като част от хунската военно-племенна конфедерация от източни племена, са известни и секелите.

Твърде вероятната принадлежност на хан Атила към племето на оногурите се потвърждава косвено и от Anonymus, според когото унгарското племе води своя произход от "скитското племе, което на своя диалект се нарича Дентумогер" – "Gens itaque Hungarorum... de gente Scithica, que per idioma suum proprium Dentumoger dicitur, duxit originem", и начело на което племе стоят "седемте видни личности, които се наричали Хетумогер", тези видни личности "решили да се домогнат до земята Панония, за която се носела мълвата, че била земя на крал Атила, от чието потомство произхождал владетелят Алмус, бащата на Арпад", а както ще се види по-нататък, първият маджарски крал Арпад наистина е от племето на оногурите, а то пък според този източник води своето потекло от хан Атила.

*Тъкмо тази връзка в случая намира и пряко лингвистично потвърждение, защото името на племето Дентумогер очевидно-безспорно е образувано на основата на праб. ***денту** "седем" с начален зв. **д,** подобно на год. Дилом и съответно на южнболг. **читем** "седми" (месец) от Именника на българските ханове, което прабългарско числително име пък допълнително е дублирано, а така и семантически експлицирано и потвърдено посредством най-вероятно изтир. диал. *hetu "седем", авест. hapta [вж. и срв. Hazai 1962, 23; ЛтИзв-5.1, 14-19].*

Тук предложеното обяснение на етнм Дентумогер според нас издържа на всякаква критика и изобщо не може да бъдат поставени под съмнение съдържащите се в него лингвистико-исторически сведения и данни, а значението и ролята в това отношение на така направеното тълкуване, както и сложността на задачата, пред която са били

изправени всички досегашни проучватели, проличават още по-ясно в светлината на всичко онова, което е правено или се е смятало за него: "The name Dentumoger has kindled the imagination of many scholars, but none of the explanations offered can withstand objective criticism. Although an acceptable explanation would probably help to clarify some details, it would add but little to what we know on the location of Dentumoger" [Sinor 2004, 15].

Анализът и изводите от този израз в рамките на възможно най-пълното и последователно, най-квалифицираното и най-задълбочено проучване на Именника от страна на българския езиковед проф. М. Москов [1988] показват, че оттатък Дунав, в продължение на 300 год., с остригани глави царуват български ханове от рода Дуло, първият от които се възкачва на престола именно и тъкмо през 153 г., и този род стои начело и управлява едно или няколко прабългарски племена в продължение на една епоха от 300 г., в края на която царува и през 453 г. приключва земния си път хан Авитохол, името на когото в качеството и с функцията на епоним е използувано в Именника за обозначаване и наименоване и на цялата предишна епоха, каквато в действителност е широко разпространената практика при подобни случаи през Античността и Ранното Средновековие [144-175].

Ето защо, за тази 153 г. непременно трябва да се отбележи, че в рамките на историческата хронология, където обикновено се борави със столетия и хилядолетия, тя изцяло и напълно съвпада с посочената 160 г. и нейния период, когато по онези земи е констатирано присъствието на хуни, което пък от друга страна означава и това, че тези хуни са прабългари и че именно техният царски род Дуло впоследствие застава начело и оглавява онези прабългарски племена, които преминават Дунава, създават и изграждат българската държава и в качеството на единия от двата основни дяла, заедно със славяните, полагат и основите на по-късно възникващата и изграждаща се българска народност.

Всъщност и в действителност тезата с "вековна история" (М. Москов) за тъждеството на вожда на хуните Атила с прабългарския хан Авитохол, а така също и за водещата роля и място на прабългарските племена в Западнохунската империя, в своя най-пълен, съвременно-модерен и сравнително, но само историографски достатъчно многостранно-коректно обоснован и разгърнат вид, отдавна вече е лансирана от българския медиевист и академик проф. В. Гюзелев [1979], според когото българите принадлежат към тюркско-алтайската езиково-племенна общност, към която спадат още хуни, авари, хазари, огузи, печенеги, кумани и др. и развитието на която преминава през три основни епохи:

- Алтайска епоха – от II хил. пр.н.е. до IV в. пр.н.е. и по време на която тюркско-алтайската общност се разпада на две основни групи – тюркско-монголска и тунгузо-манджурска, а към края на Епохата се разпада първата група и се формират племенните общности на огури, сарагури, хуни, авари, прабългари и др.;

- Хунска епоха – от IV в. пр.н.е. до IV в. сл.н.е. и по време на която се формира огромният по територия – от Централна Азия до Приуралието, военно-племенен съюз Хун-ну, основната част на който съставляват вече обособените тюрко-монголски

племена – хуни, прабългари, огури и др., като специално за прабългарите се счита, че тяхната конкретна история не може да бъде проследена в рамките на това ранно военно-племенно обединение;

- Старотюркска епоха – от IV до VII в. и по време на която се разпада империята Хун-ну, тюркските племена се придвижват на запад и напредва етно-политическото обособяване на отделни племенни групи.

По-важни събития през Хунската и Старотюркската епоха са разпадането в края на I в. на империята Хун-ну на източни и западни хуни, последните от които се установяват в Приуралието, налагат своята военнополитическа хегемония над разпокъсаните прабългарски племена и ги увличат в своето движение на запад; активизирането на хуните през II в. в степите на Северен Казахстан, което принуждава част от прабългарските племена да се придвижат на запад и да се установят в Прикаспието и Приазовието, докато основната маса от прабългарските племена обаче продължава още едно столетие да живее в своята прародина и след това също се придвижва на запад; увличането през втората половина на IV в. от страна на хуните на прабългарски племена, които се изселват окончателно от Източен Казахстан и се настаняват в Предкавказието, Приазовието и поречията на Дон и Донец и които тук асимилират заварените остатъци от местните сармато-алански племена; разделянето в края на IV в. на прабългарските племена на две големи групи, основната от които остава по току-що посочените местоживелища, докато другата група племена, заедно с основната хунска маса, се поселва в Панония и в северозападните карпатски котловини, и налагането през 377-454 г. от страна на хуните на своето военно-политическо надмощие в Централна и Югоизточна Европа.

Участието и ролята на прабългарите в хунския военно-племенен съюз "изглежда били доста големи" или пък "били значителни" и това обяснява онази историческа традиция, която още в далечно време свързва хуни и прабългари и тази традиция намира отражение в Именника на българските ханове, според който "родоначалници на прабългарската владетелска династия Дуло са били Авитохол и Ирник, които с основание се отъждествяват с хунския вожд Атила и неговия син Ернах" [29-36; История на България 1981, 59-62].

В уникалния си и недостижим не само за българската лингвистика и историография научен труд изследване върху Именника на българските ханове проф. М. Москов [1988], след като най-подробно-квалифицирано реферира, типологизира и анализира множеството становища, мнения и хипотези за връзката между имената Авитохол и Атила, Ирник и Ернах, стига до извода, че от разработваните и обосновавани в науката три основни становища "трябва да бъде поддържано, че Авитохол е Атила и Ирник е Ернах", основанията за което са следните:

- Хронологично доказателство – год. Дилом – Змия, като разделна година между Авитохол и Ирник, е равна на 453 г., която е и годината на смъртта на Атила и наследяването му от Ернах;

- Етимологично доказателство – обяснението на името Авитохол като "прадядовски син, син на прадедите" предполага следните възможности: а) Атила е прякор на хунския владетел, а Авитохол е хунското му име, запазено и предадено чрез Именника; б) Авитохол като хунско име е рожденото име на Атила или пък е име, "създадено за него по време на могъщата хунска империя с цел да се отрази в негово лице върхът от историята на хуните и връзката му с предходните владетели" [148-175].

Тази "агресивно-ономастическа експанзия", специално при унгарците е исторически изобщо немотивиран съвременен резултат реминисценция от фактологически никак неоправдана и неподкрепена, но същевременно и много непочтена историческа претенция върху българския хан Атила, неговите "хуни" и тяхното наследство като цяло, научната подплата и обосновка на която претенция е пределно неграмотното метатеоретично съждение и умозаключение, че по принцип нищо в тази област, не е възможно да бъде доказано научно, което обаче изобщо не му пречи на проф. Д. Немет, забравил, че майка му е секейка, т.е. прабългарка и почти просълзен от шовинистично-мегаломанско умиление и възторг, спомени и блянове, да декларира вярата на маджарите в "кръвната връзка" с Атила и "съзнанието за историческа приемственост", както и "bünyevî ayniyet" – "структурното тъждество(?), което привързва едни към други маджарите и степните народи, в това число и хуните, които идват от изток и които проявяват тюркски характер", именно което е причината "единствено маджарската наука да е в състояние да разбере Атила и неговите хуни и пак единствено във възможностите и желанието на маджарската историческа наука е да мери ръст с незаинтересоваността и неразбирането на западната историография"(!??).

Независимо и все пак напълно в унисон с всичко това е и подлагането на съмнение тъждествеността на Авитохол и Атила, наред с което обаче се и утвърждава тъждествеността на Ирник от Именника и Атиловия син Ернак (J. Németh), така че в края на краищата и очевидно се стига до алогично-парадоксалната ситуация, когато един и същи син има едновременно двама различни бащи(!??).

Тъкмо тази метатеоретично-методологична диспозиция, но по-скоро предубеденост, на автора обаче, ни най-малко не му пречи да лансира, тиражира и популяризира като абсолютно вярна и научно доказана стародавната интрига и инсинуация на византийските и латинските извори, според които хан Атила бил умрял от кръвотечение през носа и устата, причинено от прекомерна веселба и напиване или пък от чисто "мъжки" намерения и усилия през нощта на женитбата му с много по-младата от него и много красива бургундска принцеса, както е, неясно на основата на кой източник, според Л. Гумилев, още и вероятно готската принцеса Илдико (Gy. Németh), също и принцесата от германски произход Илдико (E. Thompson), спомената от Йорданес, но много интересно защо унгарският професор игнорира или забравя жли Hildegund на дъщерята на бургундския крал Herrich [Németh 1962, 174], а така също и с дъщерята на неговия съратник Ескам, както е според малко по-вероятното съобщение на Приск, пълното и безрезервно приемане на което обаче се

осуетява от факта, че хан Атила посещава Ескам с подобно намерение през 448 г., докато фаталната сватба е 5 год. по-късно(!?); да представя като безобидно-незначително, богохулно-светотатственото разравяне и ограбване на гробниците на хуните от местния католически епископ, който раздава наляво и надясно златни предмети, извадени от там, на фона и във връзка с което самият Атила се обрисува като дребнав заядливец, който изобщо не е загрижен за някаква си "ehemmiyetsiz altın kadeh", т.е. "незначителна златна чаша", ами чисто и просто търси повод за война и именно поради това и разгръща агресивно-интензивна дипломатическа дейност пред римския император и Ватикана; да подчертава всеобщия страх и раболепие пред Атила, на гали, франки, римляни и др. и стигащи дотам самият Папа да се яви в стана му и на колене да го моли да пощади Рим, но и да преразказва горепосочената, първата в историята на човечеството, голяма "битка на народите" като тотален разгром на банда главорези под ръководството на жалък страхливец, повлиян от предсказанията на шаманите и уплашен най-вече за живота си.

В действителност и по принцип, хан Атила е император на нивото на всички останали тогавашни императори и дори много над тях, защото неговата империя, основна и водеща роля в която играят, а не "принадлежат" на нея (Г. Фехер), българите, се простира и обхваща необятната територия между Урал и Рейн, с неимоверна за времето си численост на подвластните племена и народи, които той трябва да ръководи пряко или косвено, а за това, най-малкото, трябва да помни и да знае поне по-многочислените и значими сред тях, като доколкото той има секретар-писар римлянин, който надали владее още от началото неговия роден, прабългарски език, то хан Атила, наред и след майчиния си, тюркобългарски език, трябва да е владеел и говорел още и най-малко на гръцки, латински, алански и готски, вероятно е и пишел освен на родния си език, още и на някои друг от тези езици, с каквито лингвистични умения дори само на родния си език не може да се похвалят турските султани даже и през XVII в.

Специално и при тази битка, както достатъчно подробно и сравнително обективно го описва Йорданес, хан Атила е голям тактик и разумно-хладнокръвен ръководител на боя, при който битката започва и изнася уникалната за тези времена и за цяла Европа, развърнатата около разположения на една височина главен щаб, в качеството на негова гвардия и атакуваща първа, но, разбира се, заедно и дори след него, тежка прабългарска конница на хуните и то след като той е произнесъл пред всички знаменателната си реч, в която ободрява и въодушевява отиващите на явна смърт свои войници, като казва, че първи ще удари врага и ако след неговия удар, все още има някой, който е останал на мястото си и не е побягнал, това означава, че той вече е пътник за Другия свят.

Не може да се каже, че е дори и минимално справедлив и обективен Йорданес, когато пише, че при подреждането на войската си хан Атила се намирал в средата с най-храбрите си войници и "с това подреждане царят се беше погрижил именно за себе си, та, като се намира в ядрото на войската си, да бъде предпазен от заплашващата го опасност", защото къде на друго място може и трябва да се намира един военачалник по

време на битка като тази, ако не точно там, може би бившият монах и настоящ секретар-писар Йорданес си мисли, че неговото, на Атила, място е на някой от фланговете или в дълбокия тил, прикрит сред храсталаците, откъдето никой няма да го види и чуе!?...

Тази откровена лъжа и клевета по адрес на хан Атила на гота от алански произход вече ни принуждава да се усъмним и в твърдението му, че той бил убил брат си Бледа, за да узурпира властта, с което освен това се демонстрира и очевидно непознаване и несъобразяване с дълговечно-традиционната владетелска институция на прабългарите, която има за свой задължителен елемент съвладетеля и не Атила е този, който ще тръгне да нарушава и разрушава въведените и установени от Тангра обичаи и традиции на дедите, а точно обратното – хан Атила е най-мъдрият и най-твърд защитник и закрилник на тези обичаи и традиции, достатъчно категоричното и безспорно доказателство за което е и фактът, че той нарежда да разпънат на кръст собствения му племенник, дръзнал да се отрече от Тангра и да приеме вярата в бога на техните врагове ромеите.

За следващото изречение пък не може да се каже, че е достатъчно ясно и точно преведено от съответните български специалисти по латински език, не особено сполучливия превод на които ние се чувстваме задължени да направим малко по-ясен за нашия Читател с помощта на две запетайки, но въпреки това и все пак от него става напълно ясно, че този път Йорданес се е постарал да разкрие истинската роля и място на хан Атила не само в тази наистина Велика битка на народите, но и в сърцето и душата на всеки един от участвуващите в нея племенни вождове: "Останалото множество, ако може така да се каже, и вождовете на различни племена, подобно на свита(!??), чакали знак от страна на Атила и където им посочел с поглед, всеки безпрекословно със страх и трепет застaвал и действително изпълнявал това, което му било заповядано" (ЛтИзв-1, подчерт. - И.Д.) - много бих искал да зная дали Аналите на Световната история крият в себе си подобно описание разказ за друг вожд, крал или император, равен и подобен на Атила, който не само да се държи толкова достойно и храбро на бойното поле, но и да вдъхва такъв респект и най-искрено уважение у вождовете и кралете негови съюзници и приятели!?...

И най-после, дали изобщо е възможно една "разгромена" войска да тръгне на такъв труден и далечен поход към Италия, по време на който само за 20 дни да достигне стените на Рим и където да обсади и превземе редица големи градове, но и още много-много други измислици от този сорт ни предлага "големият унгарски езиковед", както го превъзнасят самите унгарци (Gy. László, İ. Rácz).

Ето защо, тъкмо по повод смъртта на българския хан Атила, трябва да напомним, че именно византийските извори и по специално Приск съобщава за намерението и опита на византийския император Теодосий (408-450) да го убие, като подкупи неговия приближен Едекон, който безспорно пореден опит за най-подло убийство този път не успява, което обаче ни най-малко не означава, че успешен няма да се окаже следващият, както и най-вероятно става и то с помощта на потайното оръжие отровата,

резултатът от действието на която впоследствие и вече може да се тълкува и представя всячески, включително и като убийство по време на сън от страна на токущо ощастливената да стане жена на най-великия от всички мъже по целия Свят, красавица Илдико, каквато много малко вероятна според нас хипотеза римските хронисти изобщо не закъсняват да лансират много скоро, само един век след смъртта на Хана [вж. Thompson 1948, 151].

Впрочем според криминалиста, с когото се консултирахме, има източни по произход отрови, в това число и китайски, които блокират дихателната система, докато сърдечно-съдовата система продължава да функционира и белият и черният дроб са първите органи, които не издържат на огромния натиск, кръвоносните съдове се пръскат и през носа и устата, разбира се, бликва кръв, също като при Атила!?...

Византийският император Теодосий общо взето води подмолно-подлата си битка на живот и смърт с хан Атила на много места и от много посоки и както допълнително научаваме от Ю. Джафаров [1985], той се опитва да подкупи и вождовете на българското племе акатзири на Кавказ, но неговите пратеници правят голям дипломатически гаф и същевременно съдбовна грешка, защото, не познавайки и не вземайки предвид вътрешноплеменната йерархия, прескачат единия от старшите по власт вождове на име Куридах и му поднасят даровете на Императора не първи, а втори, Куридах, разбира се, уведомява по най-бързия начин хан Атила за готвеното предателство, последният незабавно изпраща голяма войска, умъртвява единия от вождовете, принуждава другите да се подчиняват и да слушат, като за всеки случай изпраща тъкмо през тази 448 г. и своя най-голям син Еллак да застане начело на племето, при което обаче и Куридах запазва своята власт [50].

Ето защо, основна роля в смъртта на българския хан Атила безспорно ще да са играли ромеите, които са и най-силно и дори кръвно заинтересовани да го няма, още повече, че не "придружник", както е преведено в Изворите, а "другар по оръжие, сратник", също така и "прислужник, оръженосец" или според нас "телохранител", т.е. възможно най-близък и приближен човек до Атила е неговият секретар, гъркът Орест, който при това също е бил в императорския дворец в Цариград, когато Едекон приема да убие Атила, но не се знае дали всъщност този Едекон не е вторият, по-несигурен и по-маловажен убиец, който трябва да играе на "аванс-сцената", докато главният и основен убиец шета свободно-спокойно зад кулисите, предимно пред и в спалнята на хан Атила.

Именно този грък Орест очевидно не го е сполетяла участта на другия секретар на хан Атила – римлянина Констанций, умъртвен за предателство и препоръчан му и изпратен да му служи, от неговия добър познат и дори личен приятел в началото, родения в Дуросторум римски пълководец Аеций, на когото Атила преди това пък подарява един шут и с когото съдбата ще ги срещне за последен път на Каталунското поле през 451 г., в една от малкото и най-кръвопролитни в историята на цялото човечество, по-горе по-подробно вече представената Първа голяма битка на народите [вж. и срв. Gračanin 2003, 55; ГрИзв-1, 99-109; СтГрРк, 563; Gombos-1, 606].

Между впрочем, изобщо не може дори и да се помисли, че в наскоро публикуваната История на българите [2003], поради причини очевидно от чисто субективно-интелектуален и морално-етичен характер и порядък, е отредено подобаващото място и е осветлен даже минимално обектноадекватно и великият български хан Атила-Авитохол [22,34-37] и то когато по принцип народите спорят и се избиват един друг дори за далеко по-маловажни неща, ние пък с лека ръка и напълно доброволно се отказваме от хан Атила и неговите хунобългари, за които още от тогава чак до днес, а и до края на Света ще продължават да се носят, слагат и пеят песни, легенди, поеми и даже опери(!!!), и ги отстъпваме и предоставяме на кого ли не, само защото някой си измежду нас, по силата не толкова на някакво политико-научно недоразумение, колкото заради изцяло користолюбиви цели и намерения, а и чисто и просто от напълно разбираемо, но никак непростимо невежество и мързел, не понася прабългарите да бъдат тюрки, пък и самият той, този някой си, мисловно-интелектуално е дотолкова ограничен и предубеден, че не е в състояние да разбере и схване, че с него и без него, нещата наистина стоят точно така и не той е "лицето", което ще ги промени, както и това, че никой народ по Света не избира и не определя кой и какъв да бъде неговият родител, равно и еднакво на това пред хората да се отречеш и да заплюеш в лицето майка си и баща си, което най-велико срамно-позорно деяние, не търпи и не прави никой нормален човек по Света и още по-малко пък Българинът, и което деяние никога не се забравя и прощава и стократно ще им се връща на онези измежду нас, ренегати, бакали и търгаши разни, които вече са го сторили [Добрев 2005, 13-258].

Не само в изворите, но за преголямо съжаление, така също и в повечето от най-новите специално-индивидуални изследвания, както за хуните и Атила, така също и за всички прабългари и българи изобщо, те все още не само много непочтено-несправедливо, но и съвсем излишно-неоснователно, казано възможно най-кратко, се демонизират и сатанизират (Э. Томпсон) [вж. и срв. Golden 2016a, 84-89], независимо че без всякакво съмнение именно самият Атила и неговите българи, но така също и всички без изключение българи, имат редица фундаментални приноси, достижения и заслуги за общочовешката цивилизация. При това тук не липсват и комични куриози от сорта на тези украинските историци да мразят и проклинат „гуннов так, как если бы они наехали, грабили и убивали по всей Украине лишь вчера; некоторые исследователи в Киеве не могут простить жестокое разрушение «первой цветущей славянской цивилизации» (О. Маенхен-Гельфен). Всъщност много добре е известно, а и самите древноруски летописи го доказват, че през онази епоха такава цивилизация изобщо няма, защото източнославянските племена, на основата на които едва 5-6 века по-късно ще започне да се образува не украинската, а руската народност, в действителност са на едно много ниско, почти примитивно-първобитно стъпало на културно-историческото си развитие (Ив. Добрев):

Тем не менее кажется странным, что гунны, даже после пятнадцати сотен лет, могут вызывать столько эмоций. Благочестивые души все еще содрогаются, когда думают об Аттиле, каре Бога; и в их послеобеденных снах профессора немецких университетов трусят за Мировым духом лошади Гегеля. Их можно обойти. Однако турки и венгры все еще поют громкие победные песни в благодарность к их великому предку, умиротворителю мира и Ганди в одном лице. Наиболее пылкими воинами против гуннов, однако, являются советские историки. Они проклинают гуннов так, как если бы они наехали, грабили и убивали по всей Украине лишь вчера; некоторые исследователи в Киеве не могут простить жестокое разрушение «первой цветущей славянской цивилизации».

Такая же жгучая ненависть жгла Аммиануса Марселлинуса. Он и другие авторы четвертого и пятого веков изобразили гуннов как диких чудовищ, которых мы все еще видим сегодня. Ненависть и страх исказили картину гуннов со времени их появления на нижнем Дунае. Пока эта тенденциозность не будет понята полностью – и это редко имеет место – литературное свидетельство обречено к неправильному чтению.

Народ скифов был великим и большим по числу и раньше был разделен на народы и королевства и рассматривался в качестве грабителей. Они не привыкли делать много ошибок из-за их быстроты и скорости. Кроме того, установив позднее королевство, они скоро стали очень сильными настолько, что обошли в своем величии все силы римлян.414

Хотя это является черезмерным упрощением, в основном, Несториус был прав. Вплоть до конца 430-х гунны были большой неприятностью, намного больше чем сарацины или изаурианы, но не были опасными. Их вторжения иногда приводили их вглубь Балканских провинций, однако, они всегда возвращались назад или довольствовались откупом.

Стало модным отказывать Аттиле практически в любом его достоинстве для кратковременного величия его народа. Он был, нам говорили, ни военным гением, ни дипломатом с исключительным способностями, а лишь головтяпом, который не сделал бы столько жутких ошибок, если бы он имел в качестве своего советника профессора истории. Целью последующих страниц является не доказательство, что Аттила был вторым Александром Великим; если как результат новых исследований 441-447 личность Аттилы превращается в решающего фактора, я далек от утверждения, что это является лишь единственным. Однако, перед тем как рассуждать о первичном, вторичном и третичном факторах, о непосредственной и отдаленной причинах того или иного события, следует установить сами события. Стандартные истории дают, я верю, ошибочную картину гуннских войн в 440-х и искаженную картину об отношениях гуннов с Западом. Существует множество источников, которые были проигнорированы или обработаны высокомерным образом. Ни один из них, взятый сам по себе, не является очень раскрывающим. Лишь объединяя их и обращая внимание на их детали, мы можем надеяться реконструировать события в последнем десятилетии гуннской истории [Маенхен-Гельфен 2015, 11,124].

Если некоторые из могущественных лиц Западной и Восточной Римской империй доверяли гуннам, используя их в качестве личной охраны, многие люди считали, что новые варвары способны творить самые страшные злодеяния. Клаудиан не раздумывая сообщает читателям, что гунны убивают своих родителей. И почему бы людям было в это не поверить, ведь и Геродот писал, что массагеты приносят в жертву своих стариков. Спустя полвека еще дальше пошел Феодорет, который писал, что массагеты, как он называет гуннов, не просто возвели в обычай убивать своих стариков, но и съедать их тела. Все сходились во мнении, что они живут как дикие животные. Согласно Приску, они нападали на готов как волки. Даже трезвомыслящий Аммиан пишет, что «вы можете пользоваться ими как двуногими животными»; по Иерониму, они тоже волки и дикие животные. В VI веке Иордан писал, что это «почти человеческое племя», а Прокопий отмечает, что эфталиты, единственные среди гуннов, не живут как животные. Захария Митиленский[1] пишет о гуннах Северо-Запада как о «варварах, которые подобны жадным диким животным и не признают Бога».

Люди, жившие в районах, подвергавшихся опустошительным набегам гуннов, испытывали невыразимые лишения. Нам мало что известно о страданиях готов, когда это новое племя варваров внезапно нападало на них, по словам Аммиана, как ураган с горных вершин. Однако кое-какую информацию мы получили из Фракии. Когда святому Гипатию было двадцать лет, он посетил монахов в области, подвергавшейся нападкам гуннов, и узнал, что с тех пор, как банды гуннов стали беспрепятственно бродить по этой местности, монахи были вынуждены строить крепости, в которых могли жить в относительной безопасности. Вместе с 80 братьями Гипатий участвовал в строительстве большой крепости, чтобы не прерывать служения Богу. Очевидно, провинция осталась совсем без защиты. Много лет спустя Гипатий любил рассказывать ученикам, как гунны окружили их крепость во Фракии, но Бог защитил своих слуг и обратил их врагов в бегство. В стене было отверстие, рассказывал Гипатий, через которое они сбросили камень. Он попал в одного из нападавших. Когда остальные увидели это, то, взмахнув хлыстами, словно давая сигнал к отступлению, вскочили на лошадей и ускакали прочь. Когда наступила временная передышка, люди, у которых после набегов гуннов не осталось ничего, прибежали к монастырю в надежде получить хоть какую-нибудь еду. После этого случая монах Иона, армянин, отправился в Константинополь, чтобы рассказать высокопоставленным людям, как страдает народ во Фракии. Узнав об этом, Руфин распорядился «загрузить корабли зерном и бобами» — по всей видимости, наземные пути сообщения были разрушены — «и отправить их Ионе, чтобы он мог раздать их неимущим». Вне всяких сомнений, правительство империи делало все возможное, чтобы помочь пострадавшим от набегов, но средства были ограничены, и организовать помощь отдаленным от моря провинциям не представлялось возможным.

Церковь не испугалась ярости и необузданности новых захватчиков, и вскоре после их первого появления на границе к ним отправились христианские миссионеры. В начале V века гуннов посетил епископ Теотим (Феофим) Томитанский (Фомитанский). Нам

известно, что гунны на Дунае отнеслись к нему с большим уважением и называли его «богом римлян». Рассказывали, что Феофим творил чудеса, но церковный историк, записавший эти рассказы, похоже, сам сомневался в их правдивости. Рассказывали, что однажды Феофим со спутниками проезжали по вражеской территории и увидели группу гуннов, направляющуюся в их сторону. Спутники Феофима пришли в ужас, решив, что им пришел конец. Но Феофим слез с лошади и стал молиться. Гунны проскакали мимо, не заметив их, словно Феофим со спутниками и их лошади после молитвы стали невидимыми. Был и такой случай. Один из гуннов, считая, что епископ человек богатый, решил взять его в заложники и потребовать за него выкуп. Он решил поймать епископа с помощью аркана (гунны часто пользовались арканом во время боевых действий). Он поднял руку, собираясь бросить аркан, и застыл на месте, словно опутанный невидимой веревкой. Гунн оставался неподвижным до тех пор, пока спутники епископа не попросили его помолиться, чтобы освободить несчастного из невидимых оков.

Несмотря на эти чудеса, Феофим, похоже, не преуспел в общении с гуннами. Единственное, что ему удалось сделать, по словам нашего источника, — это «изменить их скотский образ жизни» на более приемлемый, а достиг он этого, как было принято в те времена, дорогими подарками и приглашениями на обед.

Приблизительно в то же время к гуннам направляли и других миссионеров, которых Иоанн Хризостом посылал к «кочевым скифам, располагавшимся на Дунае». Наш источник использует термин «кочевые скифы» в отношении гуннов, и мы уверены, что патриарх Константинопольский пытался обратить новых варваров в христианство. Но миссионеры потерпели неудачу. Вероятно, основной проблемой была языковая. Сам Иоанн Хризостом мог легко найти в столице переводчика, когда читал проповеди готам, но, как мы увидим позже, очень немногие римляне знали гуннский язык, так что чтение проповедей сопровождалось огромными трудностями, если вообще было возможно.

Тем не менее в Римской империи были люди, верившие, что задача обращения гуннов в христианство практически выполнена. «Гунны учат псалмы», — писал Иероним в 403 году, спустя всего восемь лет после того, как дрожал в своей келье в Вифлееме. В 417 году Оросий отмечает, что «христианские церкви повсюду на Востоке и Западе заполнены гуннами, свевами, вандалами, бургундами и бесчисленными другими верующими народами». В расцвет правления Аттилы, по мнению Теодорета, гунны с отвращением отказались от обычая съедать своих стариков, поскольку теперь слушали проповеди. Однако трезвомыслящие очевидцы считали, что все усилия церкви были напрасны. Пруденций, хотя и говорил, что до некоторой степени удалось обуздать «кровавую свирепость» гуннов, но ничего не остается делать, как с нетерпением ждать тот день, когда они «выпьют Христову кровь». В VI столетии их бессмысленная жестокость, желание насиловать монахинь и уничтожать тех, кто нашел убежище в церквях, оказывало шокирующее воздействие даже на варваров, служивших в армии Юстиниана. Возможно, отдельные гунны, особенно те, кто жили в Римской империи

как пленники или изгнанники, были обращены в христианскую веру, но если это и так, то мы не слышали ни об одном обращенном вплоть до смерти Аттилы. Впоследствии те немногие, о ком мы знаем, имели тесные отношения с римлянами. К примеру, Суника, о котором Захария Митиленский пишет как о «военачальнике, который был гунном, и, найдя убежище у римлян, был крещен». Захария тем не менее не грешил против истины, когда писал о гуннах как о «варварах, которые подобны жадным диким животным и не признают Бога».

Такое впечатление гунны производили на тех римлян, чьи работы дошли до наших дней. Но эти довольно хорошо образованные люди составляли ничтожное меньшинство от населения империи. Мы не сомневаемся, что их впечатление от варваров разделяли все те, кто жил в областях, подвергшихся опустошительным набегам, чьих сыновей и дочерей угоняли в рабство. На страницах этой книги мы попытаемся объяснить, какие чувства испытывала большая часть населения европейских провинций, то есть крестьяне, жившие далеко от границ, кто тяжело трудился на хозяйских полях, и те, кто грабил и убивал и жил в горах и лесах. Аттила был «бичом Божьим» только для римских священников и властей, заинтересованных в сохранении народов под властью Рима [Томпсон 2016, 10-12].

Сравнително пълна представа за социално-културното равнище и вярванията по това време на източните славяни езичници дават най-напред най-старият руски летопис, а така също и някои специализирани проучвания, както и други извори:

Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своих отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху, брачный обычай имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней что вдадуче.

А древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця. И радимичи, и вятичи, и сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣ, якоже и всякий звѣрь, ядуще все нечисто, и срамословье в них предъ отьци и предъ снохами, и браци не бываху въ них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовьская пѣсни, и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены.

И аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложахуть и́ на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложаху в судину малу, и поставляху на столпѣ на путех, еже творять вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая кривичи и прочии погании, не вѣдуще закона божия, но творяще сами собѣ законъ [ПВЛт, 4, вж. и ЛаврСп, 10].

Чтобы понять, какой благодатный переворот произвело в наших предках приобщение к Православию, стоит кратко описать их дохристианские обычаи. Древние славяне рассматривали мир как арену борьбы между добрым Белбогом и злым Чернобогом. И тот, и другой требовали соответствующих жертв. Мнимая самостоятельность злого начала служила оправданием его неизбежности, рождая

культовые формы славянского сатанизма, обретшие позднее свое законченное воплощение в почитании Перуна – верховного божества языческого пантеона дохристианской Руси.

Летописи VI века, рассказывая о столкновении славян с Византией, самым мрачным образом изображают их жестокость. В середине десятого века, незадолго перед крещением, русы в войне с империей, высадив десант на северном побережье Малой Азии, отличились таким зверством, какое было непривычным даже в те суровые времена. Пленных распинали, расстреливали из луков, вбивали гвозди в черепа. Жгли монастыри и церкви, оставляя после себя горы трупов и груды дымящихся развалин.

В 971 году после боев у Доростола между ратью Святослава и византийским императором Цимисхием русы принесли в жертву богам множество пленников. Византийским историком Львом Диаконом это описано так: "И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разожгли много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили (несколько) грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра (Дуная)".

Собираясь заложить Новгород, народные старшины по указанию жрецов велели в основание городской крепости замуровать ребенка как "строительную жертву" богам [Иоанн (Снычев) 2010, 1-2].

Между страной Баджанаков и страной Славян расстояние 10 дней пути. В самом начале границы страны Славян находится город, по имени Куяб. Путь в их страну идет по степям, по землям бездорожным, через ручьи и дремучие леса. Страна Славян - страна ровная и лесистая; в лесах они и живут. Они не имеют ни виноградников, ни пашен. Из дерева выделывают они род кувшинов, в которых находятся у них и ульи для пчел, и мед пчелиный сберегается. Это называется у них сидж и один кувшин заключает в себе около 10 кружек его. Они пасут свиней на подобие овец.

Когда умирает кто-либо из них, они сожигают труп его. Женщины их, когда случится у них покойник, царапают себе ножом руки и лица. На следующий день по сожжении покойника, отправляются на место, где оно происходило, собирают пепел и кладут его в урну, которую ставят затем на холм. Через год по смерти покойника, берут кувшинов двадцать меду, иногда несколько больше, иногда несколько меньше, и несут их на тот холм, где собирается семейство покойного, едят, пьют и затем расходятся.

Если у покойника было три жены и одна из них утверждает, что она особенно любила его, то приносит она к трупу его два столба и вбивают их стоймя в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посреди этой перекладины веревку, становится на скамью, и конец этой веревки завязывает вокруг своей шеи. Когда она так сделала, скамья принимается из под нее и она остается повисшею, пока не задохнется и не умрет, а по смерти ее бросают в огонь, где она и сгорает. Все они идолопоклонники. Более всего сеют они просо. Во время жатвы берут они просяные зерна в ковш,

поднимают их к небу и говорят: Господи, ты, который снабжал нас пищей до сих пор, снабди и теперь нас ею в изобилии [Руста, 2-3] [Добрев 2011, 240-242].

В действителност, в дъното и основата на цялата тази демонизация и сатанизация на европейските хуни стои висшето католическо духовенство. Именно то, най-напред не разбира и не вижда нищо лошо в това техен епископ да разравя и оскверняват гробовете на хуните и да продава на римските аристократи намерените в тях златни съдове, но то в никакъв случай и никога няма да приеме и преглътне нечуваното унижение папата да целува ръка на един варварин и да го умолява да пощади Рим. Според други източници той целува не ръката на Атила, а крака му, но най-вероятно, коленичил в праха и бутайки пред себе си ковчежето с много пари и скъпоценности за откупа на Рим, папата прегръща и облива с горчиви сълзи копитата на коня му. Всичко това се удостоверява и потвърждава от векове наред най-строго засекретените със специалния печат на Ватикана средновековни изследвания по въпроса. В тях съвсем накратко се споменава за засекретените пак със същия печат страници от историята на Прискус, докато в други документи пък има и рисунка на папата и Атила в този толкова обидно-срамен за целокупното Католичество момент (Ив. Добрев; O. Keleş):

Тъкмо тази метатеоретично-методологична диспозиция, но по-скоро предубеденост, на автора обаче, ни най-малко не му пречи да лансира, тиражира и популяризира като абсолютно вярна и научно доказана стародавната интрига и инсинуация на византийските и латинските извори, според които хан Атила бил умрял от кръвотечение през носа и устата, причинено от прекомерна веселба и напиване или пък от чисто "мъжки" намерения и усилия през нощта на женитбата му с много по-младата от него и много красива бургундска принцеса, както е, неясно на основата на кой източник, според Л. Гумилев, още и вероятно готската принцеса Илдико (Gy. Németh), също и принцесата от германски произход Илдико (E. Thompson), спомената от Йорданес, но много интересно защо унгарският професор игнорира или забравя жли Hildegund на дъщерята на бургундския крал Herrich [Németh 1962, 174], а така също и с дъщерята на неговия съратник Ескам, както е според малко по-вероятното съобщение на Приск, пълното и безрезервно приемане на което обаче се осуетява от факта, че хан Атила посещава Ескам с подобно намерение през 448 г., докато фаталната сватба е 5 год. по-късно(!?); да представя като безобидно-незначително, богохулно-светотатственото разравяне и ограбване на гробниците на хуните от местния католически епископ, който раздава наляво и надясно златни предмети, извадени от там, на фона и във връзка с което самият Атила се обрисува като дребнав заядливец, който изобщо не е загрижен за някаква си "ehemmiyetsiz altın kadeh", т.е. "незначителна златна чаша", ами чисто и просто търси повод за война и именно поради това и разгръща агресивно-интензивна дипломатическа дейност пред римския император и Ватикана; да подчертава всеобщия страх и раболепие пред Атила, на гали, франки, римляни и др. и стигащи дотам самият Папа да се яви в стана му и на колене да го моли да пощади Рим, но и да преразказва горепосочената, първата в историята на

човечеството, голяма "битка на народите" като тотален разгром на банда главорези под ръководството на жалък страхливец, повлиян от предсказанията на шаманите и уплашен най-вече за живота си [Добрев 2005, 252-253].

Priskos, Atilla ile Vatikan ve tüm batı ülkeleri ile arasında diplomatlık yapan kişidir. Atilla'yı en ince ayrıntısına kadar tasvir yapan bir kişidir ve kitap yazar bu tüm batı kaynaklarında mevcuttur. Priskos: http://tr.wikipedia.org/wiki/Priskos

Bu şahsın kitabını ülkemizde bir akademisyen de çevirmiştir. Elde olan nüshalarını çevirmiştir. Birde sözde kayıp olan -Vatikan arşivlerinde bulunan- sıklıkla batı tarihçilerinin Priskos'un işte bu 'kayıp parşömenlerine' dayanarak yazdıkları ve Türklere kin kustukları kitaplar da vardır. *En meşhuru sahte Hun tarihçisi diye batının dahi kabul ettiği* ***Marsilyanus'tur.*** *4.asırda Herodot tarihinin kahramanlarını Hunlara uyarlayarak bir Hun tarihi yazar. Çağımızda bu hikâyenin Herodot'ta geçtiği meydana çıkınca, batının dahi sahte Hun tarihçisi unvanını verdiği şahıs. Yine Bizans tarihçisi Papaz asıllı Türklere büyük kin duyan* ***Jordanes'te "Priskos'un kayıp parşömenlerinden okuyup, yazdım" diyen bir yalancıdır ki bu da Batı tarihçilerince tespit edilmiştir.*** *Uzun uzun yazmayacağım bunlar zaten bilinen konulardır.*

Atilla, Papa Leo'ya diz çöktürüp, köpek gibi yalvartıp, ayağını öptürmüştür. *Bunu hazmedemeyen batı tarihçileri, güya Atilla, Papa'nın önünde kutsandı, hatta Hristiyan oldu zırvasını yazsalarda, yazılı belgeler, özellikle batılı bazı kaynaklar yok edilemediğinden mecburen bu görüşlerini yalanlamıştırlar.*

Papaların kölelerin ayaklarını öpme âdeti, o zamanki Papa'nın Atilla'nın ayağını öpmesinden sonra başlamıştır. *Atilla'nın, Papa'ya ayağını öptürmesini bir türlü hazmedemeyen Vatikan, sonradan "Bak Papa kölelerin ayağını öpüyor" hikâyesini uydurmuşlardır. Bırakın bu ayakları, bırakın bu yalanları...*

Hatta bu olaydan sonra ***"Hunlar Türk değil, Macar'dır"*** *diye iddia etmeleri de yine bu dönemdedir. Sonra bu zırvayı da tarihin gerçekleri yüzünden Asya Hunlarının Türk olduğunu kabul etmişlerdir.*

*VATİKAN'DA bilinen bir çok belge, kitap zaman zaman gün yüzüne; kazara veya çeşitli nedenlerle çıkmaktadır. Vatikan arşivlerinde kayıp denilen'****Priskos'un parşömenleri****' de dahil bir çok belge vardır. Vatikan'da her Papa değişiminde birçok tarihi kayıt, belge vs. yeminle ve mühürle yeni Papa tarafından teslim alınır. Papa'nın arşivcileri bu belgeler üzerlerinde çalışırlar. Bir Piskopos vardır ki bu kişi* ***Alessandro Sperelli'dir****. Papa tarafından görevlendirilen bu şahıs, arşiv yazıları ve Hristiyan teolojisi üzerine kitaplar yazar. Bunlardan biri 1664 basım orijinal devrin Papa'sı imzalı aşağıdaki kitabıdır.*

Bu Piskopos, aynı zamanda pastoral devrin üç Papası ile çalışır. Papa Urbanus, Papa innocentius (1644 yılı) Papa Alexsander Septimus.

1664 basım Papa Clemens imzalı iki cild kalın kitap ve Vatikan Arşivlerinde 83 sayfalık resim ve gravürlü Roma diplomasi tarih kitabı ki işte konu ile alakalı kitaptan bazı sayfalar [Keleş 2016, 1-3].

Papa Leo kimdir? Papalar tarihinde, Roma'da Hun İmparatoru Attila'yı, İtalya işgalinden dönmeye ikna eden kişi olarak geçiyor. Birçok tarihçi, 452 yılında Attila'nın 100.000 kişilik

ordusu ile Alp Dağları üzerinden İtalya'ya girişini hiçbir tereddüte mahal vermeden yazarlar. Papa 1. Leo bir heyetle Attila'nın huzuruna çıkar ve Roma'nın bağışlanmasını Attila'dan ister. Hatta birçok tarihçi, Attila'nın Roma'yı alarak Hıristiyanlığı ortadan kaldıracağından endişe edildiğini söylerler.

RAGIONAMENTI
PASTORALI
DI MONSIGNOR ALESSANDRO
SPERELLI
Vescouo di Gubbio, Prelato domestico del Sommo Pontefice, & Assistente.
Fatti al Clero, alle Monache, & al Popolo.
IN TRE PARTI DISTINTI
Con due Indici, uno de' Ragionamenti, e l'altro delle materie.
PARTE PRIMA.
Ragionamenti fatti al Clero.
IN ROMA, MDCLXIV.
A spese di Guglielmo Hallé Libraro,
All'Insegna della Salamandra, nella Piazza di Pasquino.
Con licenza de' Superiori, e Privilegio.

AL GLORIOSISSIMO
S. VBALDO
Vescouo, e Protettore di Gubbio,
ALESSANDRO SPERELLI suo humilissimo seruo, e Successore nella medesima Chiesa.

Leo Attila'nın önünde diz çöker, elini öper, af diler. Ancak Avrupalılar ve Vatikan tarihçileri bu durumu gururlarına yedirememeyerek, "böyle bir olayın olmadığını" iddia ederler. Hatta Attila'ya barbar diyerek, hakaret dahi ederler. Çünkü kuyruk acıları vardır. Ancak bütün tarihçiler, Papa Leo'nun Attila'yı bir şeklide ikna ettiğini söylerler. Attila Roma'yı işgal etmesine ve Roma'ya hakim olmasına rağmen, Papa'yı ve kiliseyi azad etmiştir. Yani Attila eğer isteseydi o gün Hıristiyanlığı bitirmişti. Bugün Vatikan diye bir yerden artık söz edilmeyecekti.

Avrupalı bazı tarihçiler, Atilla'nın Papa tarafından neyin karşılığında ikna edildiğini eserlerinde açıkça sorarlar. Sahi, neyin karşılığında? Vatikan, bu konuyu bugün şöyle açıklar: Papa 1. Leo Attila'yı ikna etmiştir. İsa mesihin yardımıyla. Vatikan, Papa'nın Attila'nın önünde diz çöktüğünü ve yalvardığını söylemez. Böyle bir olayın kanıtı olmadığını söyler.

Ancak Vatikan'ın yalanını biz ortaya çıkaralım. Hem de tarihi bir belge ile. İşte Vatikan'ın yalanını ortaya çıkaracak bu belge: 470'li yıllara ait, Marinus'un yapmış olduğu yazı ve resimler. Bu yazı ve resimler bize şunu anlatmaktadır: Attila ayakta, başında bir ışık hüzmesi var. Bu ışık hüzmesi, Hıristiyanlar'da azizliğe işaret eder.

Papa Leo, Attila'nın elindeki ipe veya kırbaca bağlı bir şekilde yerde emekler halde tasvir edilmiştir. Attila'nın elindeki kırbaç da olabilir ipte. Resimdeki çizimde alt tarafta muhtemelen Roma Kilisesini betimleyen bir lahit bulunmaktadır. Attila elindeki kırbaçla veya iple Leo'yu terbiye eder bir haldedir. Grekçe yazılarda okunabilen kısımda şunlar tercüme edilimiştir: Marinus Leo ile alay ederek; Papa Leo Asyalı'yı Paraglit(*) ilan etti. Bu kelime çok ilginç. Barnabas İncili'nde geçen bir kelime. Ahmet, tavsiyeci, büyük ruh, arındırıcı anlamlarında kullanılır.

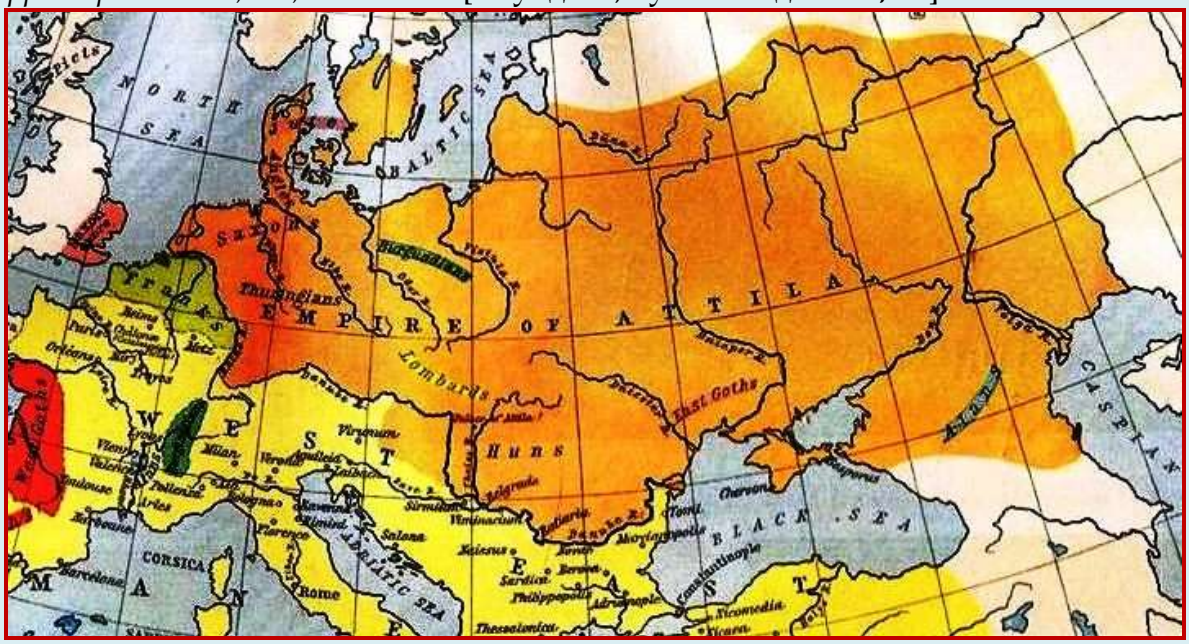
Bu Hıristiyan dünyasında bugün de tartışılan bir mevzuu. Bu metinde de o kelime şöyle geçiyor: Keşiş Marinus, Papa Leo ile dalga geçerken mealen şunu söylüyor. Leo Attila'yı İsa'dan sonra gelecek Barnabas'ın Paraklit'i yaptı. (Burada Marinus Barnabas'ı da sapkın ilan ediyor.) Yani Papa Leo, Attila'yı tabiri caizse peygamber ilan ediyor. Yani Paraklit'in Attila olduğuna inanıyor. Batılı tarihçiler soruyordu ya; Leo, Attila'yı neyin karşılığında ikna etti? Cevabı Marinus bize veriyor.

Papa Leo ile Attila arasındaki bu paraklit meselesinin elbette bir anlaşması var. Vatikan hazır arşivlerini açmışken bu belgeyi de açıklasın! Vatikan Gizli Arşivleri Müdürü Sergio Pagano asıl bu belgeyi ortaya çıkarsın. Bu belgeyi de halka açsın!

Demek ki, Attila'nın önünde 1. Leo diz çökmüş, yalvarmış, bununla da kalmamış Attila'yı da peygamber ilan etmiş, paraklit kabul etmiş. Attila Peygamber değildi. Bugün Vatikan ve Hıristiyanlık alemi varlıklarını Attila'ya yani bir Türk'e borçludur. Attila paraklit ünvanını kabul etmemiştir. Atilla sadece din adamlarına Türk'ün asaletini gösterip, merhamet etmiştir [Keleş 2016a, 3-6].

Първата и най-голямата от заслугите пред Човечеството на българския император каган Атила е тази, че именно той слага край на една историческа епоха – Античността на робовладелците и робите, и поставя началото на следващата историческа епоха – Средновековието на феодалите и крепостните селяни. Друга негова много голяма заслуга е това, че пръв в европейската и общочовешката история реализира на практика идеала за общоевропейски парламент и "европейски съединени щати" в границите на водещо-основната, както по време, така и по териториален обхват и могъщество, не единствено за племената и народите от Великото Преселение, но и за по-голямата част от европейските племена и народи, полиетнична военно-племенна конфедерация, известна повече като Западно-Хунска Империя, именно поради което след него етно-демографската карта на Европа вече не е същата:

Сами гунны считали, что Аттила происходит от Меча Марса. Созданная им Гуннская держава с центром в Паннонии включала огромные пространства от Каспийского моря на востоке до Рейна на западе и от Датских островов на севере до Дуная на юге. Эта территория протянулась с востока на запад, от Чёрного моря до Паннонии, которую гунны заняли без войны, при поддержке многих племён, и где находилась ставка Аттилы, на 800 км, и на 400 км с севера на юг, то есть площадь Гуннского союза составляла 320,000 кв. км, а вместе с зависевшими от гуннов территориями – 5,000,000 кв. км. [Ахундова, Гусейн-заде 2015, 16].



Империя Аттилы

(Исторический атлас Shepherd, William R. New York, 1923)

Нигде не говорится, что это были за пределы, и невозможно предположить, в каком направлении двигался Аттила, поскольку сороси больше нигде не упоминаются. Западная граница гуннов не доходила до Рейна, поскольку, как мы уже знаем, между гуннами и рекой находились независимые восточные бургунды. Но бургунды были не исключением. Франки тоже были независимыми, и были, несомненно, многие другие. В самом начале правления Руа Октар управлял самыми западными территориями гуннов, и в конце жизни он, очевидно, пробивался к Рейну, но смерть не дала возможности закончить решение этой задачи. В северном направлении, согласно Приску, получившему информацию из надежного источника, Аттила управлял «островами в океане». Теперь историки считают, что острова, которыми управлял Аттила, были островами Балтийского моря, но, по мнению Моммзена, имелась в виду Британия. Возможно, и Приск считал, что его информатор подразумевал Британию, — по всей видимости, историк обладал настолько ограниченными знаниями географии Северо-Западной Европы, что, получив информацию об управлении Аттилой некими островами, предположил, что это Британские острова. Гиббон думает (и это очень похоже на истину), что гунны получали в качестве дани меха с этих северных островов.

Согласно Приску, Аттила управлял «всей Скифией». Как далеко на восток простирались его владения? Кислинг полагает, что аланы, занимавшие территорию от Дона до Аральского моря, безоговорочно признали господство Аттилы. Это утверждение кажется маловероятным. Аланам действительно не удавалось добиться независимости; они находились под властью гуннов и должны были хоть в малой степени выказывать преданность Аттиле. Но позже мы узнаем, что гуннское племя акациров, живших западнее Черного моря, вело независимый образ жизни под руководством своих вождей до 448 года, и нет причины считать, что они были исключением.

Итак, можно сделать вывод, что все германские и другие народы между Альпами и Балтикой и между Каспием (или несколько западнее) и границей, протянувшейся на неизвестном расстоянии восточнее Рейна, признавали Аттилу и Бледу в качестве своих правителей. Хотя, насколько нам известно, братья всегда действовали сообща и рассматривали свою империю как общую собственность, они поделили ее и правили по отдельности. Однако мы не знаем, как они поделили империю и кому досталась какая часть [Томпсон 2016, 20-23].

15.1.10 Avrupa Hunları Artık Bir imparatorluk

Hunlar hakkında bilgi veren çağdaşı kaynaklardan Priskos ve Jordanes'in belirttiğine göre Hun Devleti dahilinde yaşayanlar:

1) *Germen kavimleri (Doğu Gotları, Gepidler, Turciling, Suebler, Markomanlar, Kuadlar, Herutlar, Rugiler, Skirler).*
2) *Slav kavimleri (Orta ve batı Rusya'da Veneda, Ant- Slovenler).*
3) *İranlı kavimler (Kafkaslardan Tuna'ya kadar, Alanlar, Sarmatlar, vb).*
4) *Fin-Ugor kavimleri (Ural 'dan Baltık'a kadar. Çeramis, Mordvin, Merya, Veşi, Çud, Est, Vidivari).*
5) *Türkler: İmparatorluğun her tarafına yayılmış olarak, Hunlar; Karadeniz'in kuzeyinde Beş-Ogurlar, On-Ogurlar, Sar-Ogurlar, Azak'ın batısında Akatirler, Volga'nın doğusunda Sabarlar ve başka Türk kavimleri olmak üzere beş ana grupta toplanıyordu.*

Toplam sayısı kırk beşe varan ve farklı kavimlerden olan birbirlerinden başka diller konuşan bu kavimler reisieri veya kralları vasıtasıyla Hunlara bağlı bulunuyorlardı. Hun İmparatorluğu içinde devamlı bir huzur ve sükŭnet sağlanmıştı. Sadece tek isyan hareketi görüldü ki, o da Akatider (Akatzir)'in başkaldırmalarıydı. Güçlü Hun idaresine karşı fazla başarı şansı olmayan bu isyan Atilla'nın büyük oğlu İlek ve kanat eligi Onegesios tarafından kolayca hastınldı (442).

Buna karşılık Batı Roma İmparatorluğu'nda hoşnutsuzluk ve i ç isyanlar gittikçe artıyordu. Göç halindeki kavimler geçtikleri yollar üzerinde büyük tahribat yapıyorlar ve yerli halkın yetiştirdiği ürünler de zorla ellerinden alınıyordu. Roma Aetius vasıtasıyla bir kere daha Hunlara başvurdu. Hun birliklerinin yardımı ile iki yıl süren mücadeleler sonucunda Avrupa'nın yerli kavimlerinin isyanları bastırılabildi. Daha sonra Belçika bölgesindeki Burgond tehlikesi Gundikar idaresinde başladı. Onlara karşı Hun ordusu Oktar'ın kumandası altında şiddetli çarpışmalar yaptı. Neticede kralları dahil olmak üzere birçok Burgond öldü (436). Hun-Burgond savaşı Almanların ünlü Nibelungen Destanı'na konu olmuştur. Bu savaşlar sonunda

bütün Germanya Hunlar tarafından zapt edilince Hun hakimiyeti, Okyanus adalarına yani Kuzey Denizi ve Manş kıyılarına kadar ulaşabilme fırsatı buldu [Taşağıl 2016a, 254-255].

Пак пръв и единствен в общочовешката история хан Атила подготвя, организира и провежда първата голяма Битка на Народите (15.06.451 г.) на Каталунското поле край днешния френски град Орлеан. Общият брой на участниците в тази битка от двете страни наброява между 300 и 700 хил. души, докато само загиналите и ранените пак от двете страни са близо 165 хил. души. Независимо от продължаващите и до днес тенденциозно-инсинуативни и злонамерено-голословни твърдения (O. Pritsak), че в тази битка Атила е победеният, то видно особено добре от втория след Прискус, напълно достоверен за случая източник, какъвто е Йорданес, боят между двете коалиционни армии е прекратен поради настъпването на нощта, т.е. битката очевидно завършва наравно, и все пак на другия ден неговите противници напускат, но още по-точно, бягат от бойното поле, така че победата безспорно е на страната на Атила, а не на Аеций. Що се отнася специално до лекотата, с която Атиловите хуни разрушават и преодоляват десетки крепости по Дунав и в Италия, то тъкмо тук непременно трябва да се знае, че това е дело главно на първите и ненадминати през Късната Античност и Ранното Средновековие „сапьорно-инженерни части“ на савирите прабългари (Ив. Добрев; Прокопий-а):

При Феодосии младшем Аттила, царь Уннов, собрал свое войско и отправил письмо к царю Римскому с требованием, чтобы немедленно выданы были переметчики и выслана была дань (под предлогом настоящей войны ему не пересылали ни переметчиков, ни дани), и чтоб отправлены были к нему посланники для переговоров о платеже дани на будущее время. Аттила объявлял притом, что если Римляне замешкают, или будут готовиться к войне, то и он не захочет более удерживать Скифское войско от нападения. На прочтении письма Аттилы, совет царский объявил, что Римляне не выдадут прибегших под их покровительство людей, но вместе с ними примут войну; что впрочем будут отправлены к Аттиле посланники для прекращения споров. Раздраженный ответом Римлян, Аттила стал опустошать Римские земли, срыл несколько замков и подступил к обширному и многолюдному городу Ратиарии [13]. Между Римлянами и Уннами произошло в Херсонисе сражение [18], после которого заключен между ними мир через посланника Анатолия [19], на следующих условиях: выдать Уннам переметчиков и шесть тысяч литр золота, в [26] жалованье за прошедшее время [20]; платить ежегодно определенную дань в две тысячи сто литр золота [21]; за каждого Римского военнопленного, бежавшего и перешедшего в свою землю без выкупа, платить двенадцать золотых монет; если принимающие его не будут платить этой цены, то обязаны выдать Уннам беглеца. Римлянам не принимать к себе никакого варвара, прибегающего к ним. Римляне показывали, будто принимали эти условия по доброй воле; но одна необходимость, чрезвычайный страх, объявший их правителей, и желание мира заставляли их принимать охотно всякое требование, как бы оно ни было тягостно. Они согласились и на плату дани, которая была самая

обременительная, несмотря на то, что доходы и царская казна были истощены не на полезные дела, а на непристойные зрелища, на безрассудную пышность, на забавы и на другие издержки, от которых благоразумный человек и среди счастливейшего состояния государства должен удерживаться, а тем более должны были удерживаться от того люди, которые не радели о деле ратном и платили дань не только Скифам, но и прочим варварам, живущим вокруг Римских владений.

Царь принуждал всех вносить деньги, которые, следовало отправить к Уннам. Он обложил податью даже тех, которые по приговору суда или по щедроте царской, получили временное облегчение от тягостной оценки земли [22]. *Положенное количество золота вносили и особы причисленные к сенату, выше своего состояния* [23]. ***[27]*** *Многих самое блистательное состояние их довело до превратностей. Побоями вымогали у них деньги, по назначению чиновников, на которых возложена была царем эта обязанность, так что люди издавна богатые выставляли на продажу уборы жен и свои пожитки. Такое бедствие постигло Римлян после этой войны, что многие из них уморили себя голодом, или прекратили жизнь, надев петлю на шею. В короткое время истощена была казна; золото и беглецы отправлены были к Уннам* [Приск, 2-3].

When all were arranged, a cup-bearer came and handed Attila a wooden cup of wine. He took it, and saluted the first in precedence, who, honoured by the salutation, stood up, and might not sit down until the king, having tasted or drained the wine, returned the cup to the attendant. All the guests then honoured Attila in the same way, saluting him, and then tasting the cups; but he did not stand up. Each of us had a special cupbearer, who would come forward in order to present the wine, when the cup-bearer of Attila retired. When the second in precedence and those next to him had been honoured in like manner, Attila toasted us in the same way according to the order of the seats. When this ceremony was over the cup-bearers retired, and tables, large enough for three or four, or even more, to sit at, were placed next the table of Attila, so that each could take of the food on the dishes without leaving his seat.

The attendant of Attila first entered with a dish full of meat, and behind him came the other attendants with bread and viands, which they laid on the tables. A luxurious meal, served on silver plate, had been made ready for us and the barbarian guests, but Attila ate nothing but meat on a wooden trencher. In everything else, too, he showed himself temperate; his cup was of wood, while to the guests were given goblets of gold and silver. His dress, too, was quite simple, affecting only to be clean. The sword he carried at his side, the latchets of his Scythian shoes, the bridle of his horse were not adorned, like those of the other Scythians, with gold or gems or anything costly.

When evening fell torches were lit, and two barbarians coming forward in front of Attila sang songs they had composed, celebrating his victories and deeds of valour in war. And of the guests, as they looked at the singers, some were pleased with the verses, others reminded of wars were excited in their souls, while yet others, whose bodies were feeble with age and their spirits compelled to rest, shed tears. After the songs a Scythian, whose mind was deranged, appeared, and by uttering outlandish and senseless words forced the company to laugh.

Attila, however, remained immovable and of unchanging countenance nor by word or act did he betray anything approaching to a smile of merriment except at the entry of Ernas, his youngest son, whom he pulled by the cheek, and gazed on with a calm look of satisfaction. I was surprised that he made so much of this son, and neglected his other children but a barbarian who sat beside me and knew Latin, bidding me not revea what he told, gave me to understand that prophets had forewarned Attila that his race would fall, but would be restored by this boy. When the night had advanced we retired from the banquet, not wishing to assist further at the potations [Priscus, 7-8].

При въезде в эту деревню Аттилу встретили девицы, шедшие рядами под тонкими белыми и очень длинными покрывалами; под каждым покрывалом, поддерживаемым руками шедших с обеих сторон женщин, находилось по семи и более девиц, певших скифские песни; таких рядов женщин под покрывалами было очень много.

***3**. При императоре Феодосии младшем [29] унский царь Аттила, собрав свое войско, послал к императору письмо [30] с требованием, чтобы к нему немедленно были высланы беглецы и взносы дани, которые не были выданы под предлогом этой войны, а для улажения вопроса о будущей дани были присланы к нему послы для переговоров; он прибавил, что если римляне будут медлить или готовиться к войне, то он даже при желании не в состоянии будет удержать скифские полчища. Прочитав это, царедворцы сказали, что никоим образом не выдадут прибежавших под их защиту, но с ними вместе выдержат войну, и решили послать послов для разрешения недоразумений. Когда до Аттилы дошло решение римлян, он в гневе стал опустошать римскую землю и, разрушив несколько укреплений, приступил к огромнейшему и многолюдному городу Ратиарии [31].*

***4**. Феодосии послал консуляра Сенатора [32] в качестве посла к Аттиле. Он, даже нося имя посла, не решился прибыть к уннам сухим путем, а отплыл к Понту и городу Одессу[33], в котором пребывал и высланный ранее военачальник Теодул [34].*

***5**. После битвы римлян с уннами при Херсонесе [35] был заключен мирный договор при посредстве посла Анатолия [36]. Они помирились на том, чтобы уннам были выданы беглецы и дано было шесть тысяч литр золота согласно прежним условиям; ежегодная дань была усдовлена в две тысячи сто литр золота; за каждого римского военнопленного, бежавшего и перешедшего без выкупа в свою землю, должно быть выдаваемо по оценке двенадцать золотых, а в случае неуплаты принявшие беглеца обязаны выдавать его; римляне не должны принимать ни одного варвара, бежавшего к ним. Римляне притворялись, что добровольно заключают такой договор; но на деле они, благодаря необходимости и отчаянному страху, который обуял их начальников, стремились к заключению мира и готовы были принять всякое, даже самое тягостное требование; поэтому они согласились на условия дани, весьма для них тяжкие, так как их доходы и царские сокровища были растрачены не на дело, а на бесцельные зрелища, безрассудную пышность, распущенные удовольствия и другие расходы, которых ни один благоразумный человек не выдержал бы даже при благоприятных обстоятельствах, не говоря уже о тех, кто пренебрегал оружием. Поэтому они повиновались требованиям*

дани не только со стороны скифов, но и прочих варваров, живших на границах римских областей [37]...

Съехавшись с ними на дороге и выждав, чтобы Аттила проехал вперед, мы последовали за ним со всей его свитой. Переправившись через какие-то реки, мы приехали в огромное селение, в котором, как говорили, находились хоромы Аттилы [63], более видные, чем во всех других местах, построенные из бревен и хорошо выстроганных досок и окруженные деревянной оградой, опоясывавшей их не в видах безопасности, а для красоты. За царскими хоромами выдавались хоромы Онегесия, также окруженные деревянной оградой; но она не была украшена башнями подобно тому, как у Аттилы.

Ромейските пратеници поднасят дарове на Атила
(худ. Теофилия)

Приблизившись к царице и после приветствия передав ей дары, я вышел и отправился к другим строениям, в которых жил сам Аттила, чтобы подождать, когда выйдет Онегесий: он уже вышел из своего дома и находился у Аттилы. Стоя среди всей толпы, - так как я был уже известен стражам Аттилы и окружавшим его варварам, и потому никто мне не препятствовал, - я увидел шедшую массу народа, причем на этом месте поднялся говор и шум, возвестивший о выходе Аттилы; он появился из дворца, выступая гордо и бросая взоры туда и сюда. Когда он, выйдя с Онегесием, стал перед дворцом, к нему стали подходить многие, имевшие тяжбы между собой, и получали его решение. Затем он возвратился во дворец и стал принимать прибывших к нему варварских послов.

Стремясь достигнуть еще большего сверх существующего и увеличить свои владения, он желает двинуться даже в Персию. Когда кто-то из нас спросил, каким путем может он притти в Персию, Ромул сказал, что Мидия находится не на большом расстоянии от Скифии и что уннам не безызвестен этот путь, так как они уже давно делали вторжение в Мидию, когда их родина была застигнута голодом и римляне не оказали им сопротивления вследствие случившейся тогда другой войны. Таким образом пришли тогда в Мидию Басих и Курсих из племени царских скифов, предводители больших скопищ народа, впоследствии прибывшие в Рим для заключения военного союза [71]. Перешедшие говорили тогда, что они прошли пустынную страну, переправились через озеро, которое Ромул считал Меотидой, и через пятнадцать дней пути, перевалив через какие-то горы, вступили в Мидию [72]. Пока они опустошали страну своими набегами, выступившие против них полчища персов наполнили стрелами разлитое над ними воздушное пространство, так что унны из страха перед наступившей опасностью обратились вспять и перевалили через горы с небольшой добычей, так как большая часть ее была отнята мидянами. Опасаясь преследования со стороны неприятелей, они повернули на другую дорогу и после пламени, поднимавшегося из подводной скалы [73], отправившись оттуда [74]... дней пути прибыли на родину. Так и узнали они, что Мидия находится не на большом расстоянии от Скифии [75]. Итак, Аттила в случае желания пойти на нее походом не понесет больших трудов и не совершит длинного пути, так что покорит и мидян, и парфян, и персов и принудит их к уплате дани; ибо он располагает воинской силой, против которой не устоит ни один народ. Когда мы выразили желание, чтобы он пошел против персов и обратил на них оружие, Константиол сказал, что он боится чтобы Аттила, легко подчинив и персов, не возвратился владыкой вместо друга; теперь от римлян привозится ему золото ради его почетного звания, а если он подчинит парфян, мидян и персов, то он уже не потерпит, чтобы римляне присваивали себе его власть, но открыто признает их своими рабами и предъявит к ним более тяжкие и невыносимые требования. Почет, о котором упомянул Константиол, состоял в звании римского полководца, ради которого Аттила принял от императора имя прикрывающей (επικαλυπτοντος) дани (?) [76], так что сборы высылались ему под именем столовых денег, выдаваемых полководцам. Итак Константиол говорил. что после покорения мидян, парфян и персов Аттила сбросит с себя это имя, которым римляне желают его называть, и звание, которым, как они полагают, они оказали ему почет, и принудит называть себя вместо полководца царем. Ведь он уже раз сказал в сердцах, что для того [т. е. императора] его слуги — полководцы, а его полководцы равны по чести с римскими императорами. Недолго спустя последует и увеличение настоящего его могущества. Знамение этого дал сам бог, открывший аресов меч, который считался священным и чтился скифскими царями, как посвященный владыке войн, но еще в древние времена исчез, а затем был вновь найден при помощи коровы [77].

В назначенное время мы явились на обед вместе с послами от западных римлян и остановились на пороге против Аттилы. Виночерпии подали нам по туземному обычаю

кубок, чтобы и мы помолились, прежде чем садиться. Сделав это и отведав из кубка, мы подошли к креслам, на которых следовало сидеть за обедом. У стен комнаты с обеих сторон стояли стулья. Посредине сидел на ложе Аттила, а сзади стояло другое ложе, за которым несколько ступеней вело к его постели, закрытой простынями и пестрыми занавесями для украшения, как это делают эллины и римляне для новобрачных. Первым рядом пирующих считались. сидевшие направо от Аттилы, а вторым — налево, в котором сидели и мы, причем выше нас сидел знатный скиф Берих. Онегесий сидел на стуле-вправо от царского ложа. Против Онегесия сидели на стульях два сына Аттилы, а старший сидел на его ложе, но не близко к отцу, а на краю, смотря в землю из уважения к отцу. Когда все было приведено в порядок, пришел виночерпий и подал Аттиле кубок вина. Приняв его, он приветствовал первого по порядку; удостоенный чести привета встал с места; садиться следовало лишь после того как, пригубив кубок или выпив, Аттила отдавал его виночерпию. Севшему оказывали таким же образом честь все присутствующие, беря кубки и после приветствия отпивая из них У каждого был один виночерпий, который должен был входить по порядку после выхода виночерпия Аттилы. После того как удостоился почести второй гость и следующие, Аттила почтил и нас таким же приветом по порядку мест. После того как все были удостоены этого приветствия виночерпии вышли, и были поставлены столы после стола Аттилы для каждых трех или четырех гостей или даже большего числа; таким образом каждый имел возможность брать себе положенные на блюда кушания не выходя из ряда седалищ. Первым вошел слуга Аттилы с блюдом, наполненным мясом, а за ним .служившие гостям поставили на столы хлеб и закуски. Для прочих варваров и для нас были приготовлены роскошные кушанья, сервированные на круглых серебряных блюдах, а Аттиле не подавалось ничего кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он выказывал умеренность: так, например, гостям подавались чаши золотые и серебряные, а его кубок был деревянный. Одежда его также была скромна и ничем не отличалась от других, кроме чистоты; ни висевший у него сбоку меч, ни перевязи варварской обуви, ни узда его коня не были украшены, как у других скифов, золотом, каменьями или чем-либо другим ценным. Когда были съедены кушанья, наложенные на первых блюдах, мы все встали, и вставший не возвращался к своему креслу прежде, чем каждый гость из первого ряда не выпил поданный ему полный кубок вина, пожелав доброго здоровья Аттиле. Почтив его таким образом, мы сели, и на каждый стол было поставлено второе блюдо с другим кушаньем. Когда все взяли и этого кушанья, то снова встали таким же образом, выпили и опять сели. При наступлении вечера были зажжены факелы, и два варвара, выступив на средину против Аттилы запели сложенные песни, в которых воспевали его победы и военные доблести; участники пира смотрели на них, и одни восхищались песнями, другие, вспоминая о войнах, ободрялись духом, иные, у которых телесная сила ослабела от времени и дух вынуждался к спокойствию, проливали слезы.

На этот раз он пришел во время пира и своим видом, одеянием и странной смесью произносимых им слов (он смешивал с авсонским языком унский и готский) всех развлек и во всех возбудил неугасимый смех кроме Аттилы. Последний оставался неподвижным

не менялся лице и никаким словом или поступком не обнаруживал своего веселого настроения. Только когда самый младший из сыновей, по имени Эрна, вошел и встал около него, он потрепал его по щеке, смотря на него нежными глазами. Когда я выразил удивление тому, что он не обращает внимания на других детей, а к этому относится ласково, сидевший рядом со мной варвар, понимавший по-авсонски и предупредивший, чтобы я никому не передавал его слов, объяснил, что кудесники предсказали Аттиле, что его род падет, но будет восстановлен этим сыном. Пока гости проводили ночь в пире, мы потихоньку вышли, не желая слишком долго засиживаться за попойкой [Приск-а, 2-9].

В этом мирном договоре [участвовал] Аттила[507]*, повелитель всех гуннов и правитель - единственный в мире - племен чуть ли не всей Скифии, достойный удивления по баснословной славе своей среди всех варваров. Историк Приск, отправленный к нему с посольством от Феодосия Младшего, рассказывает, между прочим, следующее: переправившись через громадные реки, а именно через Тизию, Тибизию и Дрикку* [508]*, мы пришли к тому месту, где некогда погиб от сарматского коварства Видигойя* [509]*, храбрейший из готов; оттуда же неподалеку достигли селения, в котором стоял король Аттила; это селение, говорю я, было подобно обширнейшему городу; деревянные стены его, как мы заметили, были сделаны из блестящих досок, соединение между которыми было на вид так крепко, что едва-едва удавалось заметить — и то при старании — стык между ними. Видны были и триклинии, протянувшиеся на значительное пространство, и портики, раскинутые во всей красоте. Площадь двора опоясывалась громадной оградой: ее величина сама свидетельствовала о дворце. Это и было жилище короля Аттилы, державшего [в своей власти] весь варварский мир; подобное обиталище предпочитал он завоеванным городам* [510].

Этот самый Аттила был рожден от Мундзука, которому приходились братьями Октар и Роас; как рассказывают, они держали власть до Аттилы, хотя и не над всеми теми землями, которыми владел он. После их смерти Аттила наследовал им в гуннском королевстве вместе с братом Бледою.

Чтобы перед походом, который он готовил, быть равным [противнику], он ищет приращения сил своих путем братоубийства и, таким образом, влечет через истребление своих к всеобщему междоусобию. Но, по решению весов справедливости, он, взрастивший могущество свое гнусным средством, нашел постыдный конец своей жестокости.

После того как был коварно умерщвлен брат его Бледа, повелевавший значительной частью гуннов, Аттила соединил под своей властью все племя целиком и, собрав множество других племен, которые он держал тогда в своем подчинении, задумал покорить первенствующие народы мира [511] *- римлян и везеготов. Говорили, что войско его достигало пятисот тысяч* [512].

Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил На все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры

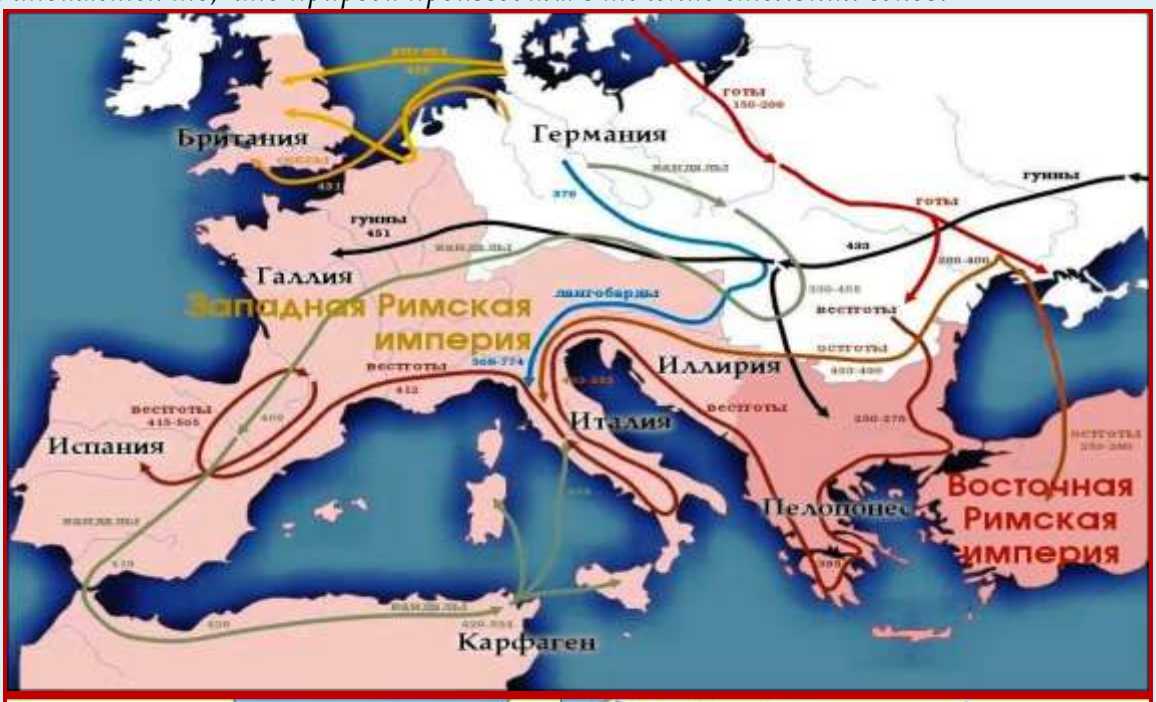
туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды ***[96]*** *доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутый сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи], он являл все признаки своего происхождения [513]. Хотя он по самой природе своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нем еще от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей. Историк Приск рассказывает, что меч этот был открыт при таком случае. Некий, пастух, говорит он, заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах.*

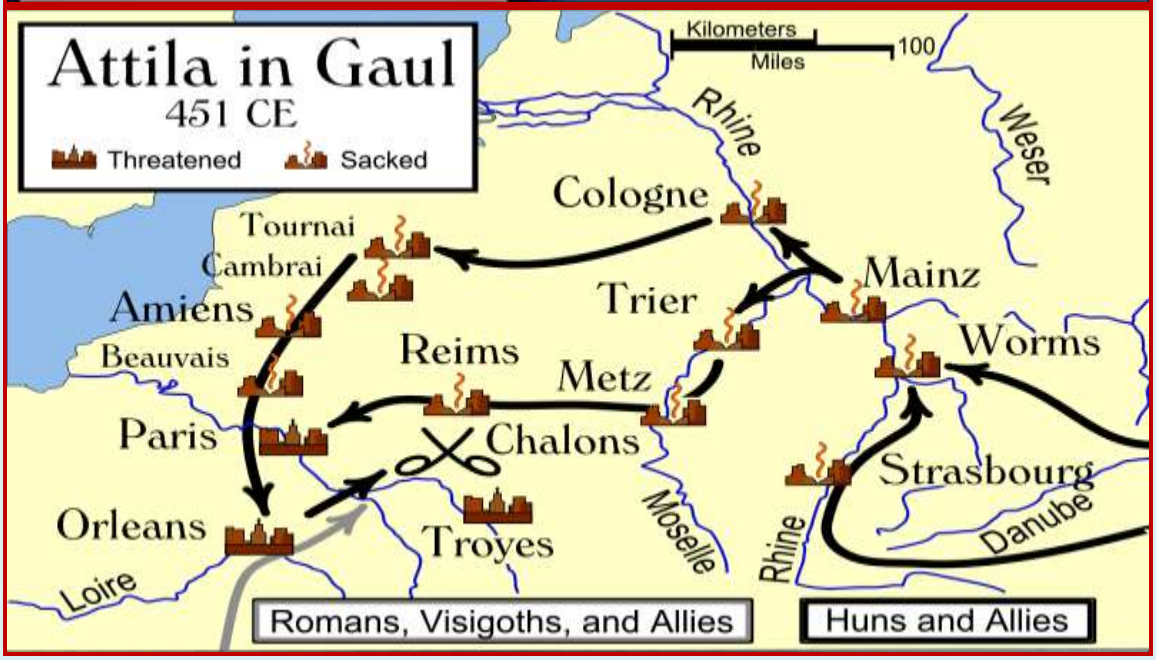
Тогда Аттила, порождая войны, давно зачатые подкупом Гизериха, отправил послов в Италию к императору Валентиниану [517], сея таким образом раздор между готами и римлянами, чтобы хоть из внутренней вражды вызвать то, чего не мог он добиться сражением; при этом он уверял, что ничем не нарушает дружбы своей с империей, а вступает в борьбу лишь с Теодеридом, королем везеготов. Желая, чтобы [обращение его] было принято с благосклонностью, он наполнил остальную часть послания обычными льстивыми речами и приветствиями, стремясь ложью возбудить доверие. Равным образом он направил письмо к королю везеготов Теодериду, увещевая его отойти от союза с римлянами и вспомнить борьбу, которая незадолго до того велась против него. Под крайней дикостью таился человек хитроумный, который, раньше чем затеять войну, боролся искусным притворством.

И вот выводит Теодорид, король везеготов, бесчисленное множество войска; оставив дома четырех сыновей, а именно: Фридериха и Евриха, Ретемера и Химнерита, он берет с собой для участия в битвах только старших по рождению, Торисмуда и Теодериха. Войско счастливо, подкрепление обеспечено, содружество приятно: все это налицо, когда имеешь расположение тех, кого радует совместный выход навстречу опасностям. Со стороны римлян великую предусмотрительность проявил патриций Аэций, на котором лежала забота о Гесперийской стороне [518] империи; отовсюду собрал он воинов, чтобы не оказаться неравным против свирепой и бесчисленной толпы. У него были такие вспомогательные отряды: франки, сарматы [519], армориканы [520], литицианы [521], бургундионы, саксоны, рипариолы [522], бриоты - бывшие римские воины, а тогда находившиеся уже в числе вспомогательных войск, и многие другие как из Кельтики, так и из Германии [523].

Итак, сошлись на Каталаунских полях, которые иначе называют Мавриакскими [524]; они тянутся на сто лев (как говорят галлы) [525] в длину и на семьдесят в ширину. Галльская лева измеряется одной тысячью и пятьюстами шагами. Этот кусок земли

стал местом битвы бесчисленных племен. Здесь схватились сильнейшие полки с обеих сторон, и не было тут никакого тайного подползания, но сражались открытым боем. Какую можно сыскать причину, достойную того, чтобы [98] привести в движение такие толпы? Какая же ненависть воодушевила всех вооружиться друг против друга? Доказано, что род человеческий живет для королей, если по безумному порыву единого ума совершается побоище народов и по воле надменного короля в одно мгновение уничтожается то, что природа производила в течение стольких веков! [526]





Но раньше чем сообщить о самом ходе битвы, необходимо показать, что происходило вначале, перед сражением. Битва была настолько же славна, насколько была она многообразна и запутанна. Сангибан, король аланов, в страхе перед будущими

событиями обещает сдаться Аттиле и передать в подчинение ему галльский город Аврелиан [527], где он тогда стоял. Как только узнали об этом Теодорид [528] и Аэций, тотчас же укрепляют они город, раньше чем подошел Аттила, большими земляными насыпями, стерегут подозрительного Сангибана и располагают его со всем его племенем в середине между своими вспомогательными войсками.

Аттила, король гуннов, встревоженный этим событием и не доверяя своим войскам, устрашился вступить в сражение. Между тем, обдумав, что бегство гораздо печальнее самой гибели, он приказал через гадателей вопросить о будущем. Они, вглядываясь по своему обычаю то во внутренности животных, то в какие-то жилки на обскобленных костях, объявляют, что гуннам грозит беда. Небольшим утешением в этом предсказании было лишь то, что верховный вождь противной стороны должен был пасть и смертью своей омрачить торжество покинутой им победы. Аттила, обеспокоенный подобным предсказанием, считал, что следует хотя бы ценой собственной погибели стремиться убить Аэция, который как раз стоял на пути его — Аттилы — движения. Будучи замечательно изобретательным в военных делах, он начинает битву около девятого часа дня, причем с трепетом, рассчитывая, что, если дело его обернется плохо, наступающая ночь выручит его.

Сошлись стороны, как мы уже сказали, на Каталаунских полях. Место это было отлогое; оно как бы вспучивалось, вырастало вершиной холма. Как то, так и другое войско стремилось завладеть им, потому что удобство местности доставляет немалую выгоду; таким образом, правую сторону его занимали гунны со всеми своими [союзниками], левую же — римляне и везеготы со своими вспомогательными отрядами. И они вступают в бой на самой горе за оставшуюся [ничьей] вершину.

Правое крыло держал Теодерид с везеготами, левое - Аэций с римлянами; в середине поставили Сангибана, о котором мы говорили выше и который предводительствовал аланами; они руководствовались военной осторожностью, чтобы тот, чьему настроению они мало доверяли, был окружен толпой верных людей. Ибо легко принимается необходимость сражаться, когда бегству поставлено препятствие.

По-иному было построено гуннское войско. Там в середине помещался Аттила с храбрейшими воинами: при таком расположении обеспечивалась скорее забота о короле, поскольку он, находясь внутри сильнейшей части своего племени, оказывался избавленным от наступающей опасности. Крылья его войск окружали многочисленные народы и различные племена, подчинявшиеся его власти. Среди них преобладало войско остроготов, под предводительством братьев Валамира, Теодемира и Видемера, более благородных по происхождению, чем сам король, которому они служили, потому что их озаряло могущество рода Амалов. Был там и Ардарих [529], славнейший тот король бесчисленного полчища гепидов, который, по крайней преданности своей Аттиле, участвовал во всех его замыслах. Аттила же, взвешивая все с присущей ему проницательностью, любил его и Валамира, короля остроготов, больше, чем других царьков. Валамир отличался стойкостью в сохранении тайн, ласковостью в разговоре, уменьем распутать коварство. Ардарих же был известен, как сказано, преданностью и

здравомыслием. Не без основания Аттила должен был верить, что они будут биться с сородичами своими, везеготами. Остальная же, если можно сказать, толпа королей и вождей различных племен ожидала, подобно сателлитам, кивка Аттилы: куда бы только ни повел он глазом, тотчас же всякий из них представал перед ним без малейшего ропота, но в страхе и трепете, или же исполнял то, что ему приказывалось. Один Аттила, будучи королем [этих] королей, возвышался над всеми и пекся обо всех.

Итак, происходила борьба за выгодную, как мы сказали, позицию того места. Аттила направляет своих, чтобы занять вершину горы, но его предупреждают Торисмунд и Аэций, которые, взобравшись на верхушку холма, оказались выше и с легкостью низвергли подошедших гуннов благодаря преимущественному положению на горе.

Тогда Аттила, увидев, что войско его по причине только что случившегося пришло в смятение, решил вовремя укрепить его следующими речами: «После побед над таким множеством племен, после того как весь мир — если вы устоите! — покорен, я считаю бесполезным побуждать вас словами как не смыслящих, в чем дело. Пусть ищет этого либо новый вождь, либо неопытное войско. И не подобает мне говорить об общеизвестном, а вам нет нужды слушать. Что же иное привычно вам, кроме войны? Что храбрецу слаще стремления платить врагу своей же рукой? Насыщать дух мщением — это великий дар природы! Итак, быстрые и легкие, нападем на врага, ибо всегда отважен тот, кто наносит удар. Презрите эти собравшиеся здесь разноязычные племена: признак страха - защищаться союзными силами. Смотрите! Вот уже до вашего натиска поражены враги ужасом: они ищут высот, занимают курганы и в позднем раскаянии молят об укреплениях в степи. Вам же известно, как легко оружие римлян: им тягостна не только первая рана, но сама пыль, когда идут они в [100] боевом порядке и смыкают строй свой под черепахой щитов [530] . Вы же боритесь, воодушевленные упорством, как вам привычно, пренебрегите пока их строем, нападайте на аланов, обрушивайтесь на везеготов. Нам надлежит искать быстрой победы там, где сосредоточена битва. Когда пересечены жилы, вскоре отпадают и члены, и тело не может стоять, если вытащить из него кости. Пусть воспрянет дух ваш, пусть вскипит свойственная вам ярость! Теперь гунны, употребите ваше разумение, примените ваше оружие! Ранен ли кто — пусть добивается смерти противника, невредим ли — пусть насытится кровью врагов. Идущих к победе не достигают никакие стрелы, а идущих к смерти рок повергает и во время мира. Наконец, к чему фортуна утвердила гуннов победителями стольких племен, если не для того, чтобы приготовить их к ликованию после этого боя? Кто же, наконец, открыл предкам нашим путь к Мэотидам [531], столько веков пребывавший замкнутым и сокровенным? Кто же заставил тогда перед безоружными отступить вооруженных? Лица гуннов не могло вынести все собравшееся множество. Я не сомневаюсь в исходе вот поле, которое сулили нам все наши удачи! И я первый пущу стрелу во врага. Кто может пребывать в покое, если Аттила сражается, тот уже похоронен!»

И зажженные этими словами все устремились в бой.

Хотя событие развивалось ужасное, тем не менее присутствие короля подбадривало унывающих. Сходятся врукопашную; битва — лютая, переменная, зверская, упорная. О подобном бое никогда до сих пор не рассказывала никакая древность, хотя она и повествует о таких деяниях, величественнее каковых нет ничего, что можно было бы наблюдать в жизни, если только не быть самому свидетелем этого самого чуда. Если верить старикам, то ручей на упомянутом поле, протекавший в низких берегах, сильно разлился от крови из ран убитых; увеличенный не ливнями, как бывало обычно, но взволновавшийся от необыкновенной жидкости, он от переполнения кровью превратился в целый поток. Те же, которых нанесенная им рана гнала туда в жгучей жажде, тянули струи, смешанные с кровью. Застигнутые несчастным жребием, они глотали, когда пили, кровь, которую сами они — раненые — и пролили.

Битва на Каталаунских полях

(Миниатюра из манускрипта XIV века)

Там король Теодорид, объезжая войска для их ободрения, был сшиблен с коня и растоптан ногами своих же; он завершил свою жизнь, находясь в возрасте зрелой старости. Некоторые говорят, что был он убит копьем Андагиса [532], со стороны остроготов, которые тогда подчинялись правлению Аттилы. Это и было тем, о чем вначале сообщили Аттиле гадатели в их предсказании, хотя он и помышлял это об Аэции.

Тут везеготы, отделившись от аланов, напали на гуннские полчища и чуть было не убили Аттилу, если бы он заранее, предусмотрев это, не бежал и не заперся вместе со своими за оградами лагерей, которые он держал окруженными телегами, как валом;

хотя и хрупка была [101] эта защита, однако в ней искали спасения жизни те, кому незадолго до того не могло противостоять никакое каменное укрепление.

Торисмуд [533], сын короля Теодорида, который вместе с Аэцием захватил раньше холм и вытеснил врагов с его вершины, думая, что он подошел к своим войскам, в глухую ночь наткнулся, не подозревая того, на повозки врагов. Он храбро отбивался, но, раненный в голову, был сброшен с коня; когда свои, благодаря догадке, освободили его, он отказался от дальнейшего намерения сражаться. Аэций, равным образом оторванный от своих в ночной сумятице, блуждал между врагами, трепеща, не случилось ли чего плохого с готами; наконец, он пришел к союзным лагерям и провел остаток ночи под охраной щитов. На следующий день на рассвете [римляне] увидели, что поля загромождены трупами и что гунны не осмеливаются показаться; тогда они решили, что победа на их стороне, зная, что Аттила станет избегать войны лишь в том случае, если действительно будет уязвлен тяжелым поражением. Однако он не делал ничего такого, что соответствовало бы повержению в прах и униженности: наоборот, он бряцал оружием, трубил в трубы, угрожал набегом; он был подобен льву, прижатому охотничьими копьями к пещере и мечущемуся у входа в нее: уже не смея подняться на задние лапы, он все-таки не перестает ужасать окрестности своим ревом. Так тревожил своих победителей этот воинственнейший король, хотя и окруженный. Сошлись тогда готы и римляне и рассуждали, что сделать с Аттилой, которого они одолели. Решили изнурять его осадой, так как он не имел запаса хлеба, а подвоз задерживался его же стрелками, сидевшими внутри оград лагерей и беспрестанно стрелявшими. Рассказывают, что в таком отчаянном положении названный король не терял высшего самообладания; он соорудил костер из конских седел и собирался броситься в пламя, если бы противник прорвался, чтобы никто не возрадовался его ранению и чтобы господин столь многих племен не попал во власть врагов.

Во время этой задержки с осадой везеготы стали искать короля, сыновья — отца, дивясь его отсутствию, как раз когда наступил успех. Весьма долго длились поиски; нашли его в самом густом завале трупов, как и подобает мужам отважным, и вынесли оттуда, почтенного песнопениями на глазах у врагов. Виднелись толпы готов, которые воздавали почести мертвецу неблагозвучными, нестройными голосами тут же в шуме битвы. Проливались слезы, но такие, которые приличествуют сильным мужам, потому что, хотя это и была смерть, но смерть — сам гунн тому свидетель — славная. Даже вражеское высокомерие, казалось, склонится, когда проносили тело великого короля со всеми знаками величия. Отдав должное Теодориду, готы, гремя оружием, передают [наследнику] королевскую власть, и храбрейший Торисмуд, как подобало сыну, провожает в похоронном шествии славные останки дорогого отца. [102]

Когда все было кончено, сын, движимый болью осиротения и порывом присущей ему доблести, задумал отомстить оставшимся гуннам за смерть отца; поэтому он вопросил патриция Аэция, как старейшего и зрелого благоразумием, что надлежит теперь делать. Тот же, опасаясь, как бы — если гунны были бы окончательно уничтожены — готы не утеснили Римскую империю, дал по этим соображениям

такой совет: возвращаться на свои места и овладеть королевской властью, оставленной отцом, чтобы братья, захватив отцовские сокровища, силою не вошли в королевство везеготов и чтобы поэтому не пришлось ему жестоким или, что еще хуже, жалким образом воевать со своими. Торисмуд воспринял этот совет не двусмысленно, — как он, собственно, и был дан, — но скорее в свою пользу и, бросив гуннов, вернулся в Галлии. Так непостоянство человеческое, лишь только встретится с подозрениями, пресекает то великое, что готово совершиться.

В этой известнейшей битве самых могущественных племен пало, как рассказывают, с обеих сторон 165 тысяч человек, не считая 15 тысяч гепидов и франков; эти, раньше чем враги сошлись в главном сражении, сшиблись ночью, переколов друг друга в схватке — франки на стороне римлян, гепиды на стороне гуннов.

Аттила, заметив отход готов, долго еще оставался в лагере, предполагая со стороны врагов некую хитрость, как обыкновенно думают обо всем неожиданном. Но когда, вслед за отсутствием врагов, наступает длительная тишина, ум настраивается на мысль о победе, радость оживляется, и вот дух могучего короля вновь обращается к прежней вере в судьбу.

Торисмуд же, по смерти отца на Каталаунских полях, где он сражался, вступает в Толозу [534], вознесенный в королевском величии. Здесь, правда, толпа братьев и знатных радостно его приветствовала, но и сам он в начале правления был настолько умерен, что ни у кого не появилось и в мыслях начать борьбу за наследование.

Аттила же, воспользовавшись уходом везеготов и заметив распад между врагами на два [противоположных] лагеря, — чего он всегда желал, — успокоенный двинул скорее войско, чтобы потеснить римлян. Первым его нападением была осада Аквилейи [535], главного города провинции Венетий; город этот расположен на остром мысу, или языкообразном выступе, Адриатического залива; с востока стену его лижет [водами своими] река Натисса [536], текущая с горы Пикцис [537]. После долгой и усиленной осады Аттила почти ничего не смог там сделать; внутри города сопротивлялись ему сильнейшие римские воины, а его собственное войско уже роптало и стремилось уйти. Однажды Аттила, проходя возле стен, раздумывал, распустить ли лагерь или же еще задержаться; вдруг он обратил внимание, что белоснежные птицы, а именно аисты, которые устраивают гнезда на верхушках домов, тащат птенцов из города и, вопреки своим привычкам [103], уносят их куда-то за поля. А так как был он очень проницателен и пытлив, то и представил своим следующее соображение: «Посмотрите,-- сказал он, — на этих птиц: предвидя будущее, они покидают город, которому грозит гибель; они бегут с укреплений, которые падут, так как опасность нависла над ними. Это не пустая примета, нельзя счесть ее неверной; в предчувствии событий, в страхе перед грядущим меняют они свои привычки» [537а]. Что же дальше? Этим снова воспламенил он души своих на завоевание Аквилейи.

Построив осадные машины и применяя всякого рода метательные орудия [538], они немедля врываются в город, грабят, делят добычу, разоряют все с такой жестокостью, что, как кажется, не оставляют от города никаких следов. Еще более дерзкие после

этого и все еще не пресыщенные кровью римлян, гунны вакхически неистовствуют по остальным венетским [539] городам. Опустошают они также Медиолан [540], главный город Лигурии, некогда столицу; равным образом разметывают Тицин [541], истребляя с яростью и близлежащие окрестности, наконец, разрушают чуть ли не всю Италию.

Атила напада Италия
(Фреска на Делакруа 1840 г.)

Папата моли Атила да пощади Рим

Но когда возникло у Аттилы намерение идти на Рим, то приближенные его, как передает историк Приск, отвлекли его от этого, однако не потому, что заботились о городе, коего были врагами, но потому что имели перед глазами пример Алариха, некогда короля везеготов, и боялись за судьбу своего короля, ибо тот после взятия Рима [542] жил недолго и вскоре удалился от дел человеческих. И вот, пока дух Аттилы колебался относительно этого опасного дела — идти или не идти — и, размышляя сам с собою, медлил, подоспело к нему посольство из Рима с мирными предложениями. Пришел к нему сам папа Лев [543] на Амбулейское поле [544] в провинции Венетий, там, где река Минций [545] пересекается толпами путников. Аттила прекратил тогда буйство своего войска и, повернув туда, откуда пришел, пустился в путь за Данубий, обещая соблюдать мир. Он объявил перед всеми и, приказывая, угрожал, что нанесет Италии еще более тяжкие бедствия, если ему не пришлют Гонорию [546], сестру императора Валентиниана, дочь Плацидии Августы, с причитающейся ей частью царских сокровищ. Рассказывали, что эта Гонория по воле ее брата содержалась заточенная в состоянии девственности ради чести дворца; она тайно послала евнуха к Аттиле и пригласила его защитить ее от властолюбия брата — вовсе недостойное деяние: купить себе свободу сладострастия ценою зла для всего государства.

Аттила вернулся на свои становища и [547], как бы тяготясь бездействием и трудно перенося прекращение войны, послал послов к Маркиану [548], императору Восточной империи, заявляя о намерении ограбить провинции, потому что ему вовсе не платят дани, обещанной покойным императором Феодосием [549], и ведут себя с ним обычно менее обходительно, чем с его врагами. Поступая таким образом, он, лукавый и хитрый, в одну сторону грозил, в другую — направлял оружие, а излишек своего негодования [излил], обратив свое лицо [104] против везеготов. Но исхода тут он добился не того, какой имел с римлянами. Идя обратно по иным, чем раньше, дорогам, Аттила

решил подчинить своей власти ту часть аланов, которая сидела за рекой Лигером [550] , чтобы, изменив после их [поражения] самый вид войны, угрожать еще ужаснее. Итак, выступив из Дакии и Паннонии, провинций, где жили тогда гунны и разные подчиненные им племена, Аттила двинул войско на аланов.

Ко времени своей кончины он, как передает историк Приск [623], взял себе в супруги — после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, — девушку замечательной красоты по имени Ильдико. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах королю.

На следующий день, когда миновала уже большая его часть, королевские прислужники, подозревая что-то печальное, после самого громкого зова взламывают двери и обнаруживают Аттилу, умершего без какого бы то ни было ранения, но от излияния крови, а также плачущую девушку с опущенным лицом под покрывалом. Тогда, следуя обычаю того племени, они отрезают себе часть волос и обезображивают уродливые лица свои глубокими ранами, чтобы превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин, но кровью мужей [624].

В связи с этим произошло такое чудо: Маркиану, императору Востока [625], обеспокоенному столь свирепым врагом, предстало во сне божество и показало — как раз в ту самую ночь — сломанный лук Аттилы, именно потому, что племя это много употребляет такое оружие. Историк Приск говорит, что может подтвердить это [явление божества] истинным свидетельством. Настолько страшен был Аттила для великих империй, что смерть его была явлена свыше взамен дара царствующим. [110]

Не преминем сказать — хоть немногое из многого [626] — о том, чем племя почтило его останки. Среди степей [627] в шелковом шатре поместили труп его, и это представляло поразительное и торжественное зрелище. Отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где был он положен; при этом они в погребальных песнопениях так поминали его подвиги:

«Великий король гуннов Аттила, рожденный от отца своего Мундзука, господин сильнейших племен! Ты, который с неслыханным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами [628], который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира и,-дабы не было отдано и остальное на разграбление, — умилостивленный молениями принял ежегодную дань. И со счастливым исходом совершив все это, скончался не от вражеской раны, не от коварства своих, но в радости и веселии, без чувства боли, когда племя пребывало целым и невредимым. Кто же примет это за кончину, когда никто не почитает ее подлежащей отмщению?»

После того как был он оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане «страву» [629] (так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиршеством. Сочетая противоположные [чувства], выражают они похоронную скорбь, смешанную с ликованием.

Ночью, тайно труп предают земле, накрепко заключив его в [три] гроба — первый из золота, второй из серебра, третий из крепкого железа. Следующим рассуждением разъясняли они, почему все это подобает могущественнейшему королю: железо — потому что он покорил племена, золото и серебро — потому что он принял орнат [630] обеих империй. Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами, драгоценные фалеры [631], сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения [632], каковыми отмечается убранство дворца. Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело, отвратительно, таким образом, вознаградив их; мгновенная смерть постигла погребавших так же, как постигла она и погребенного [633] [Иордан, 195-209].

Между тем скиф Аттила, сын Омндия, человек храбрый и гордый, удаливши старшего брата своего, Вделу, присвоил одному себе власть над скифами, которых называют также уннами, и напал на Фракию; это обстоятельство в особенности побудило Феодосия поспешить заключить с Гизерихом мир и вывесть войско свое из Сицилии. После того он отправил Аспара со вверенною ему силою, а с ним Ареовинда и Аргалискла, против Аттилы, который покорил уже Ратиарию, Нассу, Филиппополь, Аркадиополь, Константанцию и множество других городов, и, разбивши полководцев римских, захватил бесчисленное множество пленных и добычи. Одержавши такие победы, он раздвинул свое владычество от одного моря до другого, от Понта до Каллиполя и Систа, покорил себе все города, кроме Адрианополя и Ираклеи, называвшейся прежде Перинфом, и уже приближался к крепости Афире. Поэтому Феодосий принужден был отправить посольство к Аттиле, предлагая ему шесть тысяч литр золота[*], если он удалится и, сверх того, обязываясь ежегодно платить тысячу литр, если он заключит с ним мир. Когда римское войско возвратилось с войны против Аттилы, то в непродолжительном времени Феодосий умер, 20 июня, индиктиона третьего [Феофан, 245-246].

Аттила, король гуннов, располагая поддержкой Валамира, короля остроготов, Ардарика, короля гепидов, и многих других подчинённых ему северных племён, вышел из Паннонии и вторгся в Западную империю с 500 000 вооружённых воинов. Первым делом гнев Божий поразил через них всю Галлию в такой мере, что никакие укрепления не могли спасти от их ярости ни города, ни крепости, ни замка. В дальнейшем, когда они осадили город Орлеан, на помощь галлам поспешил римский патриций Аэций, опираясь на военные силы Теодориха, короля визиготов, Меровея, короля франков, и поддержку других племён. Вступив в битву на Каталаунских полях, они сражались до наступления ночи. Аэций, одержав верх, тем не менее отступил и не уничтожил Аттилу окончательно. Там тогда было убито 180 000 воинов; среди прочих пал также Теодорих, король визиготов. Аттила, воспрянув духом из-за отступления Аэция, отправился домой, чтобы, пополнив войско, вернуться в надлежащее время.

Аттила, вступив в Италию, либо разграбил, либо разрушил, либо сжёг почти все её города. К нему прибыл папа Лев и добился у него не только спасения, но и согласия

вернуться восвояси. Когда же приближённые спросили у короля Аттилы, почему он был с ним столь любезен, он ответил, что оказал уважение не папе, но тому достопочтенному старцу, который, обнажив меч, угрожал ему смертью, если он не исполнит всего, что тот хочет [Сигеберт, 27-28].

Гуннский период, особенно время Аттилы, оставил неизгладимый след в истории. Этот след имеется не только в исторических сочинениях и хрониках, описывающих гуннское нашествие, но и в многочисленных эпических произведениях. Сводку преданий и их интерпретацию можно найти в трудах Ам. Тьерри, Вельтмана и др. Память о гуннах сохранилась в скандинавских сагах, народных квидах Севера, витязных песнях и сказаниях Эдды, в исландских и гренландских сагах XI-XIII вв., в Волуспа (сборник северных сказаний), в латинских и мадьярских сказаниях и т.д. и т.д. Наконец, отражение гуннского нашествия встречаем мы и в «Песни о Нибелунгах».

Гуннам посвящены авентюры XX и XXIX «Песни о Нибелунгах», в которых описываются женитьба Этцеля (Аттилы) на бургундке Кримгильде (бывшей жене Зигфрида) и войны между гуннами и бургундами. Сообщается ряд интересных деталей, касающихся, главным образом, быта гуннов. «Нибелунги» доказывают проникновение гуннов во время Аттилы в Западную Европу, успешное сражение их с бургундами. Покорение бургундов произошло до поражения гуннов западными варварскими племенами под руководством римского полководца Аэция.

Предвидя нашествие гуннов, бургунды стремились к союзу с готами, но, как сообщает Проспер Аквитанский (V в.), союзом «Гундикарий (по «Нибелунгам» - Гунтер, - А.Б.) пользовался недолго, ибо его вместе с его народом и родом уничтожили гунны». «Песнь о Нибелунгах» также говорит, что союз, который пытался создать Аттила в Западной Европе, был непрочен, и временно входившие в гуннское объединение племена стремились к выходу из него, ориентируясь на новый союз с теми племенами, которые были ближе к ним по своему экономическому и социальному, а быть может и племенному положению. Поэтому в «Нибелунгах» отразились восстание гуннов и борьба их с бургундами внутри гуннского союза, во дворце Аттилы. Сам Аттила погибает от руки своей жены бургундки Кримгильды. «Песнь о Нибелунгах» вместе с тем ещё подтверждает несовместимость, в условиях общественных отношений этой эпохи, союза земледельческих и скотоводческих племён [Бернштам 2012, 88-133].

Ако се обърнем сега към съдържанието на нашия домашен паметник, към известния „Именник на първите български князе", ще видим, че приведените тук главни факти от историята на хуните през периода от II до V в. сл. Хр. се схождат с данните на Именника. За означения в началото му пръв български господар Авитохол се дава един период от 300 лунни години, именно от 146 до 437 г. сл. Хр. [5] Тоя първи в историята на българите период, чието начало напълно съвпада с появяването на хуните на границата между Европа и Азия, а краят му ясно посочва на друго, не по-малко важно събитие в тяхната история, а именно на тяхното разпадане на две самостоятелни държави, както това ще покажем по-нататък, ние ще наречем период на окончателна закрепа на българите в оная територия, дето ги е заварила историята през втората

половина на V в., а именно на изток от Меотида (Азовско море) и р. Танаис (Дон). Каква е била историята на българите през тоя период, ние не знаем; не я знаел, както се види, и съставителят на Именника; също не ни дават за нея никакви известия и чуждите извори. Очевидно тя се крие в общата история на хунските народи, защото самото име ***Βούλγαροι****, Bulgari(-es) става известно в книжовните извори, както и известия за съдбата на отделни хунски племена почват да се срещат тепърва след потеглянето на Атила към запад. След това събитие настават и нови политически отношения между хунските народи в земите на техните доскорошни местоживелища* (В. Златарски).

Неотдавна Европа бе залята от милитаристична вълна и всяка войнствена нация започна да се хвали със страховитите си прадеди; всички те с гордост наричаха Атила ако не свой дядо, то поне братовчед. От всички тях българите като че ли имат най-голямо право да претендират за това; кръвта на „Бича божи“ днес тече в долините на Балканите, разредена от изминалите векове и от кротостта на славяните. По време на хунските нашествия Империята все още е била единствената цивилизована държава в Европа, затова се налага да се обърнем за сведения към нейните хронисти. Те не съобщават много; степите били размирни и твърде загадъчни и много неща оставали неясни за хронистите. Те се опитвали да осветлят етническите проблеми, но често се оказвало по-лесно да изоставят опитите си и в търсене на художествен ефект наричали всяко приждащо племе „скити“ или „кимерийци“. И все пак пред нас се открояват някои факти. След смъртта на Атила държавата му рухнала. Населението ѝ, което вероятно е било само конгломерат от сродни племена, обединени под властта му, отново се разпаднало на отделни племена и всяко поело по своя път. Едно от тях щяло скоро да стане известно под името „българи“.

Първият споменат владетел е Авитохол от рода Дуло, който управлявал за нечувано дългия период от три века – от 146 до 437 г. Неговият приемник Ирник не може да се похвали чак с такова дълголетие – той достигнал едва век и половина (437-582 г.). След него дошъл Гостун от рода Ерми, управлявал някакви си 17 месеца (582-584 г.). И така стигаме до Курт, който по наследство от своя род Дуло бил достатъчно дълголетен, за да може да управлява почти 60 години (584-642 г.). Името Авитохол като че ли няма особен смисъл, освен ако не си припомним, че някъде към VII в. християнски, еврейски и мюсюлмански мисионери започнали да разпространяват Стария завет из степите. Тюрките обогатили Светото писание, като добавили преданието за Яфет, чийто най-голям син и наследник бил наречен Тюрк и носел прозвището Яфет-оглани („син на Яфет“). Името Яфет лесно би могло да се превърне в Авит – дума, означаваща „прародител“. И така Авито-хол, родоначалникът на първата българска владетелска династия, е може би внук на самия Ной. Без съмнение за един член на славния род на Патриарха не би представлявало никаква трудност да управлява някакви си триста години [Рънсиман 2015, 19-25].

Вторжение гуннов, которое, как и миграция сарматов в предыдущий период, было обусловлено этническими сдвигами в средней Евразии, имело далеко идущие исторические последствия для дальнейшего развития как западной Евразии, так и

собственно Европы. Именно гунны начали "великое переселение народов" (Volkerwanderung), как оно было названо.

Следуя по стопам германцев, гунны расположились в Паннонии на среднем Дунае. Кампании Аттилы ударили как по Риму, так и по германцам. В этом водовороте большинство западных провинций Римской империи были постепенно поглощены различными германскими племенами, и в конце концов герул Одоакр захватил контроль над самим Римом (476 г.). И теперь новый Рим, т.е. Константинополь, стал столицей империи, или же того что от нее осталось. Фактически выжила лишь восточная часть, и из латинской она изменилась в греко-византийскую. Но на многие столетия вперед Константинополь все же сохранил свой престиж как имперский город - по-славянски Царьград.

Международное значение гуннского вторжения отчасти определялось далеко идущими изменениями в положении анто-славянских племен. Уничтожив могущество остготов, гунны предотвратили возможность германизации анто-славян в Южной Руси. Более того, остатки иранских племен в Южной Руси также были ослаблены. Значительная часть аланов двинулась на запад, следуя исходу готов. В результате роль иранского элемента в жизни ас или антских племен уменьшилась, в то время как славянское влияние возросло. Эпоха гуннского вторжения является, таким образом, в определенном смысле периодом освобождения восточных славян не только от готского, но также и от иранского контроля. Привлекая славянские подразделения в свою армию и используя их как вспомогательные во время своих кампаний, гунны научили военному духу анто-славян.

Аттила был одним из тех неукротимых завоевателей мира, которые время от времени преуспевали в объединении кочевых племен в могучую империю. Подобно Чингиз-хану, он был не только военным гением, но также очень одаренным государственным деятелем. Безжалостный на войне, Аттила не был жесток по природе. Его лицо было смуглым, с маленькими, глубоко посаженными глазами, широким носом и жидкой бородой. Его спокойное достоинство и жесткий взгляд впечатляли всех, кто сталкивался с ним, и одно племя за другим признавало его в качестве своего властителя. Тип гуннского преуспевания был одинаков во многих случаях. Сначала врагу наносилось быстрое военное поражение; затем следовали дипломатические переговоры, связывающие его накрепко с гуннской ордой. Личное влияние великого хана завершало затем задачу слома воли бывшего врага.

В следующем году Аттила отстранил от власти своего брата Бледа и стал высшим правителем гуннских орд от Кавказа до Дуная. Гуннское ханство таким образом стало наиболее могущественным государством своего времени, а двор Аттилы - центром международной политики и интриг. Среди помощников хана были аланы, греки, германцы и римляне. Одним из его секретарей был римский аристократ, посланный к нему Аэцием, а сын Аэция провел некоторое время при дворе Аттилы как заложник. По сообщению Приска, который был секретарем имперского посольства 448 г., [65] мы имеем достаточно ясную картину двора Аттилы. Его штаб вырос в настоящий город,

защищенный деревянными стенами. Внутри за стенами находились многочисленные деревянные дома, некоторые сооруженные по типу огромного бревенчатого строения, а другие были покрыты резными досками. Дворец самого Аттилы, построенный на холме, был также бревенчатого типа, но очень просторен. Близ дворца его главной жены и домов его адъютантов находились на некотором расстоянии кладовые и другие вспомогательные сооружения, среди которых была и каменная баня.

Гуннская армия была страшной силой. Ее основное звено, как и в случае с другими кочевыми народами, состояло из кавалерии. Как кавалеристы гунны и их вассалы аланы не знали себе равных. Но оказывается, что гунны, как позднее монголы, были хорошо осведомлены о военной инженерии. У них были приспособления для проламывания даже сильных каменных стен римских крепостей. Возможно, что гунны первыми ознакомились с осадной техникой в Китае. Также возможно, что после соглашения Аттилы с Йаздагардом (440 г.) последний мог послать ему несколько персидских инженеров. И без сомнения, когда гунны проникли через римскую фортификационную линию по Дунаю, они должны были получить полные познания о римских военно-инженерных приспособлениях. Римские инженеры, пленные и дезертиры, могли наниматься для постройки осадных машин для хана. Согласно описанию осады Наиссы Приском, [66] они использовали высокие подвижные платформы, защищенные парапетами из ветвей и покрытые шкурами. На них помещались лучники, и они подвозились близко к стенам городов. Когда солдаты противника под ужасным ураганом стрел и снарядов оставляли валы, тараны и лестницы подвозились к стенам и воротам города, который вскоре брался.

Аттила тогда обошел город с севера и остановился на "Campus Mauriacus" близ современного Труа. Именно здесь произошла знаменитая Битва Народов в июне 451 г. [72] На стороне Аттилы, кроме гуннов и восточных аланов, были гепиды, остготы, герулы и часть франков. Силы Аэция состояли из римских легионов (рекрутированных в основном из Галлии и Германии), вестготов, бургундов, франков и ненадежных арморикских аланов. Битва была кровавой, но ничего не решившей. Поскольку основная часть поля осталась под контролем вестготов, Аэций похвалялся, что победа была за ним. Однако он не предпринял вновь атаки на следующий день. Через некоторое время Аттила увел свою орду назад в Паннонию, в то время как вестготы отступили на юг к Тулузе [Вернадский 2009, 94-112].

Но было уже слишком поздно. Города Галлии уже были объяты огнем, когда Аэций выезжал из Италии. «Аттила со своими внушающими ужас конными массами распространился по равнинам Бельгии, а Аэций потихоньку выскользнул из Италии во главе малочисленной армии без легионеров». Его позиции сильно ослабил голод, свирепствовавший в те месяцы в Италии. Голод, конечно, не помешал Аэцию в проведении переговоров, но усложнил задачу формирования армии. Аэцию удалось собрать всего лишь несколько вспомогательных подразделений, и когда он, наконец, соединился с вестготами Теодориха — по всей видимости, в конце апреля или начале мая, — то двинулся в северном направлении, чтобы встретить врага во главе невероятно

разнородной армии. В нашем распоряжении есть перечень народов, составленный Иорданом, воины которых входили в состав армии Аэция. Абсолютно неизвестные нам литицианы и олибрионы. Бургунды, которых Аэций в 443 году после разгрома Бургундского королевства его гуннами поселил в Савойе, теперь сражались за своего завоевателя, в то время как их сородичи, восточные бургунды, находились в армии Аттилы. В этой армии были и рипуарские франки — по-видимому, многие из них сбежали в Галлию после того, как Аттила напал на них на ранней стадии кампании. Под сарматами Иордана мы понимаем аланов, чье наступление на багаудов отменили из-за вмешательства епископа Осера, и мы еще увидим, что их поведение было более чем неоднозначным. В списке Иордана есть еще два названия. Саксы, возможно уже создавшие несколько поселений севернее Луары и получившие признание римского правительства, также пришли на помощь Аэцию. Последнее название вызывает удивление — это арморикaнцы (жители Бретани. — Ред.). Как они могли сражаться за своего старого врага Аэция против человека, к которому в 448 году в поисках убежища сбежал Евдоксий? Мы ничего об этом не знаем и даже не можем выдвинуть ни одного предположения. Единственным источником информации, абсолютно не заслуживающим доверия, является замечание Сидония, что их уговорил Авит. Относительно состава этой разношерстной армии не возникает никаких вопросов (не считая, естественно, арморикaнцев).

Переправившись через Рейн, Аттила захватил много городов, и, вполне возможно, в некоторых из них жители сами открывали городские ворота, будучи уверены, что он пришел как друг. 7 апреля пал Мец, и Аттила направился на Ценаб (Орлеан). Еще неизвестно, куда бы он направился, если бы не Сангибан, преемник Гоара, короля тех аланов, которых Аэций расположил в районе Ценаба, чтобы они не спускали глаз с соседней территории, где находились багауды. Сангибан вступил в тайную переписку с гуннами и обещал сдаться Аттиле и передать в его подчинение Ценаб (Орлеан). Узнав об этом, Аэций и Теодорих поняли, что должны первыми занять этот город. Они едва не опоздали. Гунны обложили город и почти вошли в него, когда подошли союзники, которым все-таки удалось заставить гуннов отступить. Нам неизвестно, как именно удалось заставить гуннов отступить. А вот в чем можно не сомневаться, так это в том, что Аттила, обойдя город, отошел на так называемые Каталаунские, или Мавриакские, поля, равнину в Шампани к западу от города Труа и левого берега верхней Сены. Трудно сказать, в каком точно месте встретились армии противников, хотя этот вопрос, не представляющий никакого значения, является предметом бесконечных споров. По свидетельству Иордана, Каталаунские поля занимали огромные пространства, но в любом случае ясно, что битва происходила на местности, идеально подходящей для маневров гуннской конницы, около города с неизвестным названием Maurica, расположенном в 8 километрах от Труа. Дата, как и место сражения, неизвестна, но, как предполагает автор «Краткой биографии Св. Анания», Аттила отступил от Орлеана 14 июня. Тогда, возможно, прав Бюри, предположив, что битва состоялась приблизительно 20 июня.

Сражение началось около девяти утра, и обе стороны прилагали усилия захватить холм, возвышавшийся над полем битвы. Бой не имел решающего значения. Каждая армия сумела захватить часть холма, но ни одна не дошла до вершины. Внизу на равнине на правом фланге войска римлян и их союзников располагались вестготы во главе с Теодорихом, на левом — сам Аэций с римлянами. Между ними, в центре, находился Сангибан с аланами, чья преданность была довольно сомнительна, поскольку, по выражению готского историка, любой с готовностью примет неизбежное, когда трудно сбежать с поля боя (кроме того, в центре войска Аэция находились франки и другие союзные племена. — Ред.). Аттила и его гунны занимали центр боевого порядка его войска, напротив дрожащего от страха Сангибана; остготы левого фланга войска Аттилы — против своих родственников, вестготов, гепиды — против римлян Аэция. Начав сражение, гунны потеряли часть холма, которую успели занять. Иордан пишет о «жестоком, упорном, затянувшемся сражении», но точный ход сражения нам неизвестен. (Сражение начали гунны. Они прорвали центр войска Аэция, затем перенесли удар против вестготов, но контрударом левого фланга римлян были опрокинуты. После этого Аэций с римлянами начал теснить гепидов и гуннов и вскоре овладел господствующей высотой, что и решило исход битвы. — Ред.) Король готов Теодорих погиб, и его тело нашли только на следующий день. Сражение продолжалось всю ночь, пока, наконец, Аттила не отступил в лагерь, окруженный, как валом, телегами. Иордан просит нас поверить, что потери с обеих сторон достигли 165 тысяч человек, но многие современные историки не соглашаются с этой цифрой. Его информация не делается более достоверной, когда он пишет, что это «не считая 15 тысяч гепидов и франков; эти, раньше чем враги сошлись в главном сражении, сшиблись ночью, переколов друг друга в схватке — франки на стороне римлян, гепиды на стороне гуннов»[2].

Спустя несколько лет на Востоке прошел слух, что был такой жестокий бой, «что не уцелел никто, кроме командующих с обеих сторон и немногих их приверженцев, но призраки тех, кто пал в бою, продолжали сражаться три дня и три ночи так яростно, словно были живыми, и явственно слышался звон скрещивающихся мечей».

На следующий день после сражения в лагере Аэция произошла такая история. Смерть короля привела вестготов в неописуемый гнев, и они решили продолжить бой и окружить лагерь Аттилы, чтобы в нем вождь гуннов встретил свою смерть от голода. У готов явно были шансы на успех, и Аэций решил, что гуннов действительно можно окончательно уничтожить. Позже готы рассказывали, что Аттила приготовил погребальный костер из седел и решил, что бросится в него, если враг прорвется в лагерь. Аэций хотел избежать такого финала. С давних пор гунны были его друзьями, и благодаря наемным гуннским войскам Аэций имел возможность управлять вестготами. Он все еще надеялся, хотя это и может показаться странным, что гунны еще сослужат ему службу в будущем. Аэций понимал, что если сейчас гунны будут окончательно уничтожены, то у Западной Римской империи встанет вопрос о защите империи от Вестготского королевства. Поэтому Аэций посоветовал сыну покойного

короля Торисмуду срочно возвращаться в Тулузу, чтобы помешать братьям в его отсутствие захватить трон. Торисмуд последовал совету и увел своих воинов. Затем Аэций проявил заботу о молодом франкском принце (Меровее. — Ред.), к которому относился по-дружески. Он обратил внимание принца, что на обратном пути Аттила будет проходить вблизи от территории франков. В отсутствие основной армии гунну не составит труда помочь взойти на престол старшему брату, который в прошлом году обращался за помощью к Аттиле. Поэтому Аэций посоветовал молодому принцу срочно возвращаться домой. Франк тоже последовал совету, данному Аэцием. Таким образом, Аэций позволил Аттиле отступить из Галлии. Двуличность римского патриция проявилась в следующем году.

Абсолютно неясны мотивы, которыми руководствовался Аттила, предпринимая в 452 году поход в Северную Италию. Единственно, в чем мы можем быть уверены, — он не чувствовал никаких обязательств перед Аэцием, позволившим ему сбежать из Галлии в прошлом году. Он начал кампанию в Италии, пребывая в ярости на западных римлян, на которых возложил вину за провал в Галлии. Аттилу, конечно, устроил распад вражеской армии после сражения на Каталаунских полях; теперь он считал, что легко может победить каждого врага по отдельности. Он собрал такую же большую армию, как в 451 году, и, перейдя через Альпы, вторгся в Италию. Так началась кампания 452 года[1].

Редко в истории встречается государственный деятель, которого бы удалось так застать врасплох, как это произошло с Аэцием весной 452 года. Можно не сомневаться, что он был уверен в правильности своего неоднозначного поведения в Галлии на следующий день после битвы на Каталаунских полях. Аэций считал, что просто проведет переговоры с Аттилой и гунны опять станут относиться к нему по-дружески. На перевалах Юлийских Альп не было ни одного гарнизона, хотя в горах можно было легко остановить продвижение гуннской конницы; на этот факт указывает и писатель, современник тех событий. Аттила перешел через Альпы, не встретив сопротивления, и патриций, наверное, был как громом поражен известием о вторжении Аттилы в Италию. Опомнившись от удара, Аэций был способен разработать единственный план: вместе с Валентинианом бежать из Италии.

Первая операция Аттилы — спуск на равнину — была одной из самых трудных из когда-либо проводимых им операций. Говорят, что за долгую историю город Аквилея часто подвергался осаде, но его никогда не брали приступом и никогда не заставляли сдаться. Первые атаки гуннов удалось отбить, несмотря на решимость гуннов во что бы то ни стало овладеть городом, и скоро по лагерю пошли разговоры о том, что стоит, вероятно, отказаться от штурма города. Но Аттила не собирался сдаваться. Он послал за теми представителями подчиненных народов, которые владели искусством осады крепостей. Построив осадные машины и применив всякого рода метательные орудия, гунны ворвались в город. Но, чтобы объяснить паузу между штурмами, была придумана красивая история из тех, что ассоциируются у нас с Приском, который, не имея информации, пересказывал чужие истории и слухи. Рассказывали, что «во время

осады Аттила, проходя возле стен, раздумывал, распустить ли лагерь или же задержаться еще, и вдруг обратил внимание, что белоснежные птицы, а именно аисты, которые устраивают гнезда на крышах домов, тащат птенцов из города и, противно своим привычкам, уносят их куда-то за поля». А так как был Аттила очень проницателен и пытлив, то представил своим воинам следующее соображение. «Посмотрите, — сказал он, — на этих птиц: предвидя будущее, они покидают город, которому грозит гибель; они бегут с укреплений, которые падут, так как опасность нависла над ними. Это не пустая примета, нельзя счесть ее неверной, в предчувствии событий, в страхе перед грядущим меняют они свои привычки». Что же дальше? «Этим снова воспламенил он души своих гуннов на завоевание Аквилеи». И вот тогда, «построив осадные машины, они немедля ворвались в город». Гунны безжалостно разграбили город и стерли его с лица земли. Люди долго вспоминали этот большой город, уничтоженный варварами, и в VI столетии было уже трудно определить место, на котором некогда находилась Аквилея.

Одержав первую победу, гунны понеслись дальше, и город за городом, страшась штурма, открывали ворота перед их приближением. Гуннские войска захватили Конкордию и Альтин. Затем гунны захватили Патавий (современная Падуя), в котором пятьсот лет назад родился Тит Ливий. Все захваченные города были разрушены до основания, а жители взяты в рабство: они были слишком напуганы, чтобы оказывать сопротивление. По словам Иордана, «еще более дерзкие после этого и все еще не пресыщенные кровью римлян, гунны вакхически неистовствуют по остальным венетским городам. Опустошают они также Медиолан, главный город Лигурии, некогда столицу; равным образом разметывают Тицин, истребляя с яростью и близлежащие окрестности, наконец, разрушают чуть ли не всю Италию». Они захватывают Вицетию (современная Виченца), Верону, Бриксию (современная Брешия), Бергамо, Милан, Тицин (современная Павия). Такие крупные города, как Милан и Тицин, после взятия по неизвестным причинам не подверглись большим разрушениям.

Посольство возглавлял не кто иной, как папа римский Лев I. Неясно, почему надо было посылать папу римского, поскольку, по словам Бюри, «было неразумно предполагать, что король варваров испугался бы громов и молний, которые метала церковь». Тем не менее именно Лев возглавил посольство. Его сопровождал экс-префект Тригеций, который уже имел опыт дипломатических столкновений с вождем варваров: в 435 году он передал значительную территорию Африки вандалам. Третим членом этого «благороднейшего из посольств» был Авин, экс-консул, очень богатый человек, чья энергия, направленная на соблюдение интересов ближайших родственников, вызывала неблагосклонную критику современников. Он всегда был готов высказать свое мнение, но те, кто его знал, считали, что его мнение, как правило, ничего не стоило.

Аттила заключил мир с римским посольством. Вот что написал по этому поводу Проспер Тиро: «…и сильные разрушения ряда провинций, сопровождавшиеся жестокостью и алчностью врага, оставляли только одну надежду на то, что власть, сенат и римский народ ничего лучшего не найдут, как просить через посольство о мире.

Эта задача была возложена на экс-консула Авина и экс-префекта Тригеция и блаженного папу Льва, возлагавшего все надежды на Бога. Все посольство было принято с уважением, король (Аттила. — Ред.) был особенно доволен присутствием высшего главы церкви и отказался от дальнейшего ведения войны, обещая соблюдать мир и вернуться обратно по ту сторону Дуная». Тиро искренне верил, что эти трое заставили Аттилу покинуть Италию. Однако из другого источника, тоже современника тех событий, нам стали известны настоящие причины, заставившие гуннов покинуть Италию. Мы уже говорили о том, что в 451 году, когда Аэций отправился в Галлию, на Апеннинском полуострове свирепствовал голод. В 452 году положение не только не улучшилось, а еще более ухудшилось из-за нашествия гуннов. Северная Италия стала для гуннов, как примерно полвека назад для вестготов Аларика, «regio lunesta Getis» («страной смерти готов»), страной, где свирепствовали голод и эпидемии. Аттила не захотел подвергать опасности жизнь своих людей. Гунны не имели шансов на успех; они понесли серьезные потери на Каталаунских полях и продолжали терять людей, но уже по другой причине. Если бы гунны задержались в Италии, они скоро оказались бы в отчаянном положении — уже появились сообщения о первых случаях заболевания чумой. Было безумием в этих обстоятельствах переходить Апеннины, даже в том случае, если бы на дунайской границе сохранялись мир и спокойствие. Маркиан предвидел такую возможность. После оскорбления, нанесенного его послу Аполлонию, он, вероятно, ждал, что ему представится возможность расправиться с Аттилой, и теперь она представилась. К северу от Дуная страдали от безжалостного гнета германские (и другие — иранские и славянские. — Ред.) племена, но цвет гуннской армии, уцелевший на Каталаунских полях, был в 452 году далеко (в Италии). В этих условиях войска Восточной Римской империи переправились через Дунай под командованием человека, который, по интересному совпадению, носил имя Аэций. Он принимал участие в прошлогоднем соборе в Халкидоне и за заслуги в 452 году был назначен консулом на 454 год. Маркиан послал войска под его командованием за Дунай, для нанесения удара в спину Аттиле. Под давлением армий Восточной и Западной Римской империй Аттила был вынужден покинуть Италию; у него не было сил вести войну на два фронта. Гуннская империя содрогнулась до основания [Томпсон 2016, 20-45].

The Hunnic empire reached its apex under the leadership of Attila (444-453). In 451, however, Attila was defeated in the "Catalaunian fields" in Gaul by the united forces of the Romans and the Visigoths. His sudden death two years later was followed by an internal power struggle among his sons during which the empire's subjugated peoples - mainly the Germanic Gepidae, Ostrogoths, and Heruli-revolted successfully. A great battle fought in 455 on the still unidentified Pannonian river Nadao put an end to the Hunnic empire's unity and greatness [Pritsak 2011, 428-429].

The proto-Bulgarians appeared at the European political scene lead by khan Atila, whose social-economic interest aimed to assure territories for his Nomad state, i. e. he wished to penetrate into the possessions of the Roman Empire. The Empire itself understood that its military power is not enough for counteracting at this stage and it agreed of own accord to seed

the territories northwards of Danube and Reign rivers. But the interests of Atila were not content just with this attainment and he begun habitually to cross this boundary line, and thus, he caused the battle in 451, when the vassal tribes of Vestgotes, Franks, Burgunds and Roman legions lead by Aecius encountered with the Atila's troop-horse Armada. The sources reported generally 165 000 casualties.

The character of the battle was changeable. The infantry legions of Rome and its allies came against the advance guard of the "Father" Atila. The role of the Bulgarian cavalry (the so-called "slingers" or Hussars) was very important at that moment. The "slingers" outflanked the Vestgotes and killed their tsar Theodorich, and thus, they averted the participation of the Vestgotes into the battle. These are, in general, the known facts from the sources about the first encounter of the Bulgarians with the Roman legions. The cavalry as a new element, more perfect than the infantry, started to be introduced in the Byzantine army (known by Pseudo-Mauricius) as well as by the allies of the Empire and of the Franks realm. The Bulgarian cavalry was a very important element which solved the political problems of the old Europe. It had been maintained as a main element and a mainspring until the first half of the 20th century, when it was replaced by the armoured troops. The armies with strong cavalries had been always winners. The Bulgarian military man coming in Europe on the horse back with stirrups had imposed his way of fighting [Marichkov 2010, 1].

Место и день битвы, которая многими историками считается одной из величайших в истории Европы, точно не известны. Согласно предположению историка Бьюри, она могла произойти в 20-х числах июня 451 года[16], что в целом принимается последующими историками.

Место битвы указывается у Иордана (единственный источник, описавший сражение) и Идация (современник сражения) как Каталаунские поля (in campis Catalaunicis). Однако размер этой равнины у Иордана исчисляется более чем 150 тысячами шагов, то есть под название Каталаунские поля попадает вся современная французская провинция Шампань. Другие источники позволяют более точно локализовать битву к северу от города Труа в провинции Шампань в местечке Maurica[17], однако местонахождение Maurica определяется лишь предположительно без консенсуса между историками[18].

По описанию Иордана, который пересказывал Приска, великое по количеству войск и жертвам сражение происходило крайне сумбурно и без особой подготовки[19]. Сначала ночью, вероятно, во встречном марше, столкнулись франки (сторона римлян) с гепидами (сторона гуннов), перебив в бою 15 тыс. человек с обеих сторон. На следующий день выяснилась диспозиция сил — римлян и гуннов разделял высокий холм, который первыми успели занять римско-готские войска. У них с левого фланга находились войска Аэция, на правом располагались вестготы Теодориха. В центр союзники поставили ненадёжного короля аланов Сангибарна. У гуннов Аттила с лучшими войсками занимал центр, остготы находились на его левом фланге.

Аттила долго колебался, прежде чем атаковать противника. Иордан объясняет это двумя причинами. По первой, гадатели Аттилы предсказали беду гуннам. По второй, более рациональной, причине, Аттила начал битву поздно, в 9-м часу дня по римскому времени[20] (то есть примерно в 3-м часу дня), чтобы, «если дело его обернётся плохо,

наступающая ночь выручит его». Гунны безуспешно атаковали верхушку холма, откуда их сбросили отряды Аэция и Торисмунда, старшего сына Теодориха.

Аттила обратился к гуннам с речью, которая заканчивалась словами: «Кто может пребывать в покое, если Аттила сражается, тот уже похоронен!», и повёл войска в наступление. Произошла грандиозная беспорядочная резня, результаты которой Иордан образно передал в таком виде: «Битва лютая, переменная, зверская, упорная […] Если верить старикам, то ручей на упомянутом поле, протекавший в низких берегах, сильно разлился от крови из ран убитых; увеличенный не ливнями, как бывало обычно, но взволновавшийся от необыкновенной жидкости, он от переполнения кровью превратился в целый поток»[21].

В ночной свалке затоптали упавшего с коня престарелого короля вестготов Теодориха[22]. Не заметив потери своего короля, вестготы отбросили гуннов в их лагерь, защищённый по периметру повозками. Бой постепенно затух с наступлением ночи. Сын Теодориха Торисмунд, возвращаясь в свой лагерь, в темноте наткнулся на повозки гуннов и в завязавшейся схватке был ранен в голову, но спасён своей дружиной. Аэций, войска которого разошлись с союзниками, в темноте также с трудом нашёл дорогу в свой лагерь.

Только утром стороны увидели результаты вечерней бойни. Погиб родственник Аттилы Лаударих[23]. О тяжёлых потерях Аттилы свидетельствовало его нежелание выдвигаться за пределы укреплённого лагеря. Тем не менее гунны беспрестанно стреляли из-за ограды, внутри их лагеря раздавались звуки труб и прочая активность. На совете у Аэция было решено осадить лагерь противника, взяв Аттилу измором.

Вскоре после этого обнаружили тело Теодориха, и ситуация резко поменялась. Аэций посоветовал избранному войском новому королю вестготовТорисмунду поспешить в Тулузу, чтобы утвердить свою власть от оставшихся там братьев. По словам Иордана, Аэций счёл более выгодным сохранить (разгромленных, по его мнению) гуннов в качестве противовеса усилившимся вестготам. Вестготы покинули поле битвы, а спустя некоторое время беспрепятственно удалились и гунны. Источники не проясняют, как разошлись в Галлии противоборствующие стороны. Современник сражения Проспер, наблюдавший за событиями из Рима, записал в своей хронике нерешительный итог сражения: «Хотя в этом столкновении никто из [соперников] не уступил, произошли не поддающиеся подсчёту истребления погибавших и с той и с другой стороны, однако гуннов сочли побеждёнными потому, что те, кто выжил, потеряв надежду на [успех в] сражении, вернулись восвояси»[24].

Как бы ни рассматривался итог сражения, оно стало крупнейшим в Западной Европе в V веке по количеству участников и одним из самых кровопролитных. Вскоре после битвы появились легенды, одну из которых примерно 50 лет спустя передал греческий философ Дамаский: «Во времена Валентиниана, который сменил Гонория, Аттила под Римом дал сражение римлянам. Никто не избежал массового убийства с обеих сторон, кроме военачальников и некоторых из числа их телохранителей. Когда тела погибших упали, их души продолжили сражаться в течение 3 дней и 3 ночей. Мёртвые бились с не

меньшим ожесточением и мужеством, чем когда они были живые. Видели призраки воинов и слышали громкое клацанье от их оружия»[25].

По сведениям Иордана, в битве пало 165 тысяч воинов с обеих сторон, не считая погибших в предыдущую ночь 15 тыс. франков и гепидов. Идаций сообщил даже о 300 тысячах убитых[26]. *Аттила не был разгромлен, но вынужден был покинуть Галлию.*

Обогнув Альпы, он атаковал в следующем 452 году Северную Италию со стороны Паннонии. Был взят штурмом и разгромлен крупнейший город на Адриатическом побережье Аквилея, пали другие города, захвачен Милан. Только эпидемия среди гуннов, а также выдвижение войск Византии в дальние тылы гуннов за Дунай, заставили Аттилу покинуть Италию.

В 453 году Аттила ещё раз вступил в сражение с аланами и вестготами на Луаре[27], *но снова был вынужден отступить и в том же году скончался.*

Нашествие Аттилы в Галлию в 451 году и его встреча с папой римским Львом в 452 году оставили богатый след в католической житийной литературе. В средневековых сочинениях Аттилу стали называть Бич Божий (flagellum dei), отражая латинскую церковную традицию рассматривать вождя гуннов как наказание за грехи. Уже Григорий Турский (VI век) писал о словах апостола епископу Аравацию: «Господь твёрдо решил, что гунны должны прийти в Галлию и, подобно великой буре, опустошить её». В начале VII веке Исидор сформулировал устоявшиеся воззрения: «Они были гневом Господним. Так часто, как его возмущение вырастает против верующих, он наказывает их Гуннами, чтобы, очистившись в страданиях, верующие отвергли соблазны мира и его грехи и вошли в небесное королевство»[28].

В средневековых сочинениях битва на Каталаунских полях представлялась как символ победы цивилизованного мира над разрушительным варварством [Битва на Каталаунских полях 2015, 1-9].

В 451 г. Сангибан получил приказ из Рима защищать Галлию от вторжения гуннов Атиллы. Гунны осадили Орлеан, где находилась резиденция Сангибана, после многих дней ожесточенной битвы город оказался на грани падения. Готский историк Иордан, живший и творивший в середине VI в., утверждает, что верность Сангибана Риму была сомнительной и что он намеревался сдать Орлеан гуннам без боя. Далее Иордан говорит, что только своевременный приход римлян и вестготов во главе с Аэцием спас Орлеан. Другие источники свидетельствуют, что Орлеан был подвергнут кровавой осаде и храбро защищался от стремительных атак гуннов и их союзников. Сидоний Апполинарий, галло-римлянин, живший во время этих событий и не испытавший особой любви ни к вестготам, ни к аланам, утверждает, что именно благодаря нерешительности вестготов Аттиле удалось осадить Орлеан. По-видимому, проготски настроенный Иордан изображает вестготов героями в ущерб аланам, которых он не любил.

За исключением явно предвзятого отчета Иордана, источники утверждают, что город подвергался кровавой осаде и что не было причин подозревать Сангибана в вероломстве. Не следует, однако, исключать вероятность того, что в условиях долгой

осады, когда оборонять город стало тяжело из-за нежелания вестготов воевать с гуннами, аланский военачальник намеревался или даже обсуждал со своими советниками возможность капитуляции.

Однако римляне и вестготы прибыли в Орлеан вовремя и, отбросив гуннов, при поддержке аланского гарнизона преследовали Аттилу до Шалона. В знаменитой шалонской битве Западная Европа была спасена от гуннской угрозы, и именно аланы сыграли выдающуюся роль в этой битве. Войско Сангибана занимало центр в расположении союзников, причем римляне находились справа, а готы слева. Аттила находился в центре гуннского расположения со своими отборными частями. Римляне на правом фланге отбивали атаки неприятеля, в то время как аланы в центре стойко отражали натиск Аттилы. Во время одной из неудачных атак гуннов готы, согласно Иордану, напали с левого фланга и разбили противника, обратив его в бегство.

Стойкие и эффективные действия алан Сангибана перед лицом наиболее грозных сил Аттилы свидетельствуют, однако, что утверждение Иордана о том, что Аэций поместил алан в центре строя для того, чтобы они не могли сбежать во время битвы — это не более чем выражение предвзятого отношения Иордана к аланам.

В последующие годы, согласно Иордану, аланы, гунны и вестготы еще раз встретились в сражении. Он пишет, что Аттила после ряда небольших успехов в Италии начал угрожать императору Марциану за то, что тот отказался платить дань, обещанную его предшественником Феодосием II. Пока римляне готовились отразить нападение гуннов на востоке, Аттила повернул на запад в Галлию в надежде разбить алан, живших в северной Аквитании. Согласно Иордану, в случае успеха Аттилы вся оборонительная система в этой части Галлии подвергалась опасности, так что угроза нависала над вестготами. Не следует недооценивать замечания Иордана о том, что аланы были «ключом» римской обороны Аквитании. Как бы там ни было, он сообщает, что вестготский корольТориэмунд узнал о планах Аттилы и повел свои войска на север к аланским поселениям на левом берегу Луары, Иордан утверждает, что в состоявшейся битве, подобной Шалонской, Торизмунд разрушил надежды Аттилы на победу, обратив его в бегство. После этого Иордан превозносит вестготов: «Итак, — пишет он, — пока знаменитый Аттила, бог многих побед, пытался вычеркнуть из памяти славу своих завоевателей (вестготов) и заставлял себя забыть таким образом поражение, нанесенное гуннам (в Шалоне) руками вестготов, ему было снова нанесено поражение и он бесславно отступил». Иордан продолжает эту хвалебную песнь очень любопытным предложением; «Торизмунд, выгнав гуннское войско с помощью алан, оставил Тулузу, не потеряв ни одного из своих людей».

Этот отчет Иордана хотя и имел целью прославление Торизмунда и вестготов, обнаруживает при внимательном прочтении нечто иное, ибо становится совершенно ясно, что аланы были непосредственным объектом атаки гуннов и что аланы разогнали гуннов без помощи вестготов, поскольку никто из воинов Торизмунда не пал в бою. Иордан, надо полагать, раздул до эпических размеров фактические обстоятельства алано-гуннской встречи, украсив их похвалой в адрес вестготов и короля Торизмунда.

Маловероятно, Однако, что именно сам Аттила вторгся на север Аквитании в 452-453 гг., однако возможно, что его войско осталось в Галлии после битвы в Шалоне в 451 г. и было разбито там же аланами в следующем году [Бахрах 2006, 37-38].

В действителност, в съвременната чуждестранна тюркология и медиевистика, а така също и в българската и унгарската медиевистика, е много добре и широко известно, че сабирите или както се срещат обикновено в гръцките извори – Σάβειροι (ГрИзв-2), Σάβιροι (Gy. Moravcsik), които в най-ново време и в науката, не само са "предпочитаният обект на ловците на имена"(J. Maenchen-Helfen), но и в далечното минало са непосредствените предци на съвременните чуваши, а и тези сабири преминават в Източна Европа не по северен, а по южен път, "отдолу" на Каспийско море, и известно време арменските, латинските и византийските извори и в частност М. Каланкатуаци, Приск (410-472), Йорданес (сред. на VI в.), Прокопий (†562), Агатий (536-582), Менандър (VI в.) под 534 г., и Теофилакт Симоката, живял по времето на имп. Ираклий (610-641) и др., ги съобщават като разположени най-вече в по-малък брой в Панония и главно по и около Кубан и Кавказ, където според Агатий, те са "голямо и многочислено племе, извънредно войнолюбиво и грабливо", а според Захарий Ритор (V-VI), наред с народите бургар, алан, куртаргар, авар, хазар, сирургур, ефталит и др., са един от тринадесетте народа, които "живеят в палатки, препитават се с месо на животни и риби, с диви зверове и чрез оръжието" и където между впрочем е и, разбира се, далеко по-късният град Сувар, името на който, най-вероятно е образувано на основата на техния етноним, а така също и по северо-западното крайбрежие на Каспийско море (D. Dimitrov), още и в "степната област между Дон и Днепър" (Д. Шимони), където имат "огромна държава" и дори и "империя" (?) на име "Савир или Сувар, т.е. Сабир" (П. Юхас), но в действителност сабирите са начело и водещото племе в рамките на често срещаната по онова време военно-племенна конфедерация от 466-558 г., която е втората след тази на оногурите (Ю. Джафаров); заедно с барсилите, те образуват страната наречена от арабските писатели Беленджер, но по-вероятно това име се дължи на погрешно разчитане и препис, поради което тази страна трябва да е Болгар (М. Артамонов); те са сред "хуните", които през 589 г., когато оногурите на Алп-Илитвер приемат масово християнството, биват покръстени от арменския епископ Кардуст и към края на VI в., наред с барсилите, българите, оногурите и хазарите, са основен и най-многочислен народ по тези земи; вземат най-близко участие не само във външнополитическия, но и във вътрешнополитическия живот на Византия, играят доста важна и активна международно-политическа роля, включително и като прогонват през 463 г. от "прародината им към Източна Европа", сарагурите, огурите и оногурите, които се изтеглят на запад и югозапад (П. Юхас); според стара хроника, водена от 444 до 567 г., сабирите, тук наречени ugni, нападат Анатолия през 515 г. (D. Németh); могат да екипират до 20 хил. добре въоръжени конници и често предоставят на византийските императори многочислени военни контингенти, като същевременно изумяват специално Прокопий с това, че измислят лекия закрит таран за обсада на крепости и живеят на хълмове, обградени със стена, но въпреки всичко са победени от

аварите през 558 г. и изглежда именно на това се дължи и присъствието на част от тях в Панония, като най-после и със статута на изключително рядък случай, който обаче заслужава много повече от специално внимание, следва да се отбележи още и това, че само при Йорданес сабирите – Sabiri, са едно и също племе с оногурите – Hunuguri (J. Maenchen-Helfen) [Добрев 2005, 227-228].

Так как персов с Мермероем пришла сюда большая толпа, они сделали большую надстройку к прежнему сооружению и вывели каким образом очень высокое укрепление. Когда римляне увидали, что покачнувшаяся стена вновь стоит, они пришли в полное недоумение и не знали, что им делать. Вести дальше подкоп они уже не могли, так как их ров наткнулся на это препятствие, (По другому чтению: «засыпан землею».), а тараном они никак не могли пользоваться, так как им приходилось сражаться у стен на крутом склоне, а эту машину можно было подтащить к стенам по месту ровному и совершенно гладкому.

Случайно в этом войске римлян было несколько варваров из племени сабиров; находились они здесь по следующей причине. Сабиры являются гуннским племенем; живут они около Кавказских гор. Племя это очень многочисленное, разделенное, как полагается, на много самостоятельных колен. Их начальники издревле вели дружбу одни с римским императором, другие с персидским царем. Из этих властителей каждый обычно посылал своим союзникам известную сумму золота, но не каждой год, а по мере надобности. Так вот и тогда император Юстиниан, призывая своих сторонников из сабиров на войну и прося прислать союзные отряды, отправил к ним некоего человека с деньгами. В виду того, что враждебные им племена занимали все пространство между ними и римлянами и идти в Кавказские горы особенно с деньгами представлялось далеко не безопасным, этот человек, прибыв к Бесу в римский лагерь, где они находились, осаждая Петру, послал к сабирам людей с извещением, что бы они возможно скорее прибыли к нему за получкой денег. Варвары, выбрав троих из своих начальников, с небольшим отрядом отправили их в область лазов. Прибыв туда, они вместе с римлянами приняли участие в этом нападении на стены Петры. Когда они увидали, что римляне при сложившихся обстоятельствах не знают, что делать, и попали в безвыходное положение, они придумали такое приспособление (машину) какое ни римлянам, ни персам, никому от сотворения мира не приходило в голову, хотя и в том и в другом государстве было всегда, да и теперь есть, большое количество инженеров. Часто в течение все времени и те и другие пользовались таким сооружением для разрушения стен в местностях, неровных и трудно доступных, но никому из них не пришла такая мысль, которая явилась тогда у этих варваров. С ходом времени у людей появляются новые мысли и новые изобретения для их предприятий. И в данное время сабиры придумали соорудить таран, но не так, как он обычно сооружается, а введя в него новшества следующего рода. На эту машину они не положили ни прямых, ни поперечных бревен, но, сплетя толстые ветки, всюду приделали их вместо бревен; прикрыв машину шкурами, они сохранили форму тарана, подвесив на свободно двигающихся веревках посередине, как обыкновенно, одно только бревно, заостренное и

покрытое железом, как острие стрелы, чтобы часто бить им в стены укрепления. И настолько легким сделали они это сооружение, что не было никакой нужды в людях, находящихся внутри, его, чтобы тащить или толкать его, но человек сорок, которые должны были, поднимая кверху, раскачивать бревно, и бить им в стену, находясь внутри этой машиной, прикрытые кожами, могли без всякого труда нести этот таран на плечах. Варвары сделали три таких машины, взяв бревна с железом из тех таранов, которые римляне приготовили и не могли придвинут к стене. Теперь же, человек сорок римских воинов, выбранных из самых храбых, войдя во внутрь каждой из этих машин, без труда поставили эти орудия рядом со стеной. По ту и другую сторону каждой машины стояли другие воины, в панцирях, прикрыв головы со всей тщательностью шлемами, держа в руках шесты, концы которых были снабжены железными крючьями. Это было сделано с той целью, чтобы, когда удары тарана в стену расшатают ряды камней, можно было растаскивать этими шестами рассыпающиеся камни и откидывав их. Римляне принялись за дело и стена уже стала качаться от частых ударов. Те, которые стояли по обеим сторонам машины, своими шестами с крючьями вытаскивали из кладки сооружения те камни, которые уже расседались, и откидывали их. Казалось, что город вот-вот будет взят. Но персы придумали следующее. Деревянную башню, которая давно у них была сделана, они оставили над стенами и наполнили ее самыми воинственными из своих воинов, одев их в панцири и покрыв голов, и остальное тело кожаным оружием с набитыми железными гвоздями. Наполнив сосуды серой, асфальтом и другим снадобием, которое мидяне называют «навфа»-нефть, а эллины – «маслом Медеи», поджегши их, они стали брасать на эти машины с таранами. Они чуть было все не сгорели. Но те, которые, как я сказал, стояли рядом с этими машинами, своими шестами (о них я только что упоминал), непрерывно подхватывая сосуды, бросаемые со всех сторон, и очищая от них крышу машин, тотчас же сбрасывали их на землю. Они начинали уже думать, что не смогут долго выдержать такую работу, так как огонь, чего только ни касался, тотчас же все сжигал, если его немедленно не сбрасывали.

***14**. Археополь лежит на очень обрывистом холме; мимо этого города течет река, сбегающая с гор, которые нависают над городом. Нижние ворота его, дорога из которых ведет вниз по склону к подножию холма, не являются вполне недоступными, но дорога, ведущая к ним с равнины, на подъеме является неровной. Верхние же ворота, выходящие на обрыв, являются совершенно недоступными. Местность перед этими воротами покрыта густой зарослью, которая простирается на большое пространство. Так как живущим в этом городе неоткуда получать воду, кроме как из реки, то те, которые основали здесь город, провели две стены до самой реки, чтобы им было возможно безопасно отсюда черпать воду. Мермероес именно тут и решил всеми силами штурмовать стену и упорно проводил следующим образом намеченный им план. Прежде всего он велел сабирам делать много стенобитных машин, которые можно было бы людям носить на плечах; обычные машины он никоим образом не мог пододвинуть к укреплениям Археополя, так как они были расположены на подъеме горы. Он слыхал,*

*какие машины были сделаны союзными с римлянами сабирами около стены Петры немного раньше, и, подражая тому, что ими было там изобретено, он из этого опыта хотел извлечь для себя пользу. Они стали делать то, что он им приказал, и скоро сделали много стенобитных орудии, таких же, какие сделали для римлян недавно, как я рассказывал, союзные с ними сабиры. Затем к той части города, которая стоит на отвесных скалах, он послал так называемых доломитов [5], поручив им всеми силами стараться беспокоить находящихся на этой стороне неприятелей. Эти доломиты-варвары, живущие среди персов, никогда не были подданными персидского царя. Поселившись в горах, отвесных и совершенно недоступных, с древних времен вплоть до наших дней они оставались независимыми; и только соблазненные платой, они пошли с персами, когда те отправились в поход против своих врагов. Все они пехотинцы, у каждого меч и щит, и в руках три дротика.**[59]*

Они умеют очень хорошо и быстро лазить по стремнинам и по вершинам гор, как будто они бегают по гладкой равнине. Поэтому Мермероес поручил им штурмовать стены в этом месте, сам же он со всем остальным войском, со стенобитными орудиями и со слонами двинулся к нижним ворота города. И вот персы и сабиры, пуская в стоящих на стенах тучу стрел и копий, которыми они, можно сказать, закрыли здесь небо, почти добились того, что под их напором римляне готовы были оставить верх укреплений. Со своей стороны и доломиты, бросая свои дротики со скал, находившихся вне укреплении, еще в большой степени, чем первые, причиняли врагам затруднения. Со всех сторон дела римлян были плохи, везде грозили им опасности и они испытывали самые тяжелые бедствия [Прокопий-а, 22-31, вж. и срв. Roux 2016, 70-73].

Именно поради всичко това българският хан Атила винаги е вълнувал и ще продължи да вълнува ума и сърцата на мало и голямо чак, докато свят светува, включително и с това къде той е погребан и дали най-после не е намерен и неговият гроб (Discovery). За него и занапред все така ще се носят предания и легенди, пеят песни, пишат поеми и романи, рисуват фрески и картини, снимат филми и поставят опери и то с най-добрите за времето си артисти и оперни певци; бащите ще кръщават децата си на негово име с тайната надежда, че и те ще станат като него; въпреки че единствено ние българите сме неговите най-преки потомци, което между впрочем се знае много добре още от времетото на цар Симеон Велики (Ив. Добрев), то народите от Тихия океан до Атлантика ще му издигат паметници и ще се надпреварват да „доказват", че именно те са неговите потомци (А. Бекбалаев); банките им ще пускат заемащи първото място в световните класации юбилейни монети с неговия лик, подобна на поместената малко по-долу, а заводите им ще произвеждат какво ли не, все под, със и в негово име:

Но Аттила не просто варвар. Это человек гигантских амбиций и огромных талантов. Возглавив армию конных гуннов, сопровождаемую воинскими контингентами дюжины союзных племен и колоннами осадных машин, он стал

Чингисханом Европы. Опираясь на свою базу, находившуюся на территории современной Венгрии, он создал империю, простиравшуюся от Балтийского моря до Балкан и от Рейна до Черного моря.

Аттила был одним из самых уникальных исторических персонажей… Никто не мог сравниться с ним вплоть до возвышения выдающегося стратега и строителя великой империи Чингисхана, спустя 750 лет.

Вклад Аттилы в европейскую историю связан с двумя её процессами – великим переселением народов и упадком и гибелью Западной Римской империи… хотя гунны не смогли взять ни Константинополь, ни Вечный город, но, благодаря их блестящим победам, имя Аттилы надолго пережило его самого и живёт доныне… Аттила, как нельзя лучше, пришёлся к месту и ко времени, сыграв одновременно несколько ролей: движущей силы исторических перемен, покорившего значительную часть Европы воителя, разрушителя, бича Божия для грешных христиан, а для некоторых ещё и героя.

Аттила до сих пор ассоциируется… с особым типом личности. Его влияние следует искать не в практических достижениях, а в том полете воображения, который вызывает имя Аттила. Он разорвал узы исторического факта и вошел в легенду [Мэн 2007, 7-13,292].

Атила слуша песните за себе си

(Худ. Mór Than (1870) по мемуарам Приска)

Когато започна да се смрачава, бяха запалени факли и двама варвари излязоха напред, и запяха песни, написани от тях, прославящи неговите победи и големите му военни подвизи. И пируващите ги гледаха, и някои се радваха на песните, други се вълнуваха, спомняйки си войните, но трети избухваха в сълзи – тези, чиито тела бяха отслабени от времето и чийто дух беше в принудителен отдих.

Two days ago an announcement was made that construction workers building the foundations of a new bridge over the Danube River in Budapest, Hungary, had ***uncovered an ancient burial chamber*** *with researchers claiming that it belonged to the infamous Attila the Hun, one of the most feared enemies of the Western and Eastern Roman Empires in the 5th century AD. Word of the disovery quickly spread around the internet, however, it now appears that the story was nothing more than a hoax.*

The so-called burial chamber, which historian Albrecht Rümschtein from the Lorand Eötvös University in Budapest described as "absolutely incredible", was said to contain human remains, many horse skeletons, a large sword made of meteoric iron, pottery, jewellery, and other weapons and grave goods traditionally associated with the Huns, all pointing to the tomb being the resting place of a great Hunnic leader.

The historian was reported as saying, "This definitely seems to be the resting place of the almighty Attila, but further analysis needs to be done to confirm it." However, it appears that there is no Albrecht Rümschtein from the Lorand Eötvös University and the whole account was a dismal attempt to gain publicity. Evidence comes from the image the originating source published. Far from being the remains of Attila, this ***mummy originates from the Ming Dynasty in China****.*

The Huns were a group of Eurasian nomads, appearing from east of the Volga, who migrated into Europe around 370 AD and built up an enormous empire there. They were highly skilled at mounted archery, as depicted in the featured image. It is suggested that they were the descendants of the Xiongnu, who had been northern neighbours of China three hundred years before. Attila was ruler of the Huns (434 – 453 AD) and leader of the Hunnic Empire, which stretched from the Ural River to the Rhine River and from the Danube River to the Baltic Sea.

Attila led many military raids on both the Eastern and Western Roman Empires provoking what has become known as the Barbarian Invasions, a large movement of Germanic populations that greatly accelerated the fall of Rome. He is considered by most Hungarians as the founder of the country.

According to ancient records, Attila died in his palace across the Danube after a feast celebrating his marriage to a beautiful young gothic princess named Ildico. Legend says that his men diverted a section of a river, buried the coffin under the riverbed, and were then killed to keep the exact location a secret.

It would have been a fantastic finding if Attila the Hun really had been found. The discovery of his funerary site could bring many clarifications concerning the origins and identity of the Hunnic people and of Attila himself, which have both been sources of debate for centuries. Sadly, the originating website have used this desire for knowledge to mislead and misinform people [Discovery 2015].

АЛМАТЫ, 4 фев - ИА Новости-Казахстан. Памятная серебряная монета Национального банка Казахстана «Аттила» удостоена награды «Лучшая монета года» в номинации «Лучшая монета по исторической теме» на международной выставке в Берлине World Money Fair, сообщила пресс-служба Нацбанка Казахстана. Согласно распространенному пресс-релизу, итоги конкурса, проводимого Krause Publications, были

подведены в Берлине 29 января. В рамках конкурса в нескольких номинациях определялись лучшие монеты года, отчеканенные монетными дворами или выпущенные государственными органами-эмитентами.

Ръкохватката на сабята на Атила

Конкурсная комиссия в составе представителей монетных дворов, центральных банков, музеев, нумизматических организаций, журналистов и частных экспертов из 17 стран мира самостоятельно отбирает коллекционные и памятные монеты, выпущенные на момент проведения конкурса. Оценка монет основывалась на оценке привлекательности дизайна, художественного исполнения и качества чеканки. Как сообщалось, в июне 2010 года монета «Аттила» была награждена дипломом в номинации «Монета года» на конкурсе «Монетное созвездие» в Санкт-Петербурге.

Коллекционная монета «Аттила» из серии «Великие полководцы» номиналом 100 тенге выпущена в обращение 2 октября 2009 года. На лицевой стороне (аверсе) монеты «Аттила» изображен скачущий на коне воин, в центральной части оборотной стороны (реверса) расположено позолоченное изображение старинного медальона с изображением Аттилы. В нижнем секторе изображены три скачущих на коне воина, в верхнем секторе по окружности расположена надпись «ATTILA THE HUN» на английском языке и числа «406-453» обозначающие годы жизни полководца. Монета изготовлена из серебра

925 пробы, ее масса составляет 31,1 грамма, диаметр – 38,61 мм, качество изготовления – «proof». Максимальный тираж - 13 тысяч штук, из которых три тысячи штук предназначены для внутреннего рынка Казахстана [Преса].

Вехтозаветната линия на Българското Християнство се проявява и наблюдава също така и на нивото на национално-политическата идеология или доктрина, водещо-централна фигура и фактор в която е цар Симеон. В рамките на тази доктрина и като контрапункт очевидно на всичко онова, което мислят, казват и вършат срещу него, народа и държавата му ромеите, поставяйки в сборника си Именника на Българските Ханове непосредствено след Книга на Царствата, Симеон извежда династията на българските царе през великия Атила/Авитохол към юдейските царе и вижда България като продължител на Юдейското Царство, а Преслав – като приемник на Йерусалим; самият той се смята за приемник на Мойсей, защото и неговото дело и мисия на Този Свят са подобни на тези на Мойсей; както Мойсей, и Симеон е получил предсказания от Бога и е видял Божията Слава, която му повелява да прави всичко това, което той прави; Симеон стои начело на един богоизбран и предвождан от самия Господ-Бог народ, когото той трябва да изведе на Обетованата Земя; съгласно внушената му от Бога мисия именно Симеон е избавителят и на ромейския народ от Злото, в името на което обаче преди това той трябва да го завладее този народ:

Разсърден от суровите изрази на Роман, Симеон, който далеч не е искал да се откаже от Цариград, в порива на гнева си изпратил до патриарха писмо, в което той се изразявал по адрес на Роман крайно рязко и оскърбително. В това писмо Симеон явно показал, че суровостта не достигнала целта си: напротив, като считал Роман за похитител на императорския престол, той уподобявал себе си на "великия Мойсей", който по внушение и послание божие идвал да избави империята от похитителя; при това той представял работата като почната от прадедите му, а той "след подвизите на праотците и отците се ползувал от трудовете им" [Златарски 2009а, 288-289].

Същевременно Симеон не пропуска случая за пореден път да размаха пръст на ромеите, като им припомня, че българите всъщност са потомци на войнствените хуни, съкрушили великата Римска Империя. Това показва също така, че Симеон е чел много внимателно не само Прискус, но и Йорданес и то в оригинал, съответно на гръцки и латински:

На лист 200б на Троянската повест се чете: **Сии ахилеѹсъ имыи воѧ своѧ нарицахѵсѧ тогда мѹръмидонесь нынѣ ѹнноу;** *възвеличаваща унну, която глоса явно е била записана по внушение на войнствения български цар. Подобна претенция за хунски произход е вложена и в Именника на българските ханове, започващ родословието им от Атила и Ернах (П. Димитров)* [Добрев 2011, 697-698].

Итак, чем интересны для нас германские мифы, сказания, легенды и предания из раннего средневековья, – так это, во-первых, тем, что гунны и их король Аттила (Этцель) выступают всегда в роли победителей и верховных арбитров, совершающих деяния праведные или же неправедные, но всегда при этом вершащие судьбы германских народов, и, во-вторых, тем, что пришедшие из глубин Азии народ гуннов и их король

Аттила, как исторически действовавшие и имевшие реальное существование племена и люди, вошли в коллективном германском сознании вследствие своих героических деяний (а это уже другое дело, правых или, якобы, неправых) в их устные легенды и предания, однако записанные на бумагу или пергамент несколько позднее, в IX-XII вв.

А, в-третьих, сюда следует присовокупить ареол распространения германских легенд и мифов – это не только территория Германии, где в основном расселились пришедшие с гуннами остготы или же бежавшие от гуннов вестготы, но и протяженые пространства Скандинавии, а также и самая отдаленная от материка – около 2 000 км – островная страна Исландия, где, кстати, в древне-исландской легенде «Песнь об Атли» (заметим, что имя гуннов Аттилы здесь не подвергалось II-ому перебою согласных и не стало 'Этцель', – значит, данная легенда уже имела свое становление именно здесь, в Исландии, вдали от прочих германских языков) предводитель гуннов выступает как последовательный поборник справедливости и праведных традиций, – а в истории германских народов отмечается, что Исландия была заселена переплывшими сюда на кораблях германскими племенами еще в VIII в., видимо, переселенцами были остготские племена.

Не только в древнегерманском устном народном творчестве – в мифах, сказаниях и легендах – остались яркие воспоминания о гуннских пришельцах из Азии и об их удачливом вожде Аттиле (Атли, Этцель). Среди центральноазиатских народов генетическая память об Аттиле сохранилась у кыргызов, – и это никак не должно представляться странным: мол, где Германия, а тем более Исландия, а где Кыргызстан. Еще раз подчеркнем, что, по нашей версии, современные кыргызы – это прямые потомки гуннокыргызов или гуннов, вышедших с большей частью своего народа во II в. в сверхдальний V-вековой военный поход на запад с Алтая (Алты-Тао) и вернувшихся через пять веков в VII в. уже на Ала-тоо (Алты-Тоо).

Вне всякого сомнения, кыргызские санжыра – это достоверные сведения, передаваемые из поколения в поколения в устно-фольклорной форме; они представляют не только родословные знаменитых родоначальников тех или иных кыргызских племен и родов, но и повествуют об историческом пути означенных племен и родов на фоне реальных исторических событий. Конечно, не во всех имеющихся санжыра сказывается о гуннах или гуннокыргызах, ведь для этого надо уходить на 2000 лет и более в древнюю историю кыргызских племен и родов. Но и в тех санжыра, где такой принцип «повествование с издревле» сохраняется, в обязательном порядке рассказывается об Атылакане (Аттила-хане). Так, в санжыра от Сапарбека Закирова имя Атылакана появляется в период междусобиц и безвластия, и этот батыр предназначен судьбой кыргызам для объединения и возвышения среди прочих народов.

Легенды и предания об Аттиле бытуют в устной форме в кыргызской фольклорной традиции. И при этом каждое сказание придерживается своих строго очерченных границ и преследует свою цель, Так, к примеру, «Сказание о мудром хане Аттиле и его храбром полководце Таймасе» ставит себе целью показать пагубность чрезмерного увлечения горячительными напитками:

Жил когда-то мудрый хан Аттила, который повелевал многочисленными народами. Кыргызы, составлявшие основной улус государства, и эти многочисленные народы жили счастливо и мирно под мудростью Аттилы. Только народ западных румов не покорился хану. Снарядил хан Аттила сильное кыргызское войско и послал его на противника, поставив во главе своего любимого соратника Таймаса. Покорились румы кыргызскому воинству и в знак покорности прислали различные роскошные дары, в числе коих были амфоры с румским виноградным вином и красивые девушки. Каждому джигиту досталось по одной красавице. Румы организовали пиры и угощения, на которые они были большие мастера. Джигиты привыкли к беспечной и веселой хмельной жизни в объятиях луноликих и голубоглазых красавиц.

Однажды румы организовали особо богатое пиршество, на котором виноградное вино было особо сладким и хмельным, а красавицы чрезмерно податливыми и любвеобильными. И глубокой ночью, когда джигиты заснули, румы подло напали на них и перебили их бóльшую часть. Лишь меньшая часть джигитов во главе с их военачальником тайком смогла бежать от румов. От позора и обиды видавший виды полководец Таймас не смел появиться самолично пред светлые очи своего прославленного хана.

«И вот грозный хан Аттила вынес решение истребить всех бежавших джигитов тумена за халатность и гибель всего войска. После того как была исполнена воля хана, Аттила выступил с великой речью перед войсками. С великой печалью вышел он перед войском и рассказал о том, как из-за веселящего напитка пропали храбрые джигиты, каждый из которых был равен тысячи воинов. Он предупредил всех о том, что суровая кара постигнет всех тех, кто пригубит этого настоя» [Абдулькеримов А. «Рассказ о мудром хане Аттиле» // «Эркин Тоо», от 03.09.1999, с. 15].

Однако во второй части, в середине күү мелодия сопровождается уже не речитативом, а песней, а именно, траурным плачем, который приписывается гуннокыргызскому богатырю, первому министру Гуннского государства Кара Тёлёку. Аттила умер, по преданиям кыргызов, на Балканах и горестные стенания начинаются с упоминания Балканских гор:

Балкан, Балкан, Балкан тоо,	Элди кайдан табамын,
Балкан того мен чыксам,	Журтту кайдан табамын?
Башында бар айры тоо.	*Балканы, Балканы, Балканские горы,*
Айры того мен чыксам,	*Я взошел на Балканские горы,*
Көлдө жаткан көп өрдөк,	*На вершинах – это зубчатые горы,*
Ылаачын тийсе бөлүнөт.	*Я взошел на зубчатые горы.*
Ылаачындай шумкарым,	*На озере находится стая уток,*
Атылкандан айрылып	*Но ее рассеет ловчий сокол.*
Элди кайдан табамын?	*О ты, наш отважный сокол,*
Эл карааны көрүнбөйт,	*Лишились мы тебя, Аттилахан.*
Тамакты кайдан ичемин?	*Где теперь будет наш народ?*
Кийимди кайдан киемин?	*Не видно людей нигде.*

Как мы найдем пропитание? Когда еще будет такое племя,
Как мы найдем одеяние? Когда еще будет такой народ?

Смерть Аттилы была знаковым событием для Европы V в. Если друзья, союзники и большинство вассалов были в огромной горести и печали, то недруги и враги, конечно же, были в состоянии непередаваемой словами эйфории.

Победная поступь гуннов в течение целого века по Европе, конечно же, вызывала ужас и страх среди их противников, а христианская церковь даже объявила Аттилу, при котором Гуннская империя (каганат) достигла своего наивысшего военно-политического могущества, «Бичом божьим», насланным на христиан за различные их прегрешения.

Разумеется, много нашлось впоследствии потомков, которые объявили гуннов и их всемирно известного предводителя Аттилу своими предками. И все они имели те или иные основания для такого утверждения. Перечислим их.

I. Венгры. Они считают себя потомками гуннов, поскольку ставка, «ордо» (отсюда: ордонанс – указ, изданный в ставке), располагалась в венгерской, паннонийской пуште, хотя «Советский энциклопедический словарь» от 1984 года фиксирует дату появления венгров на их современной территории обитания, несовпадающую с периодом гуннского владычества в Европе III–V вв.: «В конце IX века на территории современной Венгрии поселились племена венгров» [с. 206]. Такое утверждение венгерских ученых мотивировано не только географическим фактором расселения основных гуннских племен в пуште, но и фактором языкового родства – венгерский (мадьярский) язык обладает сходной со всеми тюркскими языками грамматической агглютинативной структурой, фонетичсекой гармонией гласных и некоторым общим лексическим словарным фондом, например: апа – мать, алма – яблоко, ечке – коза, туук – курица, жез – медь и др. [Рона-Таш А. «Алтайский и индоевропейский» // «Вопросы языкознания», 1990, № 1, с. 31–32]. Языковое родство, видимо, можно объяснить тем, что не все гунны ушли после распада Гуннской империи назад в Азию, а некоторая их часть осталась в паннонийских степях, сохранив свое боевое самоназвание «кипчаки». Ведь остались же некоторые потомки гуннов даже во Франции, на местах, прилегающих к полю Каталаунского сражения – самой грандиозной битвы древности, которая вошла в число 100 великих битв человечества [«Сто великих битв», М., 1998, с. 92–96].

Однако слово одному из гуннологов, ориентированному на «венгерский след»: «Итак, легенды уводят нас все дальше и дальше, пока мы не машем рукой и не останавливаемся. К концу XV века Аттила стал предком не только Арпада и Штефана, но и их преемника, величайшего из венгерских правителей Маттиаса Корвина, чьи придворные называли его 'вторым Аттилой' за восстановление могущества Венгрии благодаря жесткому централизованному правлению. Маттиасу очень льстило это сравнение. Его придворный историк, итальянец Антонио Бонфини, изображал Аттилу как истинного римлянина, провозвестника Ренессанса, сочиняя для него торжественные речи по случаю гибели Бледы и битвы на Каталаунских полях» [Мэн Дж. цит. соч., с. 314-315].

II. Монголы. В их пользу высказываются только некоторые русские историки XIX – начала XX века, видимо, по аналогии с монголо-татарским нашествием XIII в. Например: «Нашествием гуннов открывается ряд последовательных азиатских вторжений в Россию и Европу. Монгольская орда гуннов, постепенно продвигаясь с востока к Дону в 375 г., обрушилась на остготов, разгромила готское королевство и увлекла с собой готские племена в движении на запад» [Платонов С.Ф. «Лекции по русской истории», Петроградъ, 1917, с. 61].

III. Тюркские народы. Почти все тюркские народы, во II–III вв. с Алтая распространившиеся на запад в сторону Европы, имеют мифы и предания с главным героическим персонажем Аттилой. Это балкарцы, башкиры, карачаевцы, кумыки, татары, турки, чуваши и др. Те же тюркские народы, которые в обозначенный исторический период переселялись на восток и на север, таких легенд и сказаний не имеют. Это долганы (малочисленная тюркоязычная северная народность таймырского национального округа), фуюйские кыргызы («Уезд Фуюй, где живут кыргызы, расположен к северу от Харбина…» [Бизаков С. «Ветви одного могучего дерева (тюркские народы)», Алматы, 2002, с. 287]), якуты и др. К примеру, якуты первые переселились на нынешние северные земли во II–III вв.: «Якуты первые отделились от всех других тюркских народов… следовательно, якутский язык является древнейшим из всех нынешних тюркских языков» [«Грамматика современного якутского языка», М., 1982, с. 10].

Наличие в устном народном творчестве мифов, легенд и сказаний о гуннах и об их прославленном вожде Аттиле свидетельствуют о том, что предки и родоначальники этого народа участвовали в европейском гуннском походе, в то время как отсутствие таких преданий говорит об обратном. Но из всех тюркских народов в прославлении своего гуннского прошлого преуспели наши братья-казахи.

IV. Казахи. Расскажем о работах тюркских казахских историков особо, поскольку гуннология в Казахстане в последнее время набрала большие обороты.

В начале нашего очерка мы говорили о большом отменно изданном германском путеводителе-справочнике по гуннологическому музею в Пфальц-Шпейере «Attila und die Hunnen». Еще раз отметим, что современными потомками гуннов европейские историки, археологи и устроители выставки однозначно признают кыргызов и казахов, в связи с чем книга красочно иллюстрирована фотографиями из современной сельской «кочевой» жизни означенных народов. Например, нижеследующее фото №3 снабжено пояснением: «Die Jagd mit Adlern oder Falken hat bei den Kirgisen und Kasachen eine lange Tradition, die noch heute lebendig ist» [«Attila und die Hunnen», Stuttgart, 2007, S. 7].

Вначале гунны описывались в учебниках по истории Казахстана в связи с географическим фактором – их государство существовало некогда на территории Казахстана, а сами они считались предшественниками казахов на этих землях, но никак не предками. «С массовым проникновением гуннов на территорию Казахстана и дальнейшим движением гуннских и кангарских племен на запад связано изменение антропологического типа коренного населения и распространение протокипчакского

диалекта тюркского языка» [Кузембаулы А., Абилев Е. «История Казахстана: Учебник», Алматы, 1996, с. 40].

Отметим, что такая же точка зрения – о том, что гунны являлись предшественниками кыргызов как на Енисее, так и на Тянь-шане, но никак не предками – господствовала во времена Союза, а также имеет место и сегодня в учебниках и трудах по кыргызской истории [см.: «История Киргизии», т. I, Фрунзе, 1956, с. 61–62; Чоротегин Т.К., Омурбеков Т.Н., Марченко Л.Ю. «История кыргызов и Кыргызстана: Учебн. для 6 кл. средн. шк.», Бишкек, 2001, с. 40; Солтоноев Б. «Кыргыз тарыхы», Бишкек, 2003, 29–30 б.].

В 1999 году появляется, можно сказать, основополагающий труд по истории Казахстана и казахов известного современного казахского государственного деятеля, основоположника и создателя казахского государства Н. Назарбаева. Данный труд имеет важное значение не только для истории казахского народа, но также и для истории кыргызов, поскольку в нем в наиболее систематизированном виде изложена вся древнейшая, древняя, средневековая, новая и современная история почти всех родственных кыргызам тюркоязычных народов.

И именно после появления в свет означенной фундаментальной работы Н. Назарбаева в Казахстане посыпались, как из рога изобилия, труды, в которых казахи объявлялись потомками гуннов и наследниками их имени. Это – научно-исторические изыскания, учебники по истории, большие словарные статьи в энциклопедиях и даже произведения художественной литературы.

Таким образом, наши соседи братья-казахи уже с детских школьных лет «вбивают» в головы своих детей, что гунны, бывшие великим и победоносным народом, являются предками казахов, и сведения эти представляются программными и обязательными для запоминания и заучивания. Более того, создаются красочно иллюстрированные книги для детей младшего школьного возраста, которые в доступной форме повествуют о великом предке казахов вожде гуннов Аттиле (Едил), сумевшим собрать воедино различные разрозненные племена, стать великим повелителем многих народов под эгидой древних казахов.

Из всех тюркских народов, обитающих в настоящее время к западу от условной линии: Алтай – Ала-тоо –, равно и нетюркских, только наши соседи братья-казахи, а точнее, их историки, упорно, настойчиво и последовательно позиционируют себя в качестве потомков и духовных наследников гуннов. Без всякого сомнения, казахи, как и большинство других тюркских народов, равно и венгры, являются потомками и наследниками славы (и ужаса) гуннского имени. Но представляется, что именно кыргызы имеют больше прав считаться таковыми, поскольку имеется больше исторических предпосылок для этого.

Из всех тюркских народов, обитающих в настоящее время к западу от условной линии: Алтай – Ала-тоо –, равно и нетюркских, только наши соседи братья-казахи, а точнее, их историки, упорно, настойчиво и последовательно позиционируют себя в качестве потомков и духовных наследников гуннов. Без всякого сомнения, казахи, как и

большинство других тюркских народов, равно и венгры, являются потомками и наследниками славы (и ужаса) гуннского имени. Но представляется, что именно кыргызы имеют больше прав считаться таковыми, поскольку имеется больше исторических предпосылок для этого.

В этом случае (если признать европейских гуннов во главе с Аттилой в качестве непосредственных предков кыргызов) история кыргызов, государственность которых датируется 201 г. до н.э., увеличивается на древний период азиатских хунну, а именно, еще на 1 000 лет, и в историю кыргызов должны быть в качестве прямых древних предков введены Моде-шаньюй и Тумен-ажо, которые жили и действовали на северо-китайских равнинах в середине I тысячелетия до н.э. [Бекбалаев 2012, 25-122].

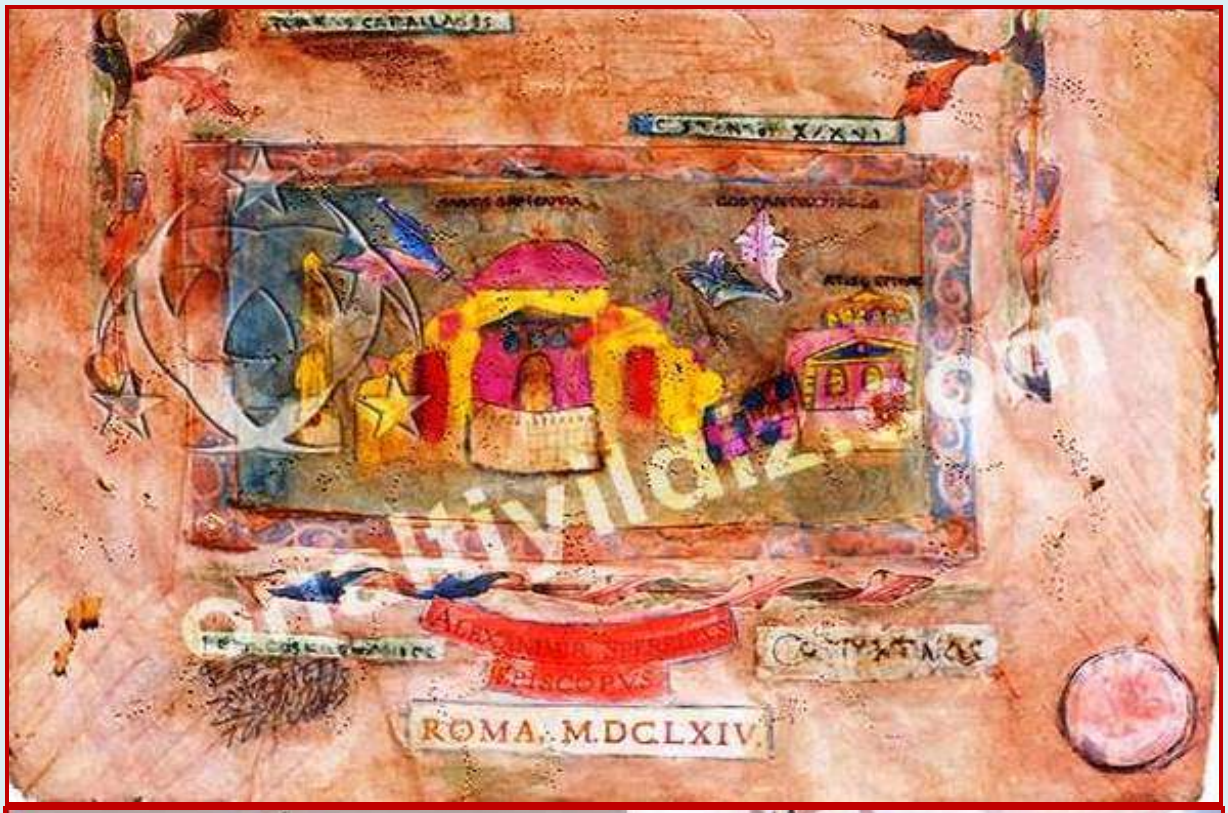
Точно по въпроса за наследството на българския хан Атила и на хуните българи изобщо, специален интерес за нас представляват и опитите в това отношение на нашите южни съседи турците. Изхождайки от общо взето размито-неясната презумпция, че хуните по принцип са Türk, без при това да си правят труда да поразсъждават малко дали това трябва да се разбира като тюрки или пък като турци, и без да правят разлика между скандинавски и хунски рунически надпис, някои турски проучватели на онази епоха, много неоснователно-некоректно градят следната причинно-следствена верига: Още в началото на IV в., хуните разпъват шатрите си и връзват конете си на мястото, където по-късно е издигната катедралата Света София, следователно тя е построена на място, което по-начало принадлежи на турците; с превземането на Константинопол от страна на Мехмед II Завоевателя те чисто и просто си го връщат това място, затова гърците и православните християни изобщо без всякакво право настояват, че катедралата е тяхна неприкосновено-лична собственост:

Bu araştırmada fetih Ayasofya'sı değil, daha Ayasofya ortada yokken, temelinin nasıl Türklere ait olduğu ele alınmıştır.

Asya Hun'ları, -tüm tarihçilerin genel kabulüne göre- kavimler göçünü M.Ö. 150-200 yıllarında başlatmışlardır. Hun Türkleri batıya gelir, yol üzeri Ankara, Urfa taraflarına uğrarlar. ('TürklerYecüc Mecüc'tür' hikayeleri bu dönemde Arap kaynaklarına girer.) Bir süre buralarda duraklasalar da yollarına devam ederler. 310'lu yıllarda Avrupa'da, Macaristan'da, ***Bizans kapılarındadırlar.*** *Hun Türklerinin, Batı kaynaklarında en az iki kez bugünkü İstanbul kapılarında oldukları yazılıdır.* ***Büyük Çekmece'ye*** *kadar gelip o günkü Bizans İmparatoru'nu haraca (vergiye) bağlayarak, İstanbul'u işgal etmeden şehre girip; bu günkü At Meydanı-Sultanahmet Meydanı ve Ayasofya'nın bulunduğu yerde çadır kurup, tabiri caizse buraları konsolosluk toprağı ilan ederler.*

Bu resimde Alessandro Sperelli'in gravürlerinde Sultan Ahmet'teki Mısır'dan gelen taş vardır ve ilk Bizans Kilisesi Aya İrini de açıkça görülür Nova Roma İstanbul'un geçiş adıdır ve Costantinapol yazar. Resimde ayrıca Hun atlıları; 4 savaş atı ve 4 kımız sağılan kısrak vardır. Çadırda Göktürk harfleri vardır ki bu harfler bu gün Ayasofya'nın ikinci katında aynen bulunmaktadır.

Saptırılmış şekilde yani asıl Aya İrini eski pagan tapınağı üzerine yapılmıştır duvarın hemen yanı ***Hun otağıdır. Yani Hun toprağıdır. Bu arşiv belgesi bize neyi anlatıyor; bugünkü Ayasofya temeli, toprağı, Vatikan arşivlerindeki belgelerde de Turku Hunas olarak geçmektedir. Ve burası konsolosluk gibidir.*** *Daha sonraki yıllarda 1. Ayasofya tahtadan yapılıp, yok olmuştur. Bugünkü Ayasofya çok sonra yapılmıştır.* ***Nereye? Türk topraklarının üzerine****…*



İşin önemli kısmını bir kez daha tekrar edelim; Bugünkü Ayasofya daha ortada yokken, Ayasofya'nın bulunduğu yer Türk toprağıdır. Bunu da Vatikan arşivlerindeki yukarıdaki belgeden öğreniyoruz. Yani Fatih bizim olanı geri almıştır. Hristiyanlık açısından Ayasofya önemlidir algısı bilinçlidir. Vatikan'ın kendi belgesinde de görüldüğü gibi bu iddialar gerçek değildir.

Latin istilası sırasında İstanbul yağmalanmıştır. *Mesela hipodrumun anıtsal giriş kapısının üzerinde bulunan dört at heykeli sökülerek, Venedik'e kaçırılır. Bugün bu dört at heykeli, Venedik'teki St. Marco Kilisesi'ndedir.*

At Meydanındaki Latin istilasında İtalya'ya kaçırılan/götürülen bu atlara bakın; aslında bunlar Hun atlarıdır. http://tr.wikipedia.org/wiki/Ahal_Teke.

Bu araştırma ve belgeler açıkça Ayasofya'nın Hristiyan dünyası için aslında teolojik kutsal bir anlam taşımadığını ispat ediyor. Bugün Ayasofya meselesi Hristiyan dünyasının meselesi algılatmalarıyla en azından müze konumunda tutulması sağlanıyor. Hatta burası kilise olarak açılsın diyen hainler, ahmaklar bu algının bilinçli veya bilinçsiz piyonlarıdır.

Sonuçta Ayasofya yani Fetih Camii zaten kılıç hakkıdır ve zaten bizimdir. Bu çalışmanın gayesi, bütün dünyaya bu mabedin Hristiyan dünyasının malı gibi sunulmasını kanıtlarıyla ortadan kaldırıyor. Bu safsata şimdiye kadar başarılı olmuştu ama artık bu belgelerden sonra bu algı da yıkılacaktır. Çünkü konjonktüre göre Hristiyanlar bu algıyı da kullanıyorlar. Katolikler Ortodokslar'a karşı Ayasofya'yı cami olarak açın demekten çekinmiyorlar. Alessandro Sperelli'in Vatikan'daki biyografik kaydında dönemin Papası olduğu da yazılıdır.

Kısacası Ayasofya daha yokken arsası binlerce hektarlık alan Hun Türklerinindi. Fatih bizim olanı bir kez daha geri almıştır [Keleş 2016, 1-22, вж. Москов 1988, 144-175, вж. и срв. Аттила 2015, 1-20; Бешевлиев 1984, 64; Венедиков 1995, 161-165; Златарски 1970, 80,450-458; ~*~2009, 13; Маенхен-Гельфен 2015, 122-211; Симеонов 2008, 136-138; Karatay 2016b, 7-10].

Същевременно във вида *Ανειτ* и с българско съответствие *Княза*, титл. *авит* се употребява и самостоятелно като прозвище пак на прабългарския каган Атила в надписа върху шлема на най-големия му син, хан Денгиз. Този направо безценен шлем, изработен от позлатен бронз и инкрустиран с бисери и скъпоценни камъни, най-вероятно му е подарен непосредствено след кончината на каган Атила от неговия най-напред много добър приятел Аеций, в началото пределно верен и напълно лоялен съратник в европейската геополитика и на когото той дълго време е и най-великодушен благодетел (Э. Томпсон), но недълго след това пък и негов най-яростен противник и смъртен враг, който обаче така и не успява да го победи в битката на Каталунските полета, защото тя в действителност завършва без ничия победа (Атила; Флавий Аеций). С този шлем хан Денгиз се бие или в съдбовно-злополучната за българите Битка при Недао, известна повече като Первая гото-гуннская война, или пък в поредицата от битки, известни най-вече като Вторая готско-гуннская война (463/4-466), преминала вече към края си в най-жестоко-баналeн геноцид над българите в Европа. За преголямо съжаление, главната роля в този най-жесток геноцид освен на бившите коленопреклонни васали блюдолизци пред Атила, готите (Ив. Добрев), се пада естествено и на българина ренегат „Хелхал, человек гуннской расы, генерал-лейтенант" от византийската войска (Приск-а; О. Маенхен-Гельфен; O. Karatay). Допълнително към всичко това, именно тук непременно трябва да се отбележи, че изобщо е

невъзможно римският император на име *Авит* (Э. Томпсон) да се отъждестви с Атила поради това, че в обкръжението му няма лице на име *Διζζων*, на което неясно кой би могъл да подари един толкова скъп шлем и то с едно точно такова посвещение [вж. и срв. Ждраков, Делева 2000, 5-15]:

ΔΙΖΖΩΝ ΥΓΙΕΝΩΝ ΦΟΡΙ ΑΥΕΙΤΟΥ
ΕΡΓΟΝ Γο ΚΑ Γρ ΙΒ
Διξξων υγιαινων φορει Αβίτου εργον....
„Дизоне носи със здраве делото на Авито..."

γοκ α(λεμ)

ΔΙΖΖΩΝ ΥΓΙΕΝΩΝ ΦΟΡΙ ΑΥΕΙΤΟΥ ΕΡΓΟΝ ΓοΚ Α Γρ ΙΒ

Дицоне, със здраве носи нататък делото на Авит

Година Глиган, месец Начален

По гръцки: *Индикт Бета*

Със Западен Рим Атила има първо добри контакти. Причина за това преди всичко е политиката на римския magister militum (пълководец) Флавий Аеций, който като млад е заложник и живее при хуните и познава Атила много добре. Аеций, всъщност владетелят в Западен Рим, през 433 г. идва с помощта на хунските помощни войски и също с тяхна помощ унищожава през 436 г. царството на бургундите на Вормс. Това се смята за историческата основа на сагата за Нибелунгите. Атила назначил за съветник между другото и римлянина Орест. Аеций дава на Атила части от Панония.

Около 450 г. Атила обявява намерението си да нападне силното вестготско кралство около Тулуза в съюз с императора на Западната Римска империя Валентиниан III. И по-рано той е в добри отношения със Западната империя и нейният фактически управител Флавий Аеций. През 433 Аеций за кратко е в изгнание при хуните, а тяхната помощ срещу готите и багаудите допринася за това, той да получи почетната титла magister militum на Запада. Подаръците и дипломатическите усилия на

вандалския крал Гайзерих, който е в конфликт с вестготите, може би също оказват влияние върху решението на Атила.

През 451 г. той пристига в Белгика с голяма войска (според Йорданес половин милион души, вероятно силно преувеличена оценка). На 7 април той превзема Мец и Аеций тръгва срещу него, събирайки войска от франки, бургунди и гали. Пратеници на император Авит и напредващите армии на Атила убеждават краля на вестготите Теодорик I да сключи съюз с римляните. Обединените им войски стигат до крепостта Аврелиан, с което отклоняват похода на хуните. Аеций тръгва след тях и ги застига при Каталаунум (днес Шалон ан Шампан). Двете войски се сблъскват в битката на Каталаунските полета (20 юни 451 г.), която завършва с победа на готско-римския съюз, макар че Теодорик е убит в боя. Атила се оттегля зад границата и съюзът бързо се разпада.

През 452 г. Атила отново отива да предяви своите претенции за брак с Хонория, като опустошава Северна Италия по пътя си. Армията му разграбва много градове и напълно разрушава Аквилея. Валентиниан бяга от столицата Равена в Рим, а останалият Аеций няма достатъчно сили, за да се противопостави на хуните. Атила се спира при река По, където е посрещнат през 452 г. от делегация, включваща префекта Тригеций, консула Генадий Авиен и папа Лъв I [Атила 2016, 1-7].

Флавий Аеций *(на латински: Flavius Aëtius) е римски военачалник от последните десетилетия на Западната Римска империя, трикратен консул (432, 437 и 446 г.), удостоен от историците с епитета "последният римлянин"[1](заедно с друг римски военачалник Бонифаций).*

Флавий Аеций е роден през 395 или 396 г. в Дуростор (днес Силистра) в провинция Долна Мизия[2]. Син е на началника на конницата (magister equitum) Флавий Гауденций, представител на знатен местен род[3]. Майка му е от знатно богато семейство от Италия.[4].

Семейството на Гауденций се ползва с влияние в Рим. Неговият син Аеций е взет като момче за телохранител на римския император Хонорий.[4]. Когато през 408 г. Хонорий убива предводителя на войската Стилихон, то вождът на вестготите Аларих I иска от императора да сключи мирно споразумение, за което римляните са длъжни да платят дан и да разменят с вестготите знатни заложници. Един от тези заложници трябвало да бъде Флавий Аеций.[5], който по това време вече е прекарал 3 години като заложник в началото при вестготите, а след това при хуните.[4]

Източната Римска империя (Византия) не признава узурпатора Флавий Йоан. През 424 г. император Теодосий II изпраща в Италия войска, за да даде римския трон на своя брат Валентиниан III. За участието на Аеций в събитията разказва Григорий Турски чрез препратка към загубения труд на Ренат Фригерид: "Йоан, подбуден от това, изпратил Аеций, който по това време отговарял за охраната на двореца, с голям товар злато при хуните, познати на Аеций още от времето, когато е бил заложник при тях и свързан с тях с близка дружба и му казал: когато вражеските отряди се втурнат в Италия, те да ги нападнат в гръб, а самия Йоан ще ги посрещне челно."[4]

Аеций се връща с 60-хилядна войска от хуни и участва в сражението срещу Аспар, източноримски военачалник. Но пристигането му закъснява и Йоан вече е претърпял поражение и е убит 3 дни преди да дойде Аеций.[7]

На 23 октомври 425 г. 7-годишният Валентиниан III е провъзгласен за император, но фактически вместо него започва да управлява в качеството си на регент неговата майка Гала Плацидия. Аеций признава властта на Плацидия, хуните с богати дарове са изпратени вкъщи, а самият Аеций получава поста военен магистър в Галия (comes et magister militum per Gallias).

На новия пост Аеций действа бързо и енергично. През 426 и 430 г. той отблъсква визиготите, които нападат Арелат, през 428 и 431 г. побеждава франките. Той ревниво пази властта си и не търпи съперници. По негово внушение Плацидия през 427 г. заподозряла в измяна наместника на Африка - Бонифаций. Последният, за да се защити, извикал вандалите от Испания в Африка (429 г.), които обаче завладяват провинцията за себе си. Бонифаций избягва в Рим през 432 г. и се оправдава пред императрицата и е назначен от нея на мястото на Аеций. Последният в това време е в Галия, където води кампания срещу германите. Скоро между двамата пълководци избухва война. Бонифаций, предвождайки императорските войски успява да разбие Аеций, но е тежко ранен в битката и умира. Аеций избягва при хуните, но след смъртта на техния вожд Ругила (433 г.) се връща обратно в Рим. През 434 г. той е провъзгласен за патриций и консул и оттогава в продължение на 20 години с твърда ръка управлява Западната Римска империя.

Талантлив военачалник и дипломат, той успява да обуздае германските племена в Галия и да ги принуди да служат на римските интереси. В два похода (435 и 436 г.) той успява да победи бургундите, усмирява келтите в Арморика и потушава въстанието на багаудите. Сключва мир с вестготите през 439 г. и разбива франките при река Сома. С хуните Аеций поддържа мирни отношения, но когато техният вожд Атила нахлува в Галия, „последният римлянин“ успява да създаде коалиция от алани, визиготи, франки и с помощта на този съюз да разгроми хуните в битката при Каталаунските полета през 451 г.

На следващата година Атила възобновява войната, като със свежи сили нахлува в Северна Италия, където завладява Аквилея, Медиолан,Павия и Верона.

Аеций, изоставен от съюзниците си, изчаква подкрепления от Източната Римска империя, но императорският двор предпочите да търси мир с хуните и изпраща посолство при Атила начело с папа Лъв I Велики. Атила се отправя да превземе и опустоши "Вечния град" Рим и е загадка, как папата успява да убеди кръвожадния и амбициозен воин да се оттегли, а след смъртта на хунския вожд през 453 г., император Валентиниан III, опасявайки се от авторитета и влиянието на Аеций, нарежда през 454 г. „последният римлянин“ да бъде умъртвен по време на аудиенция в двореца [Флавий Аеций 2016, 1-3].

Затем Ульдин появляется на службе у Западной Римской империи. Как мы помним, в 405 году Радагайс и огромные массы германцев вторглись в Италию. Города

полуострова были охвачены паникой, но Стилихон сумел заключить союз с отрядами гуннов и аланов; эти гунны были сторонниками Ульдина. В сражении при Фьезоле в 406 году они продемонстрировали характер. Гуннская кавалерия охватила противника с флангов, что позволило Стилихону быстро уничтожить врага. Люди Ульдина продали взятых в плен за солид (золотая римская монета) с головы. Перед вторжением во Фракию в 408 году гунны оказывали услуги и Восточной и Западной империям.

После казни Стилихона (в 408 году) правительство Западной Римской империи предприняло меры к тому, чтобы в будущем получать военную помощь из негерманских источников. Вот почему оно обратилось к гуннам и получило от них помощь в соответствии с достигнутым соглашением, которое, похоже, предполагало предоставление заложников. Одним из заложников был молодой человек по имени Аэций[2].

Спустя много лет панегирист Аэция преувеличивал результаты деятельности Аэция в период его пребывания у гуннов. «Кавказ предоставил отдых мечу, и его дикие цари отказываются воевать». «Когда мир пал под скифскими мечами, он прервал безумную атаку врага и стал залогом договора и выкупом мира».

Во всяком случае, мы обнаружили, что, когда Атаульф[3] в 409 году появился южнее Юлийских Альп во главе войска, в котором было много гуннов, министр Гонория, Олимпий, смог встретить его во главе небольшого отряда из 300 гуннов, и потери Атаульфа составили 1100 человек, в то время как Олимпий потерял всего 17.

Позже, в том же 409 году, поскольку отношения правительства Западной Римской империи с Аларихом становились все хуже, имперское правительство перебросило из Далмации в Италию армию из 10 тысяч гуннов. Их присутствие, похоже, произвело впечатление на Алариха, который тут же отказался от своего плана немедленного наступления на Рим. Спустя более тридцати лет после первого появления новых кочевников в Европе слово «гунн» вселяло ужас даже в самых храбрых из тех, кто слышал его.

В 412 году мы узнаем, что правительство Восточной Римской империи опять установило дипломатические отношения с гуннами или, во всяком случае, с некоторыми из них. Из фрагмента Олимпиодора становится ясно, что в 412 году он в составе миссии был направлен из Константинополя к варварам. По пути послы попали в шторм, бушевавший на Черном море, и едва не погибли, но все-таки добрались до короля гуннов Доната, чья сфера деятельности была, очевидно, далека от той, в которой господствовал Ульдин. По прибытии послы успешно достигли того, что один из спутников Приска не смог сделать при подобных обстоятельствах много лет спустя: обменявшись заверениями в дружбе, послы предательски убили Доната. Вероятно, его королевство стало набирать силу, и правительство Восточной Римской империи, которым по-прежнему управлял префект Антемий, увидело дешевый способ уничтожить опасность. Некий Харатон, ставший преемником Доната, не без причины испытывал чувство враждебности к Олимпиодору и его друзьям. Но послы подготовились к такому повороту событий и преподнесли Харатону дорогие подарки

от имени Феодосия; мир был восстановлен. (Историк писал, как он был отправлен послом к гуннам и Донату, о том, как этот Донат, «коварно обманутый клятвой», был преступно умерщвлен и как Харатон распалился гневом за это убийство, но императорские дары «умягчили и успокоили его».)

В 425 году, когда узурпатор Иоанн боролся за свою жизнь в Равенне против армии Восточного Рима, он послал Аэция к гуннам, чтобы нанять армию и привести ее как можно быстрее в Италию. Аэций появился в Италии слишком поздно: Иоанна уже три дня как не было в живых. Однако Аэций вступил в упорный, но не имеющий решающего значения бой с армией Аспара[4].

В итоге гунны покинули Италию и вернулись домой. Гунны, как выяснилось, «отложили гнев и оружие ради золота», отдали заложников и обменялись клятвами. Плацидия и Валентиниан III, оценив по достоинству победу Аэция (по смерти императора Гонория в 423 году Аэций примкнул к партии узурпатора Иоанна, но в 425 году перешел на сторону Плацидии, матери и опекунши законного наследника престола Валентиниана III), назначили его главнокомандующим войсками империи. Ходили разговоры, что Аэцию удалось отправить домой 60 тысяч гуннов.

Так что гунны были не только противниками римлян в конце IV и в начале V столетия; до некоторой степени они были их друзьями и служили не без пользы в качестве наемников в имперских армиях.

Не только римское правительство получало пользу от их службы; их услугами пользовались отдельные богатые римляне. Мы знаем о двух случаях, но нет причин сомневаться, что их было много больше. Клаудиан пишет, что Руфин, префект претория Аркадия, имел личную охрану из варваров, а из другого источника нам стало известно, что эта охрана состояла из гуннов. Главный противник Руфина Стихилон, стремясь гарантировать свою безопасность, имел личную армию гуннов, и, если бы враги Аэция решили убить его, им пришлось бы иметь дело с этими вассалами. В одной из хроник есть упоминание о гуннах Руфина, и создается впечатление, что это была мощная сила.

В тот год Аэций потерпел поражение от Бонифация, одного из лучших римских полководцев эпохи императора Гонория и его преемницы Плацидии и наместника африканских провинций, в сражении при Аримине (современный Римини). После боя Аэций отступил в одно из своих хорошо защищенных поместий, где его не смогли бы открыто атаковать. Себастьян, зять Бонифация, предпринял неудачную попытку убить Аэция. Почувствовав ненадежность убежища, Аэций покинул его и сел на судно, направлявшееся к берегам Далмации. Затем, проехав по провинциям Паннонии, он прибыл к гуннам, которых давно считал своими друзьями; более двадцати лет назад он был у них заложником, и в 425 году гунны помогли ему в критической ситуации. Возглавляемые теперь Руа, гунны опять доказали Аэцию свою преданность, но уже за деньги. В 427 году Нижняя Паннония, включая город Сирмий (современный Сремска-Митровица в Сербии, в древности главный город Нижней Паннонии, нарекеДрина, значительный торговый и военный пункт), была отвоевана у гуннов войсками

Восточной Римской империи, которые заняли все мощные укрепления на Дунае, находившиеся в этой провинции. Но в 433 году, в результате соглашения между Аэцием и гуннами, правительство Западной Римской империи отдало гуннам Верхнюю Паннонию. Провинция находилась в сложном положении: между ней и еще более незащищенной Нижней Паннонией не было естественных границ, и ее потеря была всего лишь вопросом времени. Но факт остается фактом, Аэций отдал варварам одну из провинций Римской империи. Возможно, что именно в связи с этим соглашением сын Аэция, Карпилион, повторив судьбу отца, стал заложником кочевников. Благодаря помощи, предоставленной ему Руа, Аэцию удалось восстановить свое положение в Италии. Очень может быть, что Аэций опять повел гуннскую армию в Италию, но наши источники не указывают на то, что он счел необходимым сражаться с войсками готов, которые Себастьян и Плацидия призвали на помощь из Галлии. Аэций стал патрицием. Себастьян сбежал в Константинополь. На протяжении последующих пятнадцати лет гунны не беспокоили Италию и Западную Римскую империю, и их конница позволила Аэцию и греко-римским помещикам чувствовать себя в безопасности. Гунны, которых Руа отправил на помощь, помогли римлянам выстоять в Галлии против своих врагов.

Но они недооценили своего противника. В битве с Аэцием в 436 году бургунды потерпели поражение и обратились с просьбой о мире, который получили, но наслаждались полученным миром недолгое время. В 437 году, по неизвестной нам причине, Аэций склонил своих друзей-гуннов напасть на бургундов. Результат был потрясающий. Согласно одному источнику, было уничтожено 20 тысяч бургундов. Другой источник говорит об уничтожении почти всех бургундов, и нам известно, что король Гундахар был среди убитых. Это был конец Бургундского королевства в Вормсе. В 443 году оставшиеся в живых бургунды были поселены на правах римских федератов в Сабаудии (Савойе). Уничтожение Бургундского королевства захватило воображение современников. Это событие периода бургундской истории, о котором мы вели речь, упомянуто по меньшей мере четырьмя летописцами и легло в основу эпической поэмы «Песнь о Нибелунгах».

Мы уже говорили, что в 443 году Аэций сбежал к гуннам из-за покушений на его жизнь, организованных императрицей Плацидией и Себастьяном, зятем его злейшего врага Бонифация. В жизни Себастьяна бывало всякое, и, хотя теперь он был выслан и из Рима, и из Константинополя, он по-прежнему испытывал враждебные чувства к Аэцию. В 440 году мы находим его при дворе вестготского короля Теодориха, который в то время занимал четкую антиримскую позицию. С его помощью Себастиан набирает сторонников, вторгается с ними в Испанию и захватывает Барселону, так что у нас нет никаких сомнений в том, что даже после соглашения 439 года Теодорих продолжал испытывать ненависть к Аэцию. Можно не сомневаться, что Теодорих продолжает испытывать к Аэцию враждебные чувства, поскольку в 446 году мы узнаем о том, что вестготы помогают свевам опустошать Испанию (в 449 году Теодорих вступил в сношения со свевами, а затем заключил союз с их королем, выдал за него свою дочь и

помог ему отвоевать у римлян Цезаравгусту, современная Сарагоса, и Илерду, современная Лерида). Очень важно помнить, сколь долго сохранялись враждебные отношения между Аэцием и вестготами.

К концу сороковых годов V века вестготы и багауды все еще оставались врагами Аэция. Долгие дружеские отношения, установившиеся между Аэцием и Аттилой, похоже, не прерывались до истории с Евдоксием. Незадолго до посольства Максимина в 449 году Аэций отправил к Аттиле в качестве секретаря знавшего латынь италийца Констанция. Аэций уже отправлял к гуннам секретарей. С его стороны это было не только проявлением дружеских чувств, но и возможностью получать информацию о намерениях варваров. Первого секретаря Аэций направил во время галльской кампании в тридцатых годах. Этот секретарь был галлом, и его, удивительное совпадение, тоже звали Констанцием. Однако он попал в беду при обстоятельствах, которые мы сейчас обсудим, и был убит еще при жизни Бледы, то есть где-то до 445 года. После убийства Бледы Аэций и Аттила продолжали поддерживать дружеские отношения: Аэций отправил Аттиле Констанция, а Аттила подарил Аэцию принадлежавшего Бледе карлика Зерко. Эта дружба преследовала практические цели. Аттила получил звание командующего в Западной Римской империи. Он не собирался, конечно, принимать командование римскими войсками, и Аэций прекрасно это понимал, но это была высокооплачиваемая должность, и, кроме того, командующий получал большое количество зерна на содержание своих солдат. Иностранным правителям часто давали почетные титулы и звания.

Когда Аттила заявил, что выступает союзником Валентиниана II — «как блюститель дружбы римлян», по выражению современника, — у нас нет причины сомневаться в его словах. Но если он пока оставался другом Валентиниана, то это вовсе не значит, что он по-прежнему был другом Аэция. Согласно имеющейся у нас информации, для того чтобы привести свои планы в жизнь, Аттиле необходимо было сначала избавиться от Аэция. Возможно, Аттила хотел сместить Аэция с поста командующего и занять это место, но уже не номинально, а реально (выше мы говорили о том, как Аттила получил эту должность). Если бы правительство Западной Римской империи признало Аттилу командующим в Галлии вместо Аэция, гунн смог бы управлять Западной Римской империей изнутри. Однако опять следует подчеркнуть, что у нас не хватает информации, чтобы понять, чем руководствовался в своих действиях Аттила.

Аэций встретил молодого принца как сына, вместе с Валентинианом II щедро одарил подарками и с готовностью согласился оказать помощь. Понятно, что теперь, в ноябре 450 года, Аэций и правительство Западной Римской империи пошли на полный разрыв с гуннами и где только можно искали союзников. Валентиниан III явно не собирался избавляться от Аэция. Однако, хотя отношения с Аттилой достигли критической точки, отсюда не следовало, что война неизбежна.

Редко в истории встречается государственный деятель, которого бы удалось так застать врасплох, как это произошло с Аэцием весной 452 года. Можно не сомневаться,

что он был уверен в правильности своего неоднозначного поведения в Галлии на следующий день после битвы на Каталаунских полях. Аэций считал, что просто проведет переговоры с Аттилой и гунны опять станут относиться к нему по-дружески. На перевалах Юлийских Альп не было ни одного гарнизона, хотя в горах можно было легко остановить продвижение гуннской конницы; на этот факт указывает и писатель, современник тех событий. Аттила перешел через Альпы, не встретив сопротивления, и патриций, наверное, был как громом поражен известием о вторжении Аттилы в Италию. Опомнившись от удара, Аэций был способен разработать единственный план: вместе с Валентинианом бежать из Италии.

Теперь Аэций отказался от первоначального плана сбежать из Италии и предоставить ее своей судьбе. Первоначальный план был не просто позорный, он был опасный. Не долго думая, патриций решил использовать вполне апробированный восточными римлянами прием: делегировать посольство кАттиле. К сожалению, не сохранилось источников с подробным описанием этого посольства. Встреча состоялась на Амбулейском поле в среднем течении реки Минций[2] [Томпсон 2016, 7-43].

Германските племена гепиди и остготи завладяват и се установяват в Панония още през втората половина на IV в., а с идването по тези земи на хуните те биват покорени и приобщени към Западнохунската империя на хан Атила, като след нейното разпадане през 453 г. остготите специално остават по местата си и през 455 г. посрещат и се съпротивляват срещу повторната окупация на Панония от римляните, докато гепидите даже и през 536 г. завладяват Сирмия [Ердели 1982, 68-69; Шаги 1982, 50-59].

В рамките на Западнохунската империя германските родове и племена се намират в най-тясно сътрудничество и взаимодействие с прабългарските родове и племена; техните вождове и старейшини са членове на Императорския съвет на хан Атила и дори някои от вождовете на готите са лични приятели на "щедрия и великодушен Атила", какъвто той е в започналите да се пеят още тогава и лично пред него германски епическо-геройски песни, безспорно не единствено и само защото си поделя с тези вождове и старейшини военната плячка от своите бойни походи, която етнополитическа ситуация между впрочем се определя от някои изследователи най-общо като "хуно-готска симбиоза" [вж. и срв. Maenchen-Helfen 1973, 442-443].И все пак най-пълното и подробно описание на сътрудничеството и взаимодействието между българи от една страна и готи, гепиди и други германски племена от друга страна, в рамките на Западнохунската империя, а и след това, дължим на гота от аланси произход Йорданес от средата на VI в., който например съобщава, че сред многобройните народи и различни племена, които заобикалят фланговете на хан Атила по време на битката на Каталунското поле през 451 г., изпъква "войската на остготите, предвождана от братята Валамир, Тиудимир и Видимир, по-знатни дори и от самия цар, комуто били подчинени тогава, защото могъществото на Амалиевия род ги правело славни"; там е и "онзи прочут крал Ардарик с безбройните пълчища на гепидите, който поради голямата си вярност към Атила участвува в неговите

съвещания"; сармати, германците цемандри и хуни "обитават дадените им при града Кастра Мартис в Илирик селища"; по времето на имп. Юстин (518-527) херули, гепиди и българи често опустошават Илирик и др. [ЛтИзв-1, 333,353,358] [Добрев 2005, 15-16].

***38**. Когда Денгизих поднял войну против римлян и стоял на берегу Истра, узнавший об этом сын Орнигискла (**Ορνιγισκλου**)[108], который начальствовал стражей на фракийском берегу, послал к нему некоторых из своих приближенных с вопросом, по какой причине они готовятся к битве. Денгизих, отнесшись с презрением к Анагасту (**Αναγαστου**)[109], отправил его посланных ни с чем и дослал сказать императору, что если он не даст земли и денег ему самому и следующему за ним войску, то он начнет войну. Когда его послы пришли во дворец и передали порученное им, император отвечал, что он готов сделать все, если они прибыли с изъявлением покорности, ибо он радуется прибытию посланных от врагов для заключения союза [Exc. de leg., p. 44-45 Par., 162 Nieb.].*

***39**. Когда Анагаст, Басилиск [110], Острий и некоторые другие римские военачальники заперли готов в одном низменном месте и осадили их [111], то скифы, угнетаемые голодом вследствие недостатка продовольствия, отправили к римлянам посольство передать, что они сдаются с тем, чтобы владеть землей и повиноваться во всем, чего пожелают римляне. Военачальники отвечали, что донесут императору об их посольстве, но варвары сказали, что они желают устроить соглашение с ними из-за голода и не могут вынести большого промедления. Тогда предводители римских сил, посоветовавшись между собой, обещали доставлять им продовольствие до разрешения дела императором, если они разъединятся подобно тому, как разъединено и римское войско: таким образом, говорили они, легко будет заботиться о них, так как военачальники будут иметь дело с доставшимися им по жребию лицами, а не со всеми, и из видов честолюбия всячески будут соревноваться в доставке им припасов. Скифы охотно приняли сообщенное им через послов предложение и разделились на столько частей, на сколько были разделены и римляне. Тогда Хелхал, родом из уннов, служивший офицером у начальников аспаровых полков, пришел к доставшейся им по жребию варварской части и, пригласив выборных готов, которых было в этой части больше других, начал говорить им такие речи, что император дает им землю, но не для их пользования, а для находящихся между ними уннов. Ибо они, не занимаясь земледелием, подобно волкам нападают и расхищают их пищу, так что они [т. е. готы], состоя в положении рабов, трудятся для доставления им продовольствия, хотя готское племя всегда было враждебно уннам и еще предки клялись избегать союза с ними; поэтому сверх лишения своего достояния они оказывают презрение к клятвам предков. Сам же он, хотя и гордится своим унским происхождением, но из любви к справедливости сообщил им это и дал совет, что следует делать. Готы, взволнованные этими речами и полагавшие, что Хелхал сказал это из расположения к ним, сплотились и стали избивать находившихся между ними уннов; это послужило сигналом к жестокой схватке между обоими народами. Узнав об этом, Аспар, а также и начальники прочих отрядов выстроили свои войска и стали убивать всех попадавшихся варваров. Скифы, поняв коварный обман,*

стали отзывать друг друга и двинулись против римлян. Люди Аспара успели раньше уничтожить доставшуюся им часть варваров; для остальных военачальников сражение оказалось не безопасным, так как варвары бились до того мужественно, что уцелевшие из них прорвались сквозь римские полки и таким образом избежали осады[112] [Приск-а, 12-13].

Однако так им владели, — о чем часто уже говорилось, — что сами [в свою очередь] подчинялись власти Аттилы, гуннского короля [621] *им не было возможности отказаться от борьбы против своих же родичей, везеготов, потому что приказание владыки, даже если он повелевает отцеубийство, должно быть исполнено. И не иначе смогло любое скифское племя* [622] *вырваться из-под владычества гуннов, как только с приходом желанной для всех вообще племен, а также для римлян смерти Аттилы, которая оказалась настолько же ничтожна, насколько жизнь его была удивительна.*

После того как все было закончено, между наследниками Аттилы возгорелся спор за власть, потому что свойственно юношескому духу состязаться за честь властвования, — и пока они, неразумные, все вместе стремились повелевать, все же вместе и утеряли власть. Так часто преизбыток наследников обременяет царство больше, чем их недостаток. Сыновья Аттилы, коих, по распущенности его похоти, [насчитывалось] чуть ли не целые народы, требовали разделения племен жребием поровну, причем надо было бы подвергнуть жеребьевке, подобно челяди, воинственных королей вместе с их племенами.

Когда узнал об этом король гепидов Ардарих [634]*, то он, возмущенный тем, что со столькими племенами обращаются, как будто они находятся в состоянии презреннейшего рабства, первый восстал против сыновей [111] Аттилы и последующей удачей смыл с себя навязанный его позор порабощения; своим отпадением освободил он не только свое племя, но и остальные, равным образом угнетенные, потому что все с легкостью примыкают к тому, что предпринимается для общего блага. И вот все вооружаются для взаимной погибели, и сражение происходит в Паннонии, близ реки, название которой — Недао* [635]*. Туда сошлись разные племена, которые Аттила держал в своем подчинении; отпадают друг от друга королевства с их племенами, единое тело обращается в разрозненные члены; однако они не сострадают страданию целого, но, по отсечении главы, неистовствуют друг против друга. И это сильнейшие племена, которые никогда не могли бы найти себе равных [в бою], если бы не стали поражать себя взаимными ранами и самих же себя раздирать [на части].*

Думаю, что там было зрелище, достойное удивления: можно было видеть и гота, сражающегося копьями [636]*, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его [гепида?]* [637] *ране, и свава, отважно действующего дубинкой* [638]*, а гунна — стрелой, и алана, строящего ряды с тяжелым, а герула — с легким оружием* [639]*.*

Итак, после многочисленных и тяжелых схваток, победа неожиданно оказалась благосклонной к гепидам: почти тридцать тысяч как гуннов, так и других племен, которые помогали гуннам, умертвил меч Ардариха вместе со всеми восставшими. В этой битве был убит старший сын Аттилы по имени Эллак, которого, как

рассказывают, отец настолько любил больше остальных; что предпочитал бы его на престоле всем другим детям своим. Но желанию отца не сочувствовала фортуна: перебив множество врагов, [Эллак] погиб, как известно, столь мужественно, что такой славной кончины пожелал бы и отец, будь он жив. Остальных братьев, когда этот был убит, погнали вплоть до берега Понтийского моря, где, как мы уже описывали, сидели раньше готы [640].

Так отступили гунны, перед которыми, казалось, отступала вселенная. Настолько губителен раскол, что разделенные низвергаются, тогда как соединенными силами они же наводили ужас. Дело Ардариха, короля гепидов, принесло счастье разным племенам, против своей воли подчинявшимся владычеству гуннов, и подняло их души, — давно пребывавшие в глубокой печали, — к радости желанного освобождения. Явившись, в лице послов своих, на римскую землю и с величайшей милостью принятые тогдашним императором Маркианом, они получили назначенные им места, которые и заселили.

Гепиды, силой забравшие себе места поселения гуннов [641], овладели как победители пределами всей Дакии и, будучи людьми деловыми [642], не требовали от Римской империи ничего, кроме мира и ежегодных даров по дружественному договору [643]. Император охотно согласился на это, и до сего дня племя это получает обычный дар от римского императора. Готы же, увидев, что гепиды отстаивают для себя гуннские [112] земли, а племя гуннов занимает свои давние места [644], предпочли испросить земли у Римской империи, чем с опасностью для себя захватывать чужие, и получили Паннонию, которая, протянувшись в длину равниною, с востока имеет Верхнюю Мезию, с юга — Далмацию, с запада — Норик, с севера — Данубий [645]. Страна эта украшена многими городами, из которых первый — Сирмий, а самый крайний — Виндомина [646] . Из этого [647] же рода был Бливила, пентаполитанский вождь [648], и его брат Фроила и, в наше время, патриций Бесса [649]

Савроматы же, которых мы называем сарматами [650], и кемандры [651], и некоторые из гуннов поселились в части Иллирика [652], на данных им землях у города Кастрамартена [653]. Скиры [654], садагарии [655] и часть аланов со своим вождем по имени Кандак [656] получили Малую Скифию [657] и Нижнюю Мезию [658]. Нотарием [659] этого Кандака Алановий-ямутиса [660] до самой его смерти был Пария [661], родитель отца моего, т. е. мой дед. У сына же сестры Кандака, Гунтигиса [662], которого называли еще База, магистра армии, сына Андагиса [663] (сына Анделы из рода Амалов), нотарием — до своего обращения — был я, Иорданнис, хотя и не обученный грамматике [664].

Руги же и многие другие племена испросили себе для поселения Биццию [665] и Аркадиополь [666]. Эрнак, младший сын Аттилы, вместе со своими избрал отдаленные места Малой Скифии. Эмнетзур и Ултзиндур, единокровные братья его, завладели Утом, Гиском и Алмом [667] в Прибрежной Дакии. Многие из гуннов, прорываясь то тут, то там, подались тогда в Романию [668]; до сих пор из их числа называют сакромонтизиев и фоссатизиев.

Итак, возвратимся к тому племени [674], о котором идет речь, т. е. к [племени] остроготов, которые жили в Паннонии [675] [под властью] короля Валамира и его братьев,

Тиудимера и Видемира; хотя области их были поделены, но цели объединены (ведь Валамер сидел между реками Скарниунгой и Черной Водой [676], Тиудимер — близ озера Пелсойс [677], Видимер — между тем и другим). И вот случилось, что сыновья Аттилы пошли против готов, как против бежавших из-под их господства и как бы разыскивая беглых рабов; они напали на одного [113] Валамера, тогда как другие братья ничего не подозревали. Но он, хотя и встретил их с малыми [силами], долго изнурял их и разбил настолько, что от врагов едва осталась небольшая часть; обращенные в бегство, они направились в те области Скифии, по которым протекают воды реки Данапра; на своем языке гунны называют его Вар [678] В то же время он [Валамер] послал к брату Тиудимеру гонца с радостной вестью, гонец же, в тот самый день как прибыл, обрел в доме Тиудимера еще большую радость: в этот день родился сын Тиудимера Теодорих [679]; правда, младенец [происходил] от конкубины Эрелиевы [680], но [возлагали на него] большие надежды.

Немного спустя король Валамир и братья его Тиудемир и Видимир, — ввиду того что запоздала обычная выплата от императора Маркиана, которую они получали наподобие стрены [681] и за это соблюдали мирный договор, — послали посольство к императору [682] и узнали, что Теодерих, сын Триария [683], также готского происхождения, но из другого рода, не из Амалов, процветает вместе со своими, связан дружбою с римлянами и получает ежегодную выплату; на них же смотрят с презрением. Охваченные гневом, они взялись за оружие и, пройдя почти по всему Иллирику [684], разграбили и разорили его. Тогда император сразу изменил свое настроение и вернулся к прежней дружбе; он послал [к ним] посольство и не только принес с последним и пропущенные дары, но и обещал в будущем выплачивать их без всякого пререкания; как заложника мирных отношений он получил от них сына Тиудимера Теодориха, о котором мы рассказали выше; он достиг тогда уже полных семи лет и входил в восьмой год жизни. Отец медлил его выдавать, но дядя Валамир умолил его, только бы сохранился прочный мир между римлянами и готами [685].

Итак, Теодорих был дан готами заложником и отвезен в Константинополь к императору Льву; мальчик был красив и заслужил императорскую благосклонность.

После того как установился прочный мир готов с римлянами, готы увидели, что им не хватает того, что они получали от императора; в то же время стремились они проявить присущую им отвагу и потому начали грабить соседние племена, [жившие] кругом; прежде всего двинулись они походом против садагиев, владевших внутренней Паннонией [686] Когда узнал об этом король гуннов Динтцик [687], сын Аттилы, то он собрал вокруг себя тех немногих, которые пока что оставались все-таки под его властью, а именно ултзинзуров, ангискиров, биттугуров, бардоров [688]; они подошли к Базиане [689], городу в Паннонии, и, окружив ее валами, начали грабить окрестности. Поняв это, готы там же, где были, приостановили поход, предпринятый против садагиев, и обратились на гуннов; так вытеснили они их, покрыв бесславием, их своих пределов, и с тех пор до сего дня остатки гуннов боятся готского оружия. [114]

Однако уже после того как племя гуннов было, наконец, усмирено готами, Гунумунд, вождь свавов [690], проходя мимо [и направляясь] на ограбление Далмации, захватил бродившие в степях готские стада, потому что ведь Далмация соседит со Свавией [691] и расположена невдалеке от пределов Паннонии, особенно тех мест, где жили тогда готы [Иордан, 208-212].

Битва Гуннов отражает войны, которые готы преприняли против гуннов после падения королевства Аттилы.776 Мы хорошо информированы о них Джорданесом: Возвратимся теперь к племени, с которого мы начали, а именно к остроготам, которые проживали в Паннонии под их королем Валамиром и его братьями Тиудимером и Видимером. Хотя их территории были раздельны, тем не менее их планы были одними теми же [consilia tamen unita]. В то время, как Валамир жил между реками Скарнинунга и Акуа нигра, Тиудимер жил около озера Пелсо и Видимер – между ними. Теперь случилось, что сыновья Аттилы, считая готов дезертирами из-под их правления, пришли против них, как бы в поиске сбежавших рабов [velut fugacia mancipia requirentes] и напали на одного Аламира, когда его братья ничего об этом не знали. Он выдержал их атаки, хотя он имел немногих в своем распоряжении и путем длительного изнурения он полностью победил их так, что уцелела только жалкая часть врага. Уцелившиеся обратились в бегство и искали частей Скифии, которая граничила на течении реки Данабер, которую гунны звали на своем языке как Вар. На том он отправил вестника добрых новостей к своему брату Тиудимиру и когда в один из дней вестник прибыл, он нашел даже большую радость в доме Тиудимира. Поскольку в тот день родился Теодорик.777

Когда же гунны напали на готов? Еннслин, который первым установил дату войны зимой 456/457,784 позднее отменил эту сверхточную дату.785 Будет видно, что дата рождения Теодорика определяет также и дату победы готов. К несчастью, историки не могут придти к соглашению по поводу года. Он может быть 454, 455 и даже 456.786 Кроме того, мост между готской победой и рождением Теодорика мог бы быть очень хорошим из-за желания позволить героической жизни великого короля начаться с благоприятного события, предсказывающего его последущее величие. Во всяком случае битва на Недао не могла состояться за многие годы перед тем, как гунны атаковали готов. Война, по-видимому, должна быть датирована приблизительно 455.

Это необязательно значило, что вся, довольно большая территория удерживалась только гуннами. Между Тимоком и Арчером жили сарматы, семандри и некоторые гунны. Еще в конце 460-х готы жили бок о бок рядом с гуннами. Однако, политическая власть принадлежала гуннам, тем, которые в 455 попытались перезавоевать Паннонию.

Самое позднее, до 456 правительство в Константинополе должно было признать, что оно не имело силы отвоевать гуннские территории южнее Дуная. Оно поддерживало мир или, скорее, молчаливое перемирие и таким же образом поступали гунны. В 457 Гунния не была доступна римлянам. Перемена пришла в 458 году.

Стихи отсылают к гуннам.813 Они потеряли Эллака и других domini; битва на Недао состоялась лишь несколько лет до этого, пиper; они ушли с Дуная и их земли были заняты их бывшими германскими вассалами.

В годы, последовавшие после умиротворения северо-западных провинций Балкан (перед 458), гунны были в мире с западными римлянами, однако, как мы знаем у Джорданеса и только от него, они опять, как и около 455, атаковали готов в Паннонии.

Теперь после прочного мира, установленного между готами и римлянами, готы нашли, что, то, что они получили от императора, этого им недостаточно. Более того, они обнаружили нетерпение демонстрировать их привычную доблесть и начали грабить соседние народы вокруг себя, сперва напав на садагов, которые занимали нижнюю Паннонию. Когда Динтзик, король гуннов, сын Аттилы, узнал об этом, то он собрал около себя немногих, которые, казалось, оставались под его властью, а именно, ултзинзуров, ангискиров, биттугуров и бардоров. Придя в Бассиану, город Паннонии, он осадил его и начал грабить его территорию. Когда готы узнали об этом, то они отказались от экспедиции, которую они запланировали против садагов и повернулись на гуннов и погнали их так позорно из их собственных земель, что те, которые остались, оказались в страхе от оружия готов с того времени по сей день.816

Гунны пришли с юга. Первым укрепленным пунктом, который стоял на их пути, была Бассиана, respublica coloniae Bassianorum на местных надписях, между Сирмиумом (нынешняя Митровица) и Сингидинумом (теперь Белград). Родовые имена ведут также на юг Дуная, как на место, откуда гунны направились против готов. Ултизинзуры жили между Утусом (ныне Вит) и Алмусом (ныне Лом), оба в Дакии рипенсис, и Биттугурес присоединился к остроготам на их пути из Моезии второй в Италию в 488. Театром военных действий была Паннония вторая.

Разумеется, гунны не считались границами бывших римских провинций; сражение определенно распространилось на провинцию Савия, между реками Драва и Сава.

В 465 или, более вероятно, в 466 Денгизич и его брат Гернач направили послов в Константинополь. Они хотели заключить мир, обеспечивающий, определенное место торговли на Дунае, где « в соответствии с древним обычаем» римляне и гунны могли бы обмениваться тем, «в чем они нуждались». Император отклонил их требования.830

После того, как его последняя попытка отвоевать по меньшей мере некоторые земли в Паннонии, не увенчались успехом, Денгизич направился в Валлахию. Биттугуры и, по-видимому, другие племена покинули его и остались южнее Дуная. При каких обстоятельствах Гернач сдал Добруджу, неизвестно. Во всяком случае, остатки гуннов Аттилы не были повсюду в приграничных провинциях; иначе, их требование о месте торговли на Дунае не имело бы смысла.831

Когда Гернач, вовлеченный в споры в собственной стране предположительно с сарагури,832 отказался присоединиться к своему брату, Денгизич двинул своих собственных орд ближе к Дунаю, угрожая вторгнуться в Тракию в случае, если бы император отказался одаривать его и его народ землями и субсидиями. Насмехаясь над предложениями по переговорам Анагастеса, «которому была доверена оборона реки»,

Денгизич отправил своих послов непосредственно к императору. Лев «ответил, что он был бы с готовностью делать все эти дела, если бы они были послушны ему, поскольку он радовался людям, которые из его врагов становились его союзниками».833 На этом месте текст Прискуса прерывается.

Гордон думает, что готовность Константинополя придти к соглашению, возможно, рассчитанная на необходимость защиты своих северных границ в подготовке приближающейся экспедиции против вандалов в Африке, противоречит его бывшей позиции.834 Возможно, он прав. Тот факт, что переговоры с гуннами, в конечном счете, были сорваны, я верю, имеет другую причину. Положение было, в малых масштабах, повторением такового в 376, хотя с существенной разницей в том, что гунны, в противоположность готам, нуждались в просторных пастбищах для своих стад и табунов, а не в пахотных землях. Для того, чтобы обеспечить все это, империя должна была бы выселять крестьян из большой территории, включая многих тех готов в тракийском епархиате, в поддержке которых нуждался Аспар, шурин вождя готов Теодорика косоглазого, в течение многих лет являвшимся всесильным главным domus.

Денгизич пересек замерзший Дунай. Он, очевидно, ожидал, что гунны, находящиеся все еще к югу от реки, присоединятся к нему. Возможно, некоторые из них так и поступили. Однако, большая группа варваров действовала самостоятельно, используя шанс подкреплять свои требования оружием: Анагастес, Басиллискус, Остриc и другие генералы заперли и заблокировали готов на глухом месте. Скифы, сильно подавленные голодом и отсутствием необходимого, отправили послов к римлянам. Они сказали, что готовы сдаться, если только им дадут земли. Римляне ответили, что переправят их просьбы императору. Однако, варвары сказали, что они должны придти к соглащению немедленно; они голодали и не могли далее ждать. Римские генералы созвали совет и обещали обеспечить продовольствием до тех пор, пока не придет решение от императора, обеспеченные таким образом скифы должны были быть разделяться на столько групп, на сколько будет разделена римская армия. Таким путем римские генералы могли бы по-лучше позаботиться о них. Скифы приняли условия, доставленные их послами и повели свои вооруженные силы во многие секции, на которые были разделены римская армия. Хелхал, человек гуннской расы, генерал-лейтенант тех, кто находился в войсках Аспара, пришел к варварской орде, отведенной им. Он вызвал известных готов [logades], которые численно превосходили других, и начал свою речь с последующим эффектом: Император дал бы земли не им, а гуннам среди них. Людям, которых не заботило обработка почвы и которые, подобно волкам, нападали на готские запасы и грабили их. К самим готам относились как к рабам и их вынуждали служить гуннам, несмотря на то, что между двумя народами не было соглашения и древние предки готов оставили зарок избегать всяких союзов с гуннами. Таким образом, готы немного думали о клятвах своих предков и потери своих имуществ. Он, Хелхал, был гунном и гордился этим, но он говорил эти вещи готам во имя справедливости, чтобы те знали, что должно последовать.

Готы были весьма встревожены этим и, думая о том, что Хелхал говорил эти вещи из доброй воли по отношению к ним, напали на гуннов в своей среде и убили их. Затем, как по сигналу, состоялось большое сражение между двумям народами. Когда Аспар835 узнал об этом, он и командиры других лагерей подняли свои войска и убили варваров, которых они встречали. Когда скифы убедились в смысле коварства и предательства, они собрались вместе и пошли против римлян. Люди Аспара ожидали их и убили варварских орд, распределенных им, до последнего человека. Однако сражение не было безопасно для других генералов, поскольку варвары сражались храбро. Уцелевшие прорвались через римские формирования и вырвались из блокады.836

*Был год 467-ой. Басилискус, брат императрицы Верины, был все еще magister militum per Thraciam;837 весной 468 он был главнокомандующим экспедиционного корпуса в Африку. Данный факт бросает свет на то, что среди командующих в византийских армиях Басилискус был единственным греком. Анагастес, *Анагастс, сын Арнигискулса и Острис были, как показывают их имена, готами.238 Хелхал сохранил свое гуннское имя; очевидно, он не был крещен. Как показывает его высокий ранг, он долгое время служил в римской армии. Хелхал, возможно, один из тех гуннов, которые дезертировали к римлянам во времена Аттилы или присоединились к ним после 465.*

Тот факт, что Аспар направил большой контингент своих buccellarii против варваров, показывает их силу. Хотя римляне имели некоторый успех,839 война протянулась на дополнительных два года. В 468 большая часть армии была отправлена в Африку.

Конец пришел лишь в 469. Марселлинус Комес имеет краткое сообщение «Голова Динзика, сына Аттилы, короля гуннов, была доставлена в Константинополь».840 Chronicon Paschale сообщает более подробно: «Динзирухус, сын Аттилы, был убит Анагастесом, генералом Тракии. Его голова была доставлена в Константинополь, была пронесена через Среднюю Улицу и установлена на столбе на Деревянном Цирке. Весь город пришел смотреть на нее».841

Немногие гунны южнее Дуная, которые последовали за остроготами подобно биттугурам, постепенно потеряли свою этническую идентичность или присоединились к булгарским наездникам [Маенхен-Гельфен 2015, 195-211].

После смерти Аттилы власть в Гуннском ханстве была поделена между его сыновьями, ни один из которых не унаследовал организаторских способностей своего отца. Момент для восстания подавленных народов казался подходящим. Была сформирована коалиция германских племен, сплотившая гепидов, ругов и герулов. Остготы держались в стороне от схватки. Один из сыновей Аттилы Еллак попытался сокрушить восстание, но его силы были недостаточны для этой задачи. Его армия была разбита и сам он пал в битве (454 г.) [95]. Единство гуннов было сокрушено этим поражением. Остатки орды Еллака направились на восток от Карпат. Два оставшихся сына, Денгизик и Ернак, с их кланами сделали на время местом своих ставок Дакию и Бессарабию. Прежде жившее там племя аланов теперь должно было пересечь Дунай и двинуться в Добруджу. Это племя управлялось царем Кандаком, секретарем которого

был остгот Париа, дед историка Иордана. Кроме аланов несколько гуннских банд также проникли на правый берег Дуная и как союзники Империи получили земельные владения [96].

В последние годы правления Маркиана (ум. в 457 г.) и в первую половину царствования его преемника Льва I бразды византийской политики были в руках Аспара, отец которого был алан, а мать - готская девушка [97]. По линии своих аланских и готских связей Аспар был знаком с движением гуннских орд в Дунайском регионе. Один из его заместителей, командующий армией во Фракии - Анагаст - был "скифом", согласно свидетельству хроник [98]. К пятому веку термин "скиф" стал довольно неточным, означая в целом северного варвара. Позднее он иногда употреблялся для обозначения славян. В этом смысле он, возможно, обозначал антов. Анагаст - типичное антское имя.

Несмотря на расчленение империи Аттилы, гуннская опасность не миновала. В 468 г. Денгизик и Ернак послали своих представителей в Константинополь, с тем чтобы потребовать открытия дунайских рынков для их торговцев. Когда требование было отклонено, Денгизик пересек Дунай и вторгся во Фракию. Однако гунны потерпели поражение от войск Анагаста и сам Денгизик был убит в битве. Анагаст послал голову хана в Константинополь, где ее пронесли по главным улицам и потом закрепили на шесте в деревянном цирке [99].

Война не была окончена, поскольку гунны вторглись из Дакии. Лишь с огромным усилием Аспар и Анагаст сумели нанести поражение основному отряду орды покойного Денгизика. Ее остатки вновь пересекли Дунай и отступили на восток, следуя за Ернаком, молодым ханом, который не поддерживал своего брата в его атаке на византийские владения [100]. Важно, что из двух византийских полководцев-победителей один (Аспар) был аланом, а другой (Анагаст) антом. В свите каждого из них должны были быть сотни аланов и антов. В определенном смысле Дунайская война 468 - 469 гг. была войной аланов и антов против их бывших господ – гуннов.

Ернак, как нам известно, двинулся на восток из Бессарабии в период войны своего брата Денгизика с Византией или после него. Вероятно, что утигуры провели несколько лет на нижнем Днепре, после чего они вошли в северокрымские степи через Перекопский перешеек; они, однако, не осели в Крыму, вдвинулись через полуостров с северо-запада на юго-восток до того как достигли Боспора (Керченский пролив), который они пересекли, с тем чтобы поселиться в Азово-таманском регионе. Движение утигуров из Бессарабии к Тамани может быть расценено исторически как возвращение к их старым местам обитания, поскольку их маршрут был тот же, что и части гуннской орды, которая пересекла Керченский пролив в западном направлении по льду зимой 377 г. [110] Только теперь движение было в противоположном направлении. Весьма возможно, что во время первого, или западного, движения некоторые улусы утигуров остались в Азово-таманском регионе, так что утигуры теперь воссоединились со своими сородичами.

Кутригуры, или остатки орды Денгизика, последовали за утигурами в их восточном движении. Около конца пятого века они скитались между изгибом нижнего Днепра и

Азовским морем, контролируя также степи Северной Таврии и Крымского полуострова до Боспора. Территория, занятая кутригурами, таким образом соответствовала месту древних скифских курганов [112]. Византийские власти в Южном Крыму были взволнованы давлением кутригуров, и в 488 г. губернатор Херсонеса решил с одобрения императора Зенона реставрировать стены и башни Херсонеса, которые были разрушены землетрясением восемь лет назад [113] [Вернадский 2009, 116-118].

Восстание, похоже, подняли остготы, жившие в долине Тисы. Но это было только начало. Масштабное восстание германских народов началось под влиянием и руководством Ардариха, короля гепидов, которому Аттила доверял и которого посвящал в свои замыслы. Ардарих был больше других возмущен тем, что «со столькими племенами обращаются, как будто они находятся в состоянии презреннейшего рабства». После нескольких кровавых сражений произошла главная битва, по всей видимости, в 455 году в Паннонии у реки Недао (Недава, приток Савы), о которой повествует Иордан: «В ней можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его ране, и свева, отважно действующего дубинкой, а гунна — стрелой, и алана… с тяжелым, а герула — с легким оружием». Остготы, похоже раньше освободившиеся из-под гнета гуннов, не принимали участия в этом сражении, что стало впоследствии причиной враждебного отношения к ним со стороны гепидов. Однако гепидов поддержало большинство порабощенных гуннами народов: скиры, руги, свевы, герулы. Они сами не ожидали, что одержат полную победу, и, ликуя, утверждали, что убили 30 тысяч гуннов и их союзников, а среди них старшего сына Аттилы, Эллака, которого, как мы уже говорили, Аттила поставил управлять акацирами. Оставшиеся в живых братья сбежали через Карпаты к Черному морю, туда, где восемьдесят лет назад гунны возвестили о своем вступлении в европейскую историю, одержав победу над остготами.

Но сыновья Аттилы не собирались оставаться там навечно. Они, или некоторые из них, скоро стали возвращаться через Карпаты в долину Тисы. Они, вероятно, испытывали смертельную ненависть к остготам, которые начали восстания, закончившиеся сражением у Недао. В скором времени братья, стремясь вернуть прежнее положение, нападают на Валамера (Баламира). В политическом отношении остготы были обособлены.

Между ними и гепидами отношения были напряженные, а когда они не поддержали гепидов в сражении у Недао, то вообще остались в полном одиночестве. Гунны напали на них как «на сбежавших из-под их владычества», словно они были беглыми рабами. Валамер (Валамир, Баламир) не ожидал нападения, а потому не успел предупредить братьев. И хотя он встретил гуннов «малыми силами», но сумел одержать сокрушительную победу. Эрнак, младший, самый любимый сын Аттилы, с небольшой частью уцелевших гуннов, сбежал с поля боя. С позволения Маркиана Эрнак и его приближенные нашли убежище в «Малой Скифии», у слияния Дуная и Тисы.

Теперь что касается оставшихся гуннов. Некоторые из них вместе с другими варварами обосновались в окрестностях Кастра-Мартис, крепости, захваченной

Ульдином в 408 году. Эмнетзур и Ултзиндур, два других сына Аттилы, обосновались в Прибрежной Дакии, захватив крепости Утус, Оескус и Алмус. Не известно, когда они поселились в указанных местах; в хрониках нет информации по этому поводу, кроме утверждения Иордана, что, кроме тех, о которых уже было сказано выше, «многие из гуннов, прорываясь то тут, то там, подались тогда в Румынию; до сих пор из их числа называют сакромонтизиев и фоссатизиев». Не все гунны приходили мирным путем. В середине шестидесятых годов V века Антемий, зять Маркиана и будущий император Западной Римской империи, одержал победу над одним из гуннских отрядов. Вождя этой «бродячей толпы с земель Скифии», по словам Сидония, нашего единственного источника тех событий, «свирепого, уродливого, буйного, жестокого даже в глазах других варваров», звали Хормидак; более нам о нем ничего не известно[1].

Гунны неожиданно напали на Сердику: городские ворота не удалось вовремя закрыть, и город был захвачен гуннами. Антемий, осадив город, оказался в трудном положении; армия постоянно испытывала недостаток в пище и воде. Но положение Хормидака было не менее серьезным. Он решил завязать бой — в надежде прорвать осаду. Во время первой атаки римский военачальник, командовавший конницей Антемия, перебежал на сторону врага. Его имя не известно, но поскольку он был кавалерийский офицер, то вполне возможно, был гунном. В конечном итоге Антемий одержал победу. Он заключил мир с Хормидаком на условии, что ему выдадут предателя.

Кое-что нам известно о двух сыновьях Аттилы, Эрнаке и Денгизихе; Приск видел Эрнака во время обеда у Аттилы. Эрнак, с разрешения Маркиана, обосновался в Малой Скифии, у слияния Дуная и Тисы. Денгизих оставался в долине Тисы до тех пор, пока не услышал, что остготы напали на садагов. Тогда он решил выступить против остготов. Его поддержали три гуннских племени — ултзинзуры, биттогуры, бардоры и одно германское, враждебное готам, ангискиры. Денгизих подошел к городу Басиану в южной Паннонии. Готы были вынуждены оставить садагов в покое и бросить свои войска на гуннов. Эффект был поразительный: уцелевшие в сражении гунны «в ужасе перед оружием готов с того времени пропали»[3].

В следующий раз Денгизих появляется в конце шестидесятых годов V века. Из источников мы узнали, что в 468 (или в 469) году в Константинополь прибыло посольство от «детей Аттилы». Перед посольством стояла цель устранить разногласия между правительством Восточной Римской империи и гуннами и заключить мирный договор, чтобы гунны вновь могли торговать в пограничных городах Римской империи. Но посольство получило отказ. Император Лев I (457-474) не видел причины, по которой следовало заключать торговый договор с людьми, нанесшими столь значительный вред империи. Он «не пожелал, чтобы гунны, причинившие так много вреда его земле, пользовались имперскими торговыми уставами». Когда сыновья Аттилы узнали об отказе, как сообщает наш источник, между ними возникли разногласия. Денгизих считал, что надо объявить римлянам войну — понятно, что именно так он поступал и прежде, но Эрнак был категорически против. Он заявил, что ему достаточно войн, идущих на его территории. Тогда Денгизих начал кампанию один.

Он вышел на берег Дуная, где был встречен командующим во Фракии Анагастом, сыном того самого Арнегискла, который часто сражался с Аттилой. Анагаст послал к Денгизиху своих приближенных, чтобы спросить, по какой причине Денгизих хочет начать войну. Денгизих с презрением отправил послов Анагаста назад, а через своих послов предупредил Льва I, что если он не даст земли и денег царю и войску гуннов, то войны не миновать. Лев выслушал послов и не пожелал зачислять варваров в римскую армию. В ответ Денгизих вторгся на римскую территорию. Это была его последняя кампания. В 469 году Анагаст разгромил армию гуннов, а Денгизиха убил и послал его голову в Константинополь, где ее выставили на всеобщее обозрение. Все жители Константинополя с радостью и облегчением смотрели на голову гунна, что лишний раз доказывает, что римляне все еще опасались внезапных набегов гуннов. Судьба Эрнака не известна. Оракул, предсказавший, что Эрнак восстановит род Аттилы, как выяснилось, был не прав. Вполне возможно, что он погиб, сражаясь в качестве наемника в рядах армии Восточной Римской империи. Последний набег в V веке гунны сделали на территории в низовьях Дуная в самом начале правления императора Зенона (правил в 474–491 гг.), войскам которого не составило особого труда отбить атаку гуннов.

Основные силы гуннов оставались в низовьях Дуная во времена правления Льва I и Зенона, но они уже не грабили римские провинции; некоторые гунны, как Эрнак, пошли на службу в имперскую армию. В то время, когда был убит Денгизих, или немного раньше, мы узнаем о неком Хелхале (Келкале), командире, служившем под началом Аспара. Хелхал во время перемирия сообщил готским командирам, что империя «дает им землю, но не для их пользования, а для находящихся между ними гуннов. Ибо они [гунны], не занимаясь земледелием, подобно волкам нападают и расхищают их пищу, так что они [готы] состоят в положении рабов, трудятся для доставления им [гуннам] продовольствия». По его словам выходило, что со времен Винитария «готское племя всегда было враждебно гуннам и еще предки клялись избегать союза с ними». Сам же он, «хотя и гордится своим гуннским происхождением, но из любви к справедливости» сообщает готам о намерениях римского императора. Готы поверили его словам и бросились уничтожать гуннов. Анагаст пришел в восторг от обмана Хелхала, хотя вряд ли за это Хелхал получил повышение по службе. Скоро воюющие стороны поняли, что их борьба только на руку врагу, поэтому они опять пришли к соглашению и возобновили борьбу с имперскими силами. «Коварный обман» оказался не столь успешным, как на это надеялись Хелхал, Аспар и Анагаст.

Вскоре после сражения у Недао гунны появились на службе у западных римлян. В 457 году они вошли в состав разнородной армии, которую Майориан[4] планировал направить в Галлию и Африку.

У Майориана была причина пожалеть о том, что взял на службу гуннов; они единственные из всей многонациональной армии подняли мятеж. «Только один народ отказался повиноваться, народ, который в последнее время стал еще более диким, чем обычно, потерявший во время войны вождей, и Тульдила разжег в этой неуправляемой массе безумную жажду борьбы, за которую они платят дорогой ценой». Тульдила

германское имя, и получается, что гот подстрекал гуннов поднять мятеж. Больше мы ничего не знаем о Тульдиле, кроме последствий спровоцированного им бунта: мятежники все до одного были уничтожены [Томпсон 2016, 46-52].

Hunlar, Dengizik'in 469'da öldürülmesinden önce de siyaseten dağılmışlardı ama belli yerlerde etnik yoğunluklarını muhafaza ediyorlardı. Jordanes'ten öğrendiğimize göre, daha Atilla'nın halefi ve en büyük oğlu İlek savaşta yaralanıp öldüğünde (454) Hunlar "Gotların eskiden yaşadığı yerlere" çekilmişlerdi. Onları yenen Gepidler ise bugünkü Romanya arazisini tutmuşlardı.[1] Dolayısıyla Hunların çekildiği bölgeyi en az Bucak'a kadar götürmemiz gerekiyor. Nitekim en küçük oğul olan İrnek'in halkı gidecek yer olarak Scythia Minor'un en uzak yerlerini tercih etmişlerdi ki,[2] bunu birebir Dobruca ile eşleştirmek doğru değildir. Scythia Minor Karadeniz'in bütün kuzeybatı köşesini temsil etmelidir ve bunun en doğusunda İrnek'in Hunları vardır.

Jordanes takip eden metinlerde Hunların çekildiği yeri daha kesin ifadelerle anlatır. Hunlar durumu kabullenemeyip Doğu Gotlarına saldırdıklarında neredeyse tüm birliklerini kaybettikleri ağır bir yenilgiye uğradılar ve sağ kalanlar geri dönerek "Scythia'nın, Var adını verdikleri, Danaber ırmağı yatağındaki sınır bölgesini kazanmaya çalıştılar."[3] Bu son ifade ilginçtir; adeta sınır olarak Dnyeper'de tutunmaya çalışıyorlar, yani daha doğuya çekilme ihtimalleri vardı. Bu esnada insan kayıplarının çok fazla olduğunu tahmin etmekteyiz. Daha yenilerde gerçekleşen Atilla'nın Galya ve İtalya seferlerindeki kayıplarla birlikte düşünürsek, Hunların insan kaynağının hayli azaldığını tahmin edebiliriz.

Çekilme esnasında da gerek kayıplar, gerekse dağılma yüzünden Hun kitlesi erimeye devam etti. Bazıları geride, daha dün Atilla'nın bayrağının dalgalandığı topraklarda, Macar ovasında kalmışlardı. Bunlardan biri de Sadagar boyuydu. Bağımsızlıklarını kazanan ve Bizans'ın desteğini alan Gotlar, ellerindeki arazinin yeterli olmadığı düşüncesiyle etrafa saldırmaya başladılar ve ilk olarak Sadagarları hedeflediler. "Attila'nın oğlu olan Hun hükümdarı Dengizek[4] bunu öğrenince, hâlâ üzerlerinde hâkimiyetini sürdürmekte olduğu anlaşılan 'az sayıdaki', yani Ultzinzures[5], Angiscirler, Bittuguribler ve Bardoribleri topladı."[6] İkinci isim kuşkulu gözüküyor, diğerleri ise Türkçe ile açıklanabilecek isimlerdir. 'Az sayıdaki' vurgusu önemlidir. Zira Dengizik artık büyük ordular çıkaramamaktadır. Geride kalan soydaşlarını kurtarmak için elinden gelen tek şey, bir German kabilesini dahi dengeleyemeyecek bir orduyu ancak toplayabilmekti.

Bugün Belgrat'ın biraz batısında kalan Bassiana şehrine gelip kuşatan Dengizik, Gotlar karşısında bir kez daha yenildi. Sadagarlara ne olduğunu bilmiyoruz, Dengizik yetiştiğinde Gotlar onlarla meşguldü. Fırsattan istifade ile kaçmış, çekilen Hunlara katılmış veya daha kuzeylere çekilmiş olabilirler. Talihi olup da bu bölgede yaşayanların yüz yıl kadar sonra gelen Avarlara katıldıklarını düşünebiliriz. Onların bir kısmının Tuna boylarında yerleştikleri düşünülür.[7]

Atilla'nın oğullarının bahtsızlığı bütün Hunların korkuya kapılıp doğu yolunu tutmaları anlamına gelmedi. Örneğin Sadagarlar bulundukları bölgede hâkim idiler. Hatta kimi Hun boylarının gittikleri yerlere zorla duhul ettikleri oldu. Örneğin "İrnek'in akrabaları Emnetzur ve Ultzindur, Dacia Ripensis'de Tuna'nın kıyısında Utus ve Oescus ve Almus'u ele geçirdiler.

Sonra her yere yayılıp, Romania'nın yolunu tutular. Günümüzdeki Sacromontis ve Fossatisilerin kökünün onlara dayandığı söylenir."[8] Burada sayılan kentler Bulgaristan'ın kuzeybatı taraflarında, Tuna boylarındadır.

Jordanes'in son cümlesi onların bulundukları yerlerde etnik birimler olarak hayatta kaldıklarını da gösteriyor. Boy düzenlerinin dağılması ve yeni yapıların ortaya çıkması her göçten sonra beklenecek bir durumdur ve yeni isimler bu safhayı temsil eder. Ki, Sacromontis ve Fossatis isimlerinin yer adı kökenli etnik tanımlamalar olduğu görülmektedir. 6. yy'daki Slavlaşma dalgasının bu toplulukları nasıl etkilediğini bilmiyoruz, lakin Slav saldırganlardan çok önce Bizans'a akına başlayan Hun-Bulgarlar Aşağı Tuna boylarına geldiklerinde onlarla temasta olmuş olabilirler. Yukarıda Dengizik'in Sadagarlarla ilişkisini ve haberleşmesini düşündüğümüzde, bu bağlantı yabana atılacak cinsten değildir.

Atilla'nın ortanca oğlu Dengizik ile küçük oğlu İrnek Tuna boylarından vazgeçme niyetinde değillerdi. Bu ikinci Got yenilgisinden sonra toparlanmaya ve daha barışçıl tarzda Bizans ile ilişkileri geliştirmeye çabaladılarsa da, olumlu cevap alamadılar. Bunun üzerine Dengizik, İrnek'in muhalefetine rağmen Bizans'a saldırdı. Priskos'a göre, Dengizik barış şartı olarak imparatordan kendi adamları için toprak ve para istemiştir.[9]Bu da dikkate alınması gereken bir cümledir, zira bütün olumsuzluklara ve yenilgilere ve tüm tehlikelere rağmen Hunların bahtlarını batıda arama çabalarını gösterir. Bu aynı zamanda Hunların, en azından Dengizik'in ordasının gözünde doğuda tutunmanın daha meşakkatli oluşunu göstermektedir. Buna daha sonra geleceğiz.

Dengizik'in bu saldırısı, beklendiği üzere Aşağı Tuna boylarına değil, yine Orta Tuna bölgesi üzerinedir. Dolayısıyla Gotların Erdel ve Eflak bölgesindeki egemenliklerinin sıkı olmadığını düşünebiliriz. Hunların da çok ümitsiz bir durumda olmadığı tahmin edilebilir. 466-467 kışında Tuna'yı güneye geçen Dengizik, çeşitli harekât, kuşatma ve haberleşmelerle iki yıl kadar buralarda dolaşır. Özellikle kuşatılan Sofya'ya yardıma gelen Bizans kuvvetlerini yenmesinin kendisini rahatlattığı anlaşılıyor. Ancak 469 senesinde Bizans'ın Trakya bölge komutanı Anagastes ile yaptığı savaşta hayatını kaybetti. Onun yanındaki Hunların dağıldığı ve Bizans'a tabi olduğu bildiriliyor.[10]Böylece, şu veya bu şekilde, Tuna'nın güneyindeki bölgede kavle alınacak sayıda Hun'un toplandığını kestiriyoruz ki, Bulgar akınları döneminde bunların rolünün olmadığını düşünmek yersiz olur.

İrnek'in Dengizik'e muhalefeti, Priskos'un belirttiği üzere iç sorunlar sebebiyledir; "Dengizik… Romalılarla savaşa girmek istiyordu. Bu karara İrnek, dâhili karışıklığı savaştan başka yana çekmek gayesiyle karşı çıkıyordu."[11] Bu gaile, ülkenin doğusundaki bir savaş hali olarak gösterilmiştir.[12] Bu savaş halinin bağlı boylar ve halkların isyanı olarak tahmin edilmesi mümkündür, ama 463 civarından itibaren Hunların yönettiği bölge doğudan gelen yeni bir topluluğun tazyikine girmişti. Bunun haberini yine Priskos vermektedir:

"Aşağı yukarı bu sıralarda Saragur, Urog (Ogur) ve Onogurlar Doğu Romalılara elçiler gönderdiler. Bu kavimler Sabirlerle yapılan harp neticesinde meskûn oldukları yerlerden çıkartılmışlardı ve komşu ülkelerin topraklarını istila etmişlerdi. Sabirleri Abarlar püskürtmüşlerdi. Abarları ise okyanus kıyısında oturan ve bir yerden denizden yükselen büyük buharlarla sislerin, diğer taraftan şimdiye kadar duyulmamış pek çok yırtıcı kuşun (grifon)

yaklaşmasından kaçan kavimler vatanlarından çıkartmışlardı ki, bu yırtıcı kuşların insan soyunu yiyip bitirmeden yok olmayacakları söylentisi vardı ve insanları paralıyorlardı. Bu felaketler neticesi hareketlenerek komşu ülkelere hücum ettiler. Bütün bu kavimler, hücumun şiddetinden dolayı mukavemet edemeden bulundukları yerleri terk edip kaçıyorlardı. Öyle ki, yeni bir yurt arayan Saragurlar ilerlediler ve Akatir Hunlarına rastladılar. Onları harple yenerek tabi kıldılar ve özellikle Romalıların dostluğunu kazanmak maksadıyla elçiler yolladılar. İmparator elçileri kabul etti ve hediyelerle memnun ederek geri gönderdi."[13]

Saragurlar, yine Priskos'a göre, birkaç yıl sonra Güney Kafkaslarda İran'a karşı Bizans müttefiki olarak faaliyette bulunurlar, bu arada Ermenistan ve Gürcistan'da biraz yağma yaptıktan sonra çekilirler.[14] Bunu halkın göçünü de içeren kapsamlı bir harekât olarak alırsak, bugünkü Ukrayna arazisinin batısında yerleşmiş gözüken Akatiri (Ağaçeri?) boyuna saldırılarını açıklamak zor gözüküyor. Veya Akatir halkını biraz daha doğuya taşımak gerekecektir. Bu haberi dikkatli sorgulamalıyız. Büyükçe bir makale boyutunda yer işgal edecek bu tartışmanın ayrıntılarına girmeden konunun özüne döneceğiz. İster Akatir halkı, isterse onlardan oluşan askeri birlikler olsun, Hun mülkü doğudan saldırıya uğramıştır ve bu saldırıyı göğüsleme görevi İrnek'tedir. Sonraki coğrafi tanımlamalar Oğurların o yıllarda Don nehrinin batısına geçemediklerini göstermektedir. Hunlar ise Dnyeper'in batısında sadece ve sadece tutunmaya çalışıyorlardı. Dolayısıyla Karadeniz'in kuzeyindeki düzlükleri ve Kafkasların kuzey eteklerini Hunlar ile bağlılarının sıkıştıkları arazi olarak görebiliriz. Bunu takip eden zaman dilimi için toplu coğrafi yerleştirme yapan tek bir kaynağımız var. Jordanes iki müteakip paragrafta şunları anlatır:

"Bunun dışında; sel gibi akan Vistula Nehri'nin sularını boşalttığı üç ağzının yer aldığı okyanus kıyılarında, pek çok kabileyi uhdesinde toplamış bir halk olan Vidivariuslar yaşarlar. Keza onların ötesinde diğer bir kavim Aestler okyanusun kıyısını tutarlar. Güneyde tarım yapmasını bilmeyen, koyun sürüleri ve avcılıkla geçinen çok cesur bir kabile olan Acatzirler yaşarlar. Daha uzağı ve Karadeniz'in yukarı kısımları, ihmalimiz nedeniyle maruz bıraktıkları felaketlerle ünlü olan Bulgarların yurtlarıdır. Yiğit kabilelerin bereketli kökü olan Hunlar; bu coğrafyadan, iki kalabalık topluluğa iki tomurcuk verdiler. Bu tomurcuklardan biri Altziagirler ve diğeri Savirlerdir. Onlar farklı yerlerde meskûn olmuşlardır. Altziagirler, para canlısı tüccarların Asia'nın mallarını getirdiği Chersona yakınlarını ele geçirmişlerdir. Yazları egemenlikleri altındaki engin düzlüklerdeki sığırları için otlak olabilecek her yer onları çeker, kışları ise Karadeniz'in ötesine geri dönerek hayvanlarını otlatırlar. Şimdi biliyoruz ki, Hunugurlar sansar derisi ticareti yaparlar. Fakat kendilerinden daha cesur olan komşularından sinmişlerdir."[15] [Karatay 2016b, 1-4].

Одним из военачальников, сражавшихся против бургундов, был Авит, будущий император Западной Римской империи. После кампании он удалился в свое имение близ Клермон-Феррана. Но вскоре его отдых был грубо прерван. Литорий, полководец Аэция, торопливо проехал мимо имения будущего императора по пути в Нарбон. Этот город осаждали вестготы Теодориха I, которые воспользовались проблемами Аэция с бургундами в Белгике. Армия Литория, состоявшая из гуннов (по всей видимости, их направил Руа), вела себя так, словно они были не друзьями, а врагами римлян. Огнем и

мечом они разрушали все, что попадалось на их пути; они грабили и убивали. Проезжая мимо имения Авита, один из них без всякой на то причины зарубил слугу Авита. Обитатели поместья пришли в ужас от известия о подходе союзников и бросились к Авиту, занятому работами по укреплению имения. Авит надел доспехи, сел на коня, поскакал за войском Литория и в поединке отомстил за убитого слугу. Литорий добрался до Нарбона. Гунны отогнали вестготов, а поскольку по приказу каждый из них вез по два бушеля (1 английский бушель равен около 36,3 л, в переводе на зерно — 28,6 кг пшеницы или 25,4 кг ячменя. — Ред.) зерна, голодающий город с облегчением вздохнул. В последующие годы Литорий со своей гуннской армией продолжал борьбу с вестготами. По нашим сведениям, в 437 году продолжилась война «с помощью гуннов». 438 год тоже отмечен победами римлян, и, хотя о гуннах не говорится ни слова, у нас не должно быть сомнений, что эти победы можно отнести на их счет. В тот год Аэций уничтожил 8 тысяч готов, но мы не имеем никакой информации относительно национального состава возглавляемой им армии. В 439 году гунны Литория осадили столицу Теодориха, Тулузу. Потери, понесенные в течение предыдущих трех лет, лишили готов мужества. Они направили к Литорию в качестве послов несколько епископов, чтобы обсудить условия, но, по словам современника, «когда они возлагали надежды на Бога, мы полагались на гуннов». Победоносный Литорий, стремившийся затмить славу Аэция, высокомерно отклонил их предложения. За городскими стенами он пошел на уступку своим воинам-язычникам: последний раз в римской истории римский полководец участвовал в древнем обряде жертвоприношения и общался с предсказателями относительно исхода предстоящего сражения. Но языческие боги подвели его. Завязался бой. Вначале вестготы понесли страшные потери от гуннов, но в разгар битвы противник взял в плен Литория. Это решило исход дела; гунны были разбиты. Литория доставили в Тулузу и казнили. «Кто бы ни возвеличивал себя, — цитирует Евангелие от Луки историк V века Сальвиан, — будет унижен, и кто бы ни унижался, будет вознесен». Спустя несколько месяцев прибыл Аэций и вступил в сражение с выдохшимися вестготами. Затем Авит заключил мир между римлянами и готами и патрицием вернулся в Италию, чтобы столкнуться с еще большими проблемами.

В любом случае мы не можем предполагать, что нападение гуннов на Вестготское королевство было простым желанием оказать услугу Валентиниану III или королю вандалов и аланов Гейзериху. Не в обычаях гуннов было подвергать опасности свое положение в Европе только ради того, чтобы угодить чужеземцам. О реальной причине их кампании можно только догадываться. Следует добавить, что еще до начала наступления отношения гуннов с двором Западной Римской империи претерпели изменения. Выработав план нападения на Тулузу и получив поддержку Гейзериха, Аттила (примерно в то время, когда вел переговоры с Анатолием и Номом) послал сообщение Валентиниану III, заверив его, что не в обиде на западных римлян (Аэция он не упоминал), а его кампания направлена только против вестготов. Одновременно он предложил королю вестготов Теодориху I (павшему в 451 г. в битве на Каталаунских

полях. — Ред.) растогнуть договор с Западной Римской империей, который в 439 году заключил Авит. Сейчас самое время поговорить о Юсте Грате Гонории.

Когда все произошло, бремя войны целиком легло на плечи вестготов. На протяжении двадцати лет Аэций испытывал к ним такую враждебность, что им не приходилось надеяться на помощь с его стороны, да они и не хотели принимать от него помощь. Теодорих встретил известие о подходе Аттилы с удивительным мужеством, и, «хотя ему доносили о его победах над разными народами», он уверенно отвечал, что готы умеют сражаться. Теперь перед Аэцием стояла двойная задача. Сначала он должен был уговорить Теодориха забыть о политике двух последних десятилетий и объединить силы с Западным Римом. После этого Аэций должен был уговорить короля расширить область боевых действий. Готы упорно ждали прихода Аттилы в своей стране; они думали только о том, как защитить свое королевство. В отличие от вестготов Аэций думал о спасении всей Галлии. Поэтому он должен был убедить Теодориха двинуться на север и вступить в бой с Аттилой по возможности ближе к границе. Но не могло быть и речи о том, чтобы самому договариваться с Теодорихом; только Авиту удалось в 439 году уговорить Теодориха подписать мирное соглашение между готами и римлянами, и, возможно, он опять смог бы это сделать. Будущий император отправляется в путь с письмом от Валентиниана и успешно решает возложенную на него задачу. Теодорих соглашается объединить свои силы с человеком, с которым всю жизнь воевал, а Аэций готовится отразить атаку Аттилы, с которым всю жизнь дружил.

Но было уже слишком поздно. Города Галлии уже были объяты огнем, когда Аэций выезжал из Италии. «Аттила со своими внушающими ужас конными массами распространился по равнинам Бельгии, а Аэций потихоньку выскользнул из Италии во главе малочисленной армии без легионеров». Его позиции сильно ослабил голод, свирепствовавший в те месяцы в Италии. Голод, конечно, не помешал Аэцию в проведении переговоров, но усложнил задачу формирования армии. Аэцию удалось собрать всего лишь несколько вспомогательных подразделений, и когда он, наконец, соединился с вестготами Теодориха — по всей видимости, в конце апреля или начале мая, — то двинулся в северном направлении, чтобы встретить врага во главе невероятно разнородной армии. В нашем распоряжении есть перечень народов, составленный Иорданом, воины которых входили в состав армии Аэция. Абсолютно неизвестные нам литицианы и олибрионы. Бургунды, которых Аэций в 443 году после разгрома Бургундского королевства его гуннами поселил в Савойе, теперь сражались за своего завоевателя, в то время как их сородичи, восточные бургунды, находились в армии Аттилы. В этой армии были и рипуарские франки — по-видимому, многие из них сбежали в Галлию после того, как Аттила напал на них на ранней стадии кампании. Под сарматами Иордана мы понимаем аланов, чье наступление на багаудов отменили из-за вмешательства епископа Осера, и мы еще увидим, что их поведение было более чем неоднозначным. В списке Иордана есть еще два названия. Саксы, возможно уже создавшие несколько поселений севернее Луары и получившие признание римского правительства, также пришли на помощь Аэцию. Последнее название вызывает удивление — это

арморикaнцы (жители Бретани. — Ред.). Как они могли сражаться за своего старого врага Аэция против человека, к которому в 448 году в поисках убежища сбежал Евдоксий? Мы ничего об этом не знаем и даже не можем выдвинуть ни одного предположения. Единственным источником информации, абсолютно не заслуживающим доверия, является замечание Сидония, что их уговорил Авит. Относительно состава этой разношерстной армии не возникает никаких вопросов (не считая, естественно, арморикaнцев) [Томпсон 2016, 16-36].

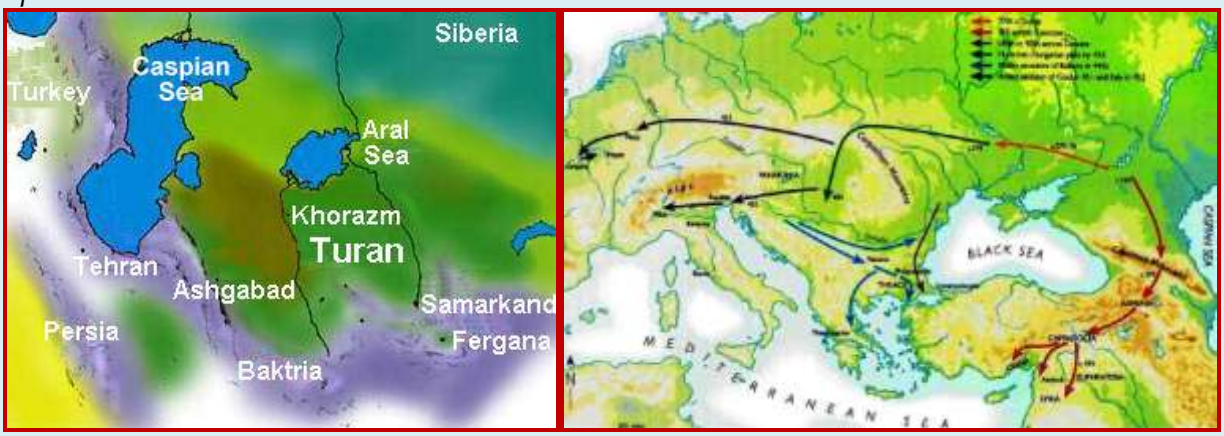
Разбивайки българите на Балканите и излагайки в столицата си за всенародно поругание кървавата отрязана глава на хан Денгиз, ромеите напразно си въобразяват, че са отмъстени за всичко сторено им от неговия баща и че този варварски народ никога повече няма да се появи по техните земи. Всъщност, оцелели и съхранили се като цяло от тази невъобразима касапница, по-голямата част от крайдунавските български родове и племена, с цялото си имущество и добитък, много от тях под ръководството на нови старейшини и ханове, съвсем спокойно и организирано се изтеглят отвъд Днепър, а впоследствие и отвъд Урал. Именно поради това в сегашната Пермска област, в погребението на прабългарски хан първи или втори наследник на хан Денгиз, е намерено и неговото блюдо за хранене с уникално-безценен хорезмографичен надпис на автентичен прабългарски език [срв. Kameneva 2016, 1-3].

Надписът на княз Денгиз е нанесен върху изящно изработено от позлатено сребро в сасанидо-персийски стил блюдо за хранене. Видно особено добре от тъждеството на поместените непосредствено след надписа ефталитски тамги, това блюдо за хранене князът най-вероятно получава като подарък от някой ефталитски княз от областта на Хорезъм по времето, когато е на Кавказ, защото е много добре известно, че Атила обикновено практикува да изпраща за известно време някой от синовете си там с изпълнението на конкретна задача или пък за да надзирава подвластните му племена (Приск-а). И като втора, макар и много по-малко вероятна възможност, Атила назначава княз Денгиз за главнокомандващ на българската войска при планирания от него боен поход към Източна Мала Азия и Предна Азия, каквито тя е провеждала и преди това (Захария) и които доста опустошителни и със сериозни политически последици, походи (О. Маенхен-Гельфен; A. Taşağıl), кой знае защо, от някои изследователи се квалифицират единствено и само като най-обикновени разбойнически набези (P. Golden). В този надпис княз Денгиз е титулован чрез китайската по произход прабългарска титл. **küŋ* „княз" от сркит. *kün*, съвр. *jūn* „государь, владетельный князь, сюзерен, глава, правитель, владыка" [Шервашидзе 2015, 64, вж. и срв. Ramstedt 2015, 67]:

На следующий день я пришел ко двору Аттилы с дарами для его жены, по имени Креки; от нее он имел троих детей, из которых старший стоял во главе акатиров и прочих народов, живших в припонтийской Скифии.

Стремясь достигнуть еще большего сверх существующего и увеличить свои владения, он желает двинуться даже в Персию. Когда кто-то из нас спросил, каким

путем может он притти в Персию, Ромул сказал, что Мидия находится не на большом расстоянии от Скифии и что уннам не безызвестен этот путь, так как они уже давно делали вторжение в Мидию, когда их родина была застигнута голодом и римляне не оказали им сопротивления вследствие случившейся тогда другой войны. Таким образом пришли тогда в Мидию Басих и Курсих из племени царских скифов, предводители больших скопищ народа, впоследствии прибывшие в Рим для заключения военного союза [71]. Перешедшие говорили тогда, что они прошли пустынную страну, переправились через озеро, которое Ромул считал Меотидой, и через пятнадцать дней пути, перевалив через какие-то горы, вступили в Мидию [72]. Пока они опустошали страну своими набегами, выступившие против них полчища персов наполнили стрелами разлитое над ними воздушное пространство, так что унны из страха перед наступившей опасностью обратились вспять и перевалили через горы с небольшой добычей, так как большая часть ее была отнята мидянами. Опасаясь преследования со стороны неприятелей, они повернули на другую дорогу и после пламени, поднимавшегося из подводной скалы [73], отправившись оттуда [74]... дней пути прибыли на родину. Так и узнали они, что Мидия находится не на большом расстоянии от Скифии [75]. Итак, Аттила в случае желания пойти на нее походом не понесет больших трудов и не совершит длинного пути, так что покорит и мидян, и парфян, и персов и принудит их к уплате дани; ибо он располагает воинской силой, против которой не устоит ни один народ.



Онигисий в это время был послан с старшим сыном Аттилы [51] к Акацирам [52], народу Скифскому, покорившемуся Аттиле по следующей причине:

В Акацирском народе было много князей в родоначальников которым царь Феодосий посылал дары, для того, чтоб они, быв между собою в согласии, отказывались от союза с Аттилою, и держались союза с Римлянами. Тот, кому были поручены эти подарки, роздал их каждому князю не по достоинству. Куридах, главный между ними по власти, получив подарки, следовавшие второму по нем, почитал себя обиженным в лишенным должной ему награды. Он звал к себе на помощь Аттилу против других соначальников. Аттила послал к нему немедленно многочисленное войско. Одни из князей Акацирских были этим войском истреблены, другие принуждены покориться [Приск-а, 7-8,11-12].

*Это было в девятом [году], а в десятом множество гуннов пришло в ромейские области; они перебили тех, что нашли вне городов. Они перешли реку Евфрат и достигли области Антиохии. Итак, по усмотрению Божию, как сказано: "Народ мой, иди в твою горницу и спрячься, пока не пройдет гнев мой"; [Исаия, 26*20*] так собрались и верующие Востока по приказу императора. Но Иоханан, отшельник из Анастасии, муж почтенного нрава, был убит гуннами в пустыне, а Шемон отшельник, называемый рогатым, не был тронут* [Захария, 12].

And, soon after they had withdrawn and Martyropolis had been freed from blockade, and the Roman army had returned, the Huns,[31] *who had been hired by the Persians, arrived. This great people suddenly attacked the territory of the Romans, and massacred and slew many of the tillers of the soil, and burned villages and their churches; and they crossed the Euphrates and advanced as far as Antioch; and no one stood before them or did them any harm except only the same Bessa, the duke of Martyropolis, who fell upon a detachment of them during their retreat and killed them, and captured about five hundred horses and much spoil; and the man became rich. And at the fortress of Citharizon the duke there repulsed a party of them, consisting of about four hundred men, and captured their baggage-animals* [Zachariah, 120].

Летом 395 крупные орды гуннов пересекли Дон около его устья, повернули на юго-восток и вторглись через Кавказ в Персию и римские провинции к югу и юго-западу от Армении. Одна группа опустошила страны к югу и западу от Анти-Тауруса. Когда они пересекали Евфрат, римляне атаковали их и уничтожили. Другая группа, ведомая Басичем и Курсихом, направилась по долинам Тигра и Евфрата до Стесифона. После сообщения, что персидская армия идет против них, они повернули обратно и были перехвачены. Одна банда была уничтожена; другая, оставляя за собой своих пленников, бежала в Азербайджан и взяла направление через Каспийские ворота в степи. Третья группа опустошила восточную Малую Азию и Сирию.

В следующем году Восток трепетал от страха, что гунны, в это время как союзники персиян, возвратятся назад. Однако опасность миновала, возможно, потому, что римляне заключили соглашение с персиянами. Когда в 397 несколько гуннских орд вторглись еще раз в римскую Армению, они легко были повернуты назад. Причиной вторжения должен был быть, наступивший голод в стране гуннов Действительно, они угнали с собой столько стад рогатого скота, сколько только смогли. Однако, прежде всего они взяли с собой много тысяч пленников. Рейд становился гигантской охотой за рабами.

Если верить Клаудиану, гунны пересекли Кавказ через Caspia claustra,197 дарьялское ущелье; он добавляет: «inopino tramite, «ущелье, где их не ожидали,»198 поскольку северные варвары приходили, как правило, через ущелье Дербента.199 Трудно определить, насколько глубоко гунны проникли в Малую Азию, Сирию и западную Персию. Сократ, Созомен и другие сириакские источники описывают театр войны в общих чертах: Армения и другие провинции Востока; Сирия и Капподокия; вся Сирия. В своем комментарии о Эзекиел 38:10-12200 201 , возможно, написанном до 435 ,Теодорет хочет доказать, что Гог и Магог, которых идентифицируют как скифских людей, живут

недалеко от Палестины. Он напоминает своим читателям, что «в наше время весь Восток окупирован ими». Скифами, как и у Джерома, были гунны. Они начали войны против фиригийцев, галацийцев, иберийцев и эфиопов.

Вторжение в Азию было эпизодом в истории гуннов, хотя и одним из важных. Три вывода могут быть получены из него. Во-первых, оно показывает, что гунны были способны преодолевать большие расстояния за одну кампанию, факт, который был упущен в исторической интерпретации отдельных гуннских находок. Во-вторых, гунны увели много молодых людей, «молодежь Сирии»207, в плен. Хотя и предполагалось, но не оставляющее сомнения свидетельство текстов особенно приятно. В-третьих, имеется несколько строк у Теодорета, которые, как и весь текст, были проигнорированы исследователями гуннов. Согласно Теодорету, много народу в регионах, захваченных гуннами, присоединилось к ним. Некоторых вынудили; мы можем предполагать, что они должны были выполнять рабскую повинность, собирая горючий материал, делая много неприятной работы в домашнем хозяйстве гуннов высшего класса и так далее. Однако, другие перешли к гуннам и воевали добровольно в их рядах [Маенхен-Гельфен 2015, 72-80].

In 395, spurred on by famine in the steppe, the Huns came through the Caucasus and raided Anatolia and Iran [Golden 2016a, 69].

Roma imparatoru Teodosius'un ölüm yılı olan 395'te Hunlar yeniden harekete geçtiler. Akın iki yönde gelişti: Hunlardan bir kısmı Balkanlardan Trakya'ya giderken başka bir kolu da Kafkaslar üzerinden Anadolu'ya indiler. Hun Devleti'nin doğu kanadı tarafından düzenlenen bu Anadolu akını Basık ve Kursık adlı iki başbuğ tarafından idare ediliyordu. Bu sefer esnasında Romalılar kadar Sasanîler de telaşlanmışlardı. Hun süvarileri Erzurum, Karasu, Fırat vadileri boyunca ilerleyerek Çukurova'ya ulaştılar. Edessa (Urfa) ile Antiocheia (Antakya)'yı kuşatıp Suriye'ye giderek Kudüs'e kadar uzanmayı başardılar. Sonra aniden kuzeye dönen Hun ordusu Kayseri-Ankara istikametiyle Bakü'ye ulaşıp geldikleri yere geri döndü. 395-396 da meydana gelen bu akınların tarihte Türklerin bilinen ilk Anadolu seferi olarak kabul edilmesi de söz konusudur. Üç yıl sonra tekrarlanan bahsettiğimiz akınlar karşısında Bizans Imparatoru Arkadius'un hiçbir şey yapamadığı bilinmektedir [Taşağıl 2016a, 250].

Блюдо "Варахран на охоте"

(Конец IV-начало V в. Серебро, позолота; Диаметр 28 см)

Царевич Варахран изображенный согласно традиции в парадном одеянии и в короне, которую венчают бараньи рога - символ царской предназначенности, изображен в самый острый момент охоты. Пытаясь удержаться на вздыбившемся коне, он поражает внезапно выскочившего из камышовых зарослей вепря, олицетворяющего в зороастрийской символике божество победы. Но в общем впечатлении захватывающего остротой эпизода охоты символические аспекты темы прослеживаются не столь явно (Надпис под блюдото в Ермитажа).

Блюдо 53. Обнаружено в 1893 году в дер. Керчев Чердынского уезда Пермской губернии. Позолоченное серебро, диаметр 28 см.

На внутренней стороне блюда - классическое изображение царя на коне, рубящего прямым мечом нападавшего на него вепря. На голове царя - корона в виде рогов барана. Над рогами расположен круг (солнце). Лицо царя бородатое, усы скручены наверх, а на правом видимом ухе - серьга.

На обратной стороне блюда помещена напоминающая Хорезмийскую, но отличающаяся от нее в деталях тамга. Далее великолепным почерком и грамотно выгравирована Туранская надпись.

Рис. 11. Блюдо с надписью с именем Диггизиха.

Транслитерация: Kinkeg Dikkiz ükü kessä Kiji sax sax saxynil gür Tänrig

Перевод: Удара короля Диккиза Мудрого остерегайся! Отступись к богу загробного мира!

Хотя надпись выгравирована отличным почерком, но оказалась самой трудной для воспроизведения и перевода. Дело в том, что, в целом, надписи вышеуказанных сосудов религиозного характера и в какой-то мере идентичны, а надпись сосуда 53 по содержанию резко отличается от них и в этом смысле является совершенно уникальной.

Во-вторых, судя по особенностям графики и оформления слов, не говоря уже о наличии в надписи имени царя Диккиза - сына правителя государства "Скифии и Германии" Аттилы, надпись относится к языку западных Гуннов.

Первое слово - титул "король" в отличие от легенд Туранских монет, где оно начеканено в форме кингу, в надписи чаши выгравировано как кинк - с буквой к в конце, а слово в целом оканчивается на согласный г, который является показателем формы винительного падежа, т.е. слово переводится как 'короля'.

Первая буква второго слова - имени Диккиз - является своеобразной. Это междузубная д, напоминающая по произношению как д, так и букву с Туранского алфавита. Увидевший своими глазами Аттилу и его сыновей Византиец Приск Понийский (Priscus from Panium) в своих путевых заметках приводит имя второго сына Аттилы как Диггизих.

Третье слово ики - в древне-Тюркском языке уга - означает 'мудрый', следовательно в данном случае это слово является титулом. Приводимое Приском имя сына Аттилы в форме Диггизих, включало, видимо, и титул.

Четвертое слово кисер - 'разрубит' - имеет в конце уменьшительно-выделительную частицу кийа, которая придает данному слову значение 'особый' или 'любимый' удар мечом.

В словаре М. Кашгари сак сок (в надписи чаши сох сох) переводится как 'будь бдителен!', 'остерегайся!'. Некоторое оглушение согласных букв объясняется особенностью языка Гуннов.

Следующее, шестое слово надписи схныл можно читать как сахыныл и как сыхыныл (сохыныл), но в зависимости от перестановки гласных букв а или ы (о) меняется значение данного слова. Судя по содержанию, второй вариант более соответствует смыслу надписи. В древне-Тюркском языке сык или сок означает 'теснить' (в бою) или

‘всунуть’ куда-нибудь. Слово сыхыныл с окончанием страдательного залога можно перевести: ‘будь вытесненным’ или ‘будь всунутым’. Последнее словосочетание гур тенгрига означает ‘к Богу загробного мира’.

Надпись на чаше 53 по содержанию несколько напоминает речь Аттилы, произнесенную им в июне 451 г. перед Каталунской битвой. Подбадривая Гуннов и подчиненных ему Готских воинов в схватке с Римскими легионерами, он завершил свою речь словами, что первым ударит по врагу сам и что, если при его ударе еще кто-то спокойно стоит на месте (не бежит), считай, что он погребен (в загробном мире) [Иордан, 1960, 238] [Мухамадиев 2015, 41-43].

Както пише А. Мухамадиев [2004], блюдото от позлатено сребро на хан Денгизих с диаметър 28 см е намерено през 1893 г. в с. Керчев, Чердински уезд, Пермска губерния. От вътрешната му страна е изобразен цар на кон, който пробожда с прав меч връхлитащ глиган, главата на царя е увенчана с корона като рога на овен, над тях има кръг, който трябва да символизира Слънцето, лицето на Царя е с брада, мустаците му са завити нагоре, на дясното ухо, което се вижда, има обеца.

Към така направеното описание, ние пък, изучавайки по-внимателно-подробно Изображението от снимката на Блюдото в Интернет, смятаме за необходимо да добавим още и това, че според лицевите си черти, антропологически, Царят е средноазиатски европеид, т.е. иранец с тясно-продълговато лице и дълга остра в края брада; косата му, отзад под короната, но по-скоро висока конусообразна шапка, известна в иранистиката и тюркологията като кюляф, тур. külâh, е почти във вид на топка, на кръста си има много къса поличка, не може да се разбере дали е с панталони, но ако има такива, те трябва да са много тесни и прилепнали; десният му крак е рязко прегънат в коляното и с горната част на ходилото лежи върху задницата на коня; конят му е придаден отзад-отдясно с извита надясно глава с добре очертани ремъци на юздата, приклекнал на задните си крака сякаш, за да посрещне тежестта от момента на пробождането на глигана, опашката на коня е сплетена във вид на къса, тумбеста шишарка, палдъмът, подопашникът му в частта си върху задния десен хълбок си личи много добре, широк кожен колан с тесен кант в горния край, от който висят наредени една до друга крушообразни фигурки и други детайли, които в определен момент и в конкретен аспект също така може да се окажат достатъчно съществени и значими.

На дъното на блюдото има тамга, която напомня хорезмийските, но се отличава от тях в детайлите, и след това с великолепен почерк и много квалифицирано е изгравиран “туранski надпис”, който се отнася за “езика на западните хуни”(!?) – “надпись относится к языку западных гуннов” и в него го има името, но по-добре в оригинал: “не говоря уже о наличии в надписи имени царя Диккиза - сына правителя государства “Скифии и Германии” Аттилы”.

Тъкмо този рунически надпис тук се транскрибира най-напред като “kiŋkeg dikkiz ükü kessä - kijü sax sax saxyŋil gür täŋrig”, където с по-малки букви са посочени липсващите в руническия надпис, но тук възстановени знаци, и едва след това в процеса и в резултат на анализ, за който се привличат думи и от други тюркски езици, както

и културно-исторически сведения и данни, колко странно, се прави и превод на отделните думи и словосъчетания от текста на Надписа, но на откъснато-отделни части и без да се предлага какъвто и да е сводно-обобщителен текст(!?), именно поради което и ние изваждаме и привеждаме от отделните абзаци следния доста необичайно-неортодоксален и надали изобщо разбираем "превод": 'короля'-'Диккиз'-'разрубит'-'особый' или 'любимый удар мечом'-'будь бдителен!' или 'остерегайся!'-'будь вытесненным' или 'будь всунутым'-'к Богу загробного мира'(!??).

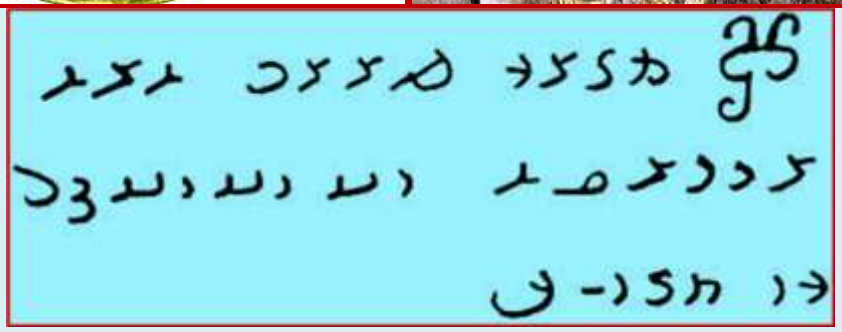
Без да имаме сега възможност да анализираме и преценяваме поотделно и докрай основанията и аргументите на това много странно творение, което трябва да наричаме още и "превод", посредством конкретен критичен анализ с помощта на необходимите и достатъчни културно-исторически и лингвистически сведения и данни и по този начин да посочваме и неволно, да се надяваме, допуснатите груби грешки, нека все пак да обърнем внимание, че никак не може да се приеме за издържан от каквато и да е гледна точка пасажът "Третье слово ики - в древнетюркском языке ука - означает 'мудрый', следовательно в данном случае это слово является титулом. Приводимое Приском имя сына Аттилы в форме Диггизих, включало, видимо, и титул", защото главно и основно прилагателното име определение никога и нито в "древнотюркския език", нито пък в съвременните тюркски езици не може да се разполага след определяемото собствено име, това не е индоевропейският френски език, пък не са дори и славянските езици, затова няма никакви основания в "думата ики" да се търси или от там да се изважда "прилагателното име ука "мудрый".

*Ние не си спомняме дали Приск се среща или вижда Денгизих, на "приема" при Атила, той повече от сигурно вижда Ернак и дори и разпитва за него, но ако и в онези части от неговата хроника, които в момента на нас не са ни достъпни, въпросното име е изписано с два пъти гама, каквито изписвания вече сме виждали в други източници, то тъкмо това повторение обозначава ни повече, ни по-малко назализирания зв. **ŋ,** така че и за нас Името трябва да се транскрибира като Денгиз, поради характерната за прабългарския език редукция на първата гласна, възможно също и като Дингиз, но независимо от това и във всички случаи за нас ще си остане много-много голяма загадка на каква база авторът заключава, че "имя сына Аттилы в форме Диггизих, включало, видимо, и титул"(!??) [1-7].*

Не само поради това ние си позволяваме да внесем някои поправки и добавки в така изведената от оригиналния рунически надпис транскрипция, в резултат на което според нас този надпис в използваната тук латинизирана графика трябва да получи вида Kiŋkeg Dengiz jikü käse! Kijü, čox-čox saxyŋil, gür Täŋrig!

Съответно на тази транскрипция и в рамките и на основата най-напред на тюркските езици по принцип, централно-водещ компонент сред които за нас като най-близки и познати, са старият огузски език и новият турски език, и на болгарските езици и диалекти в частност, един от които е и прабългарският език, но по-точно, южнодунавският диалект, а може би диалекти на Аспаруховите българи, Надписът

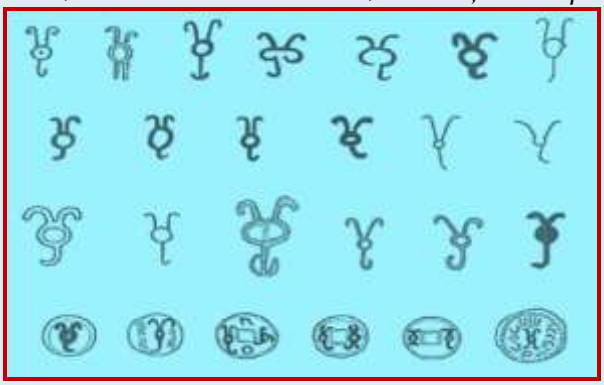
задължително получава следния превод на български език, а именно [Добрев 2005, 406-408].



Küŋeg Dengiz jükü käse! Kijü, sax-sax saxyngil, gür Täŋrig!

Блюдото, от което да се храни княз Денгиз!

Човече, бой се много от Него, могъщ е Тангра!



Ефталитски тамги

(по А. Курбанов)

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

ЦИТИРАНА ЛИТЕРАТУРА

Ангелов Ив., Според карта от 1930 г. гробът на Аспарух се намира в двора на руски завод. Интернет, 2015.

Ангелова Е., Сарматски елементи в езическите некрополи от Североизточна България и Северна Добруджа. Интернет, 2006.

Арсал С. М., Тюркская история и право. Интернет, 2008.

Атила. – Уикипедия. Интернет, 2016.

Аттила. - Википедия. Интернет, 2015.

Ахундова Н. Ч., Р. А. Гусейн-заде, Кавказ и великие тюркские империи. Интернет, 2015.

Байчоров С. Я., Древнетюркские рунические памятники Европы. Отношение северокавказского ареала древнетюркской письменности к волго-донскому и дунайскому ареалам. Ставрополь, 1989.

Бакалов Г., Средновековният български владетел (титулатура и инсигнии). София, 1995.

Бартольд В. В., Работы по исторической географии. Интернет, 2014.

Баскаков Н. А., Введение в изучение тюркских языков. Москва, 1969.

~*~К проблеме китайских заимствований в тюркских языках. Интернет, 2010.

~*~К вопросу о классификации тюркских языков. Интернет, 2012.

Бахрах Б. С., История алан на Западе. Интернет, 2006.

Бекбалаев А. А., Аттила – предок кыргызов. Интернет, 2012.

Бернштам А. Н., Очерк истории гуннов. Интернет, 2012.

Бешевлиев В., Първобългари. София, 1984.

~*~Прабългарски епиграфски паметници. Интернет, 2009.

~*~Ирански елементи у първобългарите. Интернет, 2010.

~*~Кубрат. Интернет, 2015.

~*~Първобългарски надписи. Интернет, 2015а.

Битва на Каталаунских полях. - Википедия. Интернет, 2015.

Бойс М., Зороастрийцы. Верования и обычаи. Интернет, 2016.

Вайнберг Б. И., Этногеография Турана в Древности VII в. до н.э.-VIII в. н.э. Москва, 1999.

Ваклинов Ст., Формиране на старобългарската култура VI-IX век. Интернет, 2012.

Венедиков И., Златният стожер на прабългарите. София, 1995.

Вернадский Г., Древняя Русь. Интернет, 2009.

Виноградов А.Ю., Комар А.В., Институт тудуна и хазары в Юго-западном Крыму VIII-начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики. Интернет, 2016.

Гафуров А., Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Москва, 1987.

Георгиев П., Българският саракton в Тракия. – Археология, 2007, № 1-4.

Гумилев Л. Н., Эфталиты - горцы или степняки. Интернет, 2008.

~*~Древние тюрки. Интернет, 2009.

~*~Открытие Хазарии. Интернет, 2016.

Гюзелев В., Кавханите и ичиргу боилите на българското ханство-царство (VII-XI в.). Пловдив, 2007.

Добрев Ив., *Шавар* - стара тюркска основа на български названия. – Зборник Матица српска за филологју и лингвистику, кн. 39.2. Нови Сад, 1996.

~*~Прабългарското ханско име ***Авитохол.* -** 50 години специалност Тюркология в СУ "Св. Климент Охридски". София, 2004.

~*~Златното съкровище на българските ханове от Атила до Симеон. София, 2005.

~*~Прабългарското име на цар Борис Кръстител. – Български изтоковедски изследвания. София, 2006.

~*~Произход на името ***българи.* -** Името в паметта на езика. Сборник в памет на професор Борис Симеонов. София, 2008.

~*~Българите за руския народ, държава и култура. София, 2011.

~*~Балкан и българските имена в общобалкански и източноезиков контекст (професорски хабилитационен труд). - Bulgarian Names of Eastern Origin. Internet, 2015.

~*~Фундаментальные Принципы Болгаристики. - Bulgarian Names of Eastern Origin. Internet, 2015а.

~*~Пет ирански титли в прабългарския език. – Иран и България в огледалото на Историята (Минало, настояще, перспективи). София, 2015б.

~*~Етимон и апелатив на българското народностно название. - Bulgarian Names of Eastern Origin. Internet, 2015в.

~*~Потомък на прабългарския династичен род Дуло основава турската държава (втора част, дял първи). - Bulgarian Names of Eastern Origin. Internet, 2015г.

Добрева А., Ив. Добрев, Предпосылки иранского языкового влияния и его результаты в болгарском языке. - Балканско езикознание, кн. 26.2, 1983.

Дыбо А. В., Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. Интернет, 2013.

~*~Этимологический словарь тюркских языков, том 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Интернет, 2015.

Дьёни Г., Венгерские элементы в топонимии Башкирии. – Вопросы ономастики, 2008, № 5.

Ждраков З., А. Делева, Към интерпретацията на шлем-маска № 1 от Ашман (Беркасово). – Археология, 2000, № 3-4.

Златарски В., История на българската държава през Средните векове, т. 1, ч. 1-2. София, 1970.

~*~История на българската държава през средните векове, том I. История на Първото българско царство, част I. Епоха на хуно-българското надмощие (679-852). Интернет, 2009.

~*~История на българската държава през средните векове, том I. История на Първото българско царство, част II. От славянизацията на държавата до падането на Първото царство (852-1018). Интернет, 2015.

История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Интернет, 2016.

Йорданов Ив., Образа на владетелите върху печатите от Първото българско царство (681-971). Интернет, 2014.

Йорданов Ст., За организацията на граничната охрана в епохата на Първото българско царство. Интернет, 2005.

~*~Паисий или Никифор: За личното име и титлите на основателя на първото българско царство. Интернет, 2012.

~*~Славяни, тюрки и индо-иранци в ранното средновековие (езикови проблеми на българския етногенезис - към постановката на въпроса). Интернет, 2015.

Коковцев П. К., Еврейско-хазарская переписка. Интернет, 2015.

Комар А. В., Хазарская дилемма: тюрки или теле. Интернет, 2016.

~*~Про час і обставини прийняття титулу "хакан" правителем русів. Интернет, 2016а.

Кормушин И. В., Рунические памятники из Тувы. Интернет, 2015.

Кръстев К. С., Арабски извори за езическите вярвания и погребални обичаи на българите. – Bulgaria Mediaevalis, Volume 6/2015. Studies in Honour of Professor Iliya G. Iliev.

Маенхен-Гельфен О. Дж., Мир гуннов. Исследования их истории и культуры. Интернет, 2015.

Майрхофер М., О принципах составления древнеиндоарийского этимологического словаря. Интернет, 2015.

Малов С. Е., Памятники древнетюркской письменности. Тексты **и** исследования. Интернет, 2015.

Мэн Дж., Аттила. Варвар, втоптаваший Рим в грязь. Москва, 2007.

Минусинская котловина. – Интернет, 2015.

Москов М., Българо-тюркски езикови контакти (езикови остатъци, състояние, проблеми). – Съпоставително езикознание, VI.3-5, 1981.

~*~Именник на българските ханове (Ново тълкуване). София, 1988.

Мудрак О. А., Заметки о языке и культуре дунайских булгар. Интернет, 2007.

Мухамадиев А. Г., Туранская письменность. I. Надписи на монетах античного времени. II. Надписи на монетах нового времени. III. Надписи на сосудах. Интернет, 2015.

~*~Булгаро-татарская монетная система XII-XIV вв. Интернет, 2015а.

Овчаров Д., Човек и добре да живее умира. София, 1992.
Оранский И. М., Иранские языки в историческом освещении. Москва, 1979.
Основы иранского языкознания.
-Древнеиранские языки. Москва, 1979;
-Среднеиранские языки. Москва, 1981.
Паркер Е. Г. Тысяча лет из истории татар. Интернет, 2015.
Ртвеладзе Э., Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Интернет, 2011.
Рудницкий Р. Р., О зороастризме у алан в VII-IX вв. Интернет, 2007.
Рънсиман Ст., История на Първото българско царство. Интернет, 2015.
Симеонов Б., Титульная практика в ханской Болгарии: Происхождение, структура и значение праболгарских титулов в период между VII и X веками. – Linguistique Balkanique, XXIV.2, 1981.
~*~Титульная практика в ханской Болгарии: Происхождение, структура и значение праболгарских титулов в период между VII и X веками. – Linguistique Balkanique, XXIV.3, 1981a.
~*~Прабългарска ономастика. Пловдив, 2008.
Сисорна К., Хунны и Тюрки : Huns and Türks. Интернет, 2012.
Славова Т., Титулите *багаин* и *багатур* в ранносредновековна България. Интернет, 2015.
Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.
-Морфология. Москва, 1988;
-Лексика. Москва, 2001;
-Региональные реконструкции. Москва, 2002.
Стаматов А., Tempora incognita на ранната българска история. Интернет, 2015.
Толстов С. П., По следам древнехорезмийской цивилизации. Интернет, 2015.
Томпсон Э. А., Гунны. Грозные воины степей. Интернет, 2016.
Фахрутдинов Р. Г., Об имени и титуле правителя Волжской Булгарии. Интернет, 2015.
Флавий Аеций. - Уикипедия. Интернет, 2016.
Фрай Р., Наследие Ирана. – Интернет, 2016.
Шабалин В., О фамилиях шорцев и телеутов. Интернет, 2007.
Шервашидзе И. Н., Фрагмент общетюркской лексики: Заимствованный фонд. Интернет, 2015.
~*~Фрагмент древнетюркской лексики: Титулатура. Интернет, 2015a.
Ahura Mazdā. - Encyclopædia Iranica. Internet, 2015.
Akbulut D. A., Akhunlar (Kionit/Hyon) ve Eftalitler Çağında Maveraünnehir ve Horasan'da Türkler. İnternet, 2016.
Atwood Ch., Huns and Xiōngnu: New Thoughts on an Old Problem. Internet, 2016.
Bailey H. W., Baga. - Encyclopædia Iranica. Internet, 2016.
Bailey and oth., Baga. - Encyclopædia Iranica. Internet, 2016.

Bosworth C. E., Barbarian Incursions: The Coming of the Turks into the Islamic World. Internet, 2015.

Brentjes B., On the Prototype of the Proto-Bulgarian Temples at Pliska, Preslav and Madara. Internet, 2016.

Brykina G., G. Shishkina, Central Asia in the Early Middle Ages. Internet, 2015.

Chen S., Some Remarks on the Chinese "Bulgar". Internet, 2014.

Chionites. - Encyclopædia Iranica. Internet, 2015.

Csornai K., Where Huns' Blood Drew. The Xiongnu. Internet, 2010.

Deny J., Une inscription en langue proto-bulgare découverte a Preslav. Internet, 2007.

Discovery of Attila the Hun tomb in Hungary is a hoax. Internet, 2015.

Ergin M., Orhun Âbideleri. İnternet, 2015.

Golden P. B., Proto-Bulgarian σαρακ-τος/-τον. - Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Internet, 2015.

~*~Khazarica: Notes on Some Khazar Terms. - Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Internet, 2015a.

~*~Ethnogenesis in the Tribal Zone: the Shaping of the Turks. - Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Internet, 2016.

~*~War and Warfare in the pre-Činggisid Western Steppes of Eurasia. - Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Internet, 2016a.

~*~Достижения и перспективы хазарских исследований. - Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Internet, 2016b.

Harmatta J., Studies in the History and Language of the Sarmatians. Internet, 2006.

~*~Studies in the History and Language of the Sarmatians. Internet, 2012.

Hephthalites. - Encyclopædia Iranica. Internet, 2015.

History of Civilizations of Central Asia, vol. 1-4. Paris, 1992-1998.

History of Civilizations of Central Asia, vol. III. Internet, 2013.

Hormozd I. - Encyclopædia Iranica. Internet, 2015.

Hormozd V. - Encyclopædia Iranica. Internet, 2015.

Huff D., Chartaq. Internet, 2016.

İnayet A., Dogrudan ve Dolaylı olarak Çinceye Geçen Türkçe Kelimeler üzerine. İnternet, 2013.

Kameneva S., Enigmatic Relationship of Ancient Ural Culture with Sasanian Dynasty. Internet, 2016.

Karatay O., Some Views on Looking for a New Home for Ancestors of Turks and Magyars in the Middle East. Internet, 2010.

~*~Türkler, dağlar ve demir: Güney Kafkaslarda küçük bir Ergenekon. İnternet, 2016.

~*~Bulgarların Orta Asya Bağlantısı: Yeni Bir İpucu. İnternet, 2016a.

~*~Hunlardan sonra Hunlar: Atilla'nın ardından Karadeniz Bozkırlarındaki Hun Kalıntıları. İnternet, 2016b.

~*~The Bulgars in Transoxiana: Some Inferences from Early Islamic Sources. Internet, 2016c.

Karatay O., M. Duranlı, Hazar Kağanı Yusuf'un Endülüs'e Mektubu. İnternet, 2015.
Keleş O., Ayasofya'nın Temeli. İnternet, 2016.
~*~Attila, Papa Leo ve Barnabas. İnternet, 2016a.
Khazanov A. M., The Eurasian Steppe Nomads in World Military History. Internet, 2015.
Khazars. - Wikipedia. Internet, 2016.
Konukçu E., Akhunlar. İnternet, 2016.
Kormesiy of Bulgaria. - Wikipedia. Internet, 2015.
Kurbanov A., The Hephthalites: Archaeological and Historical Analysis. Internet, 2015.
Lang D. M., Asparukh of Iberia. Internet, 2015.
Marichkov B., The Military Strategy and the Armaments of the Proto-Bulgarians. Internet, 2010.
Menges K. H., Altaic Elements in the Proto-Bulgarian Inscriptions. – Byzantion, vol. 21, 1951.
Oymak İ., Türkistan'da Zerdüştlüğün Yayılması ve Etkileri. İnternet, 2016.
Popkonstantinov K., A newly found seal of Michael bagatour and the bagatour family of Ioannes, Sondoke and Michael. Internet, 2011.
Pritsak O., The Hunnic Language of the Attila Clan. Internet, 2011.
Pulleyblank E. G., The Consonantal System of Old Chinese. Internet, 2008.
Ramstedt G. J., Alte türkische und mongolische Titel. İnternet, 2015.
Róna-Tas A., Where Was Khuvrat's Bulgharia? Internet, 2009.
Roux J.-P., Türklerin Tarihi. Pasifikten Akdenize 2000 Yıl. İnternet, 2016.
Schmitt R., Asparuch und Konsorten im Lichte der Iranischen Onomastik. Internet, 2010.
Schottky M., Huns. - Encyclopædia Iranica. Internet, 2016.
Shahnameh. – Wikipedia. Internet, 2015.
Sims-Williams N., Bactrian Documents from Northern Afghanistan. Internet, 2015.
~*~Baga. - Encyclopædia Iranica. Internet, 2016.
Taşağıl A., İslam Öncesi Devrede Orta Asya'da Yaşayan Türk Boyları. İnternet, 2016.
~*~Kök Tengri'nin Çocukları (Avrasya Bozkırlarında İslâm öncesi Türk Tarihi). İnternet, 2016a.
Tekin T., A Grammar of Orkhon Turkic. Internet, 2015.
~*~Tuna Bulgarları ve Dilleri. İnternet, 2016.
The Cambridge History of İran, vol. 3.1-2. London, 1985.
Thomsen W., İnscriptions de l'Orkhon déchiffrées. Helsingfors, 1986.
Turan. - Encyclopædia Iranica. Internet, 2015a.
Turan. - Wikipedia. Internet, 2015.
Xiongnu. - Wikipedia. Internet, 2014.
Zejmal E., Coins of Central Asia in the Early Middle Ages. Internet, 2015.

ИЗТОЧНИЦИ

Абаев - В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. 1-4. Ленинград, 1958-1989.

АТБРк - Академичен турско-български речник. София, 2009.

АрмГеогр - Армянская география. Интернет, Интернет, 2009.

Багратиони - Давид Багратиони, История Грузии. Интернет, 2010.

Багренородни - Константин Багренородни, За церемониала във византийския двор. – Гръцки извори за българската история, т. 5. Интернет, 2015.

Багрянородный - Константин Багрянородный, Об управлении империей. Интернет, 2010.

Бекри - Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Интернет, 2013.

Бичурин - Бичурин Н. Я. [Иакинф], Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 1-3. Интернет, 2012.

Вамбери - Арминий Вамбери, Путешествие в Среднюю Азию. Интернет, 2015.

Вардан - Вардан Великий, Всеобщая история. Интернет, 2012.

ГрИзв - Гръцки извори за българската история, т. 3. София, 1967.

ДТС - Древнетюркский словарь. Ленинград, 1962.

ЭСВхЯз - И. М. Стеблин-Каменский, Этимологический словарь ваханского языка. Санкт-Петербург, 1999.

ЭСТЯз - Этимологический словарь тюркских языков - а-с. Интернет, 2014.

ЭСЧвЯз - В. Егоров, Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

Захария - Захария Митиленский, История. Интернет, 2015.

Иордан - О происхождении и деяниях гетов. Интернет, 2011.

Каланкатуаци - Мовсэс Каланкатуаци, История страны Алуанк. Ереван, 1984.

Кюнер - И. В. Кюнер, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Интернет, 2012.

Ластиверци - Аристакэс Ластиверци, Повествование вардапета Аристакэса Ластиверци, о бедствиях, принесенных нам инородными племенами. Интернет, 2009.

ЛтИзв - Латински извори за българската история, т. 3. София, 1965.

Малала - Иоанн Малала, Хронография, книга XVIII. Интернет, 2010.

Марцеллин - Аммиан Марцеллин, Римская история. Интернет, 2010.

Масуди - Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусейн ал-Мас'уди, Золотые копи и россыпи. Интернет, 2012.

Мровели - Леонти Мровели, Жизнь картлийских царей. Интернет, 2015.

НПс - Народна песен

Паисий - Паисий Хилендарски, Славянобългарска история. Интернет, 2015.

Преса - Преса в Интернет.

Приск - Приск Панийский, Сказания Приска Панийского. Интернет, 2015.
Приск-а - Приск Панийский, Готская история (ΙΣΤΟΡΙΑ ΓΟΤΘΙΚΗ). Интернет, 2015.
Продължителят - Продължителят на Теофан. - ГрИзв-5. Интернет, 2015.
Прокопий - Прокопий Кесарийский, Война с персами. Интернет, 2015.
Прокопий-а - Прокопий Кесарийский. Война с готами. Интернет, 2015
Сигеберт - Сигеберт из Жамблу, Хроника. Интернет, 2015.
Симокатта - Феофилакт Симокатта, История. Интернет, 2015.
СлВхЯз - Т. Н. Пахалина, Ваханский язык. Москва, 1975.
СлДСЯз - Словарь древн□го слав□нскаго □зыка, составленный по Остромирову Евангелію. С.-Петербургъ, 1899.
Спиридон - Спиридон Йеросхимонах, Исторія во кратцѣ о болгарскомъ народѣ славенскомъ. Интернет, 2015.
Стилит - Хроника Иешу Стилита. Интернет, 2015.
Сюаньлин - Фан Сюаньлин, История династии Цзинь. Интернет, 2012.
Табари - Ат-Табари, История. Интернет, 2014.
Фадлан - Ахмед ибн Фадлан Ибн-Фадлан, Записка о путешествии на Волгу. Интернет, 2010.
Феофан - Феофан Исповедник. Хронография. Интернет, 2015.
Хоренаци - Мовсес Хоренаци, История Армении. Интернет, 2013.
AiWb - Christian Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch. Berlin, 1961.
AvDict - Avestan Dictionary. Internet, 2015.
Clauson - Clauson G., An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972.
DLT - Kaşgarlı M., Divanü Lûgat-it-Türk, c. 1-4. Ankara, 1998-1999.
EncIr - Encyclopædia Iranica. Internet, 2003.
Eren - Hasan Eren, Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü. Ankara, 1999.
Ghewond - Ghewond, History. Internet, 2009.
Glossary - Glossary of Zoroastrian terms. Internet, 2015.
Gombocz - Z. Gombocz, Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. - Mémoires de la Société Finno-ougrienne, t. 30. Helsinki, 1912.
HudAl - V. Minorsky, Hudud al-'Alam. The Regions of the World. Internet, 2012.
John - The Chronicle of John, Bishop of Nikiu. Internet, 2009.
Justi - F. Justi, Iranisches Namenbuch. Internet, 2010.
Moravcsik - Gyula Moravcsik, Byzantinoturcica, II. Sprachreste der Türkvölker ın den Byzantinischen Quellen. Internet, 2011.
Nicéphore - Nicéphore, Patriarche de Constantinople, Histoire des Empereurs Constantin et Heraclius et de Leurs Successeurs. Internet, 2010.
Nicéphore-a - Nicéphore, Patriarche de Constantinople, Histoire de l'Empereur Héraclius. Internet, 2010.
PahlDict - D. N. Mackenzie, A Concise Pahlavi Dictionary. London, 1971.
Priscus - Priscus at the court of Attila. - Medieval Sourcebook. Internet, 2004.

Sebeos - Sebeos' History. Internet, 2010.
Skok - Skok P., Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, t. 1-4. Zagreb, 1971-1974.
SogdDict - Prods Oktor Skjærvø, An Introduction To Manichean Sogdian. Internet, 2008.
Tonyukuk - Tonyukuk Stella. Internet, 2015.
Zachariah - Zachariah of Mitylene, Syriac Chronicle. Internet, 2016.

СЪКРАЩЕНИЯ

авест. - авестийско
алан. - аланско
антним - антропоним
арам. - арамейско
арм. - арменско
бактр. - бактрийско
букв. - буквално
вавл. - вавилонско
вах. - ваханско
вж. - означава съгласие, приемане, одобрение, споделяне, дори и заимствуване
вболг. - волжскоболгарско
гръц. - гръцко
дн. - днешен
елам. - еламитско
етнм - етноним
ефт. - ефталитско
зв.п. - звателен падеж
инд. - индийско
иран. - иранско
каз. - казахско
кирг. - киргизско
кит. - китайско
крмтат. - кримскотатарско
къпч. - къпчакско
лат. - латинско
лекс. - лексема
личим - лично име
макртопнм - макротопоним
млим - мъжко лично име
мн.ч. - множествено число
мундж. - мунджанско
напр. - например
нарсим - нарицателно съществително име
ног. - ногайско
общтюрк. - общотюркско
огуз. - огузско
ойконм – ойконим
нвперс. - новоперсийско
парт. - партско
перс. - персийско
пехл. - пехлевийско
подр. - подробно
праб. - прабългарско
прилим - прилагателно име
прозв - прозвище
рум. - румънско
сак. - сакско
санскр. - санскритско
сасанд. - сасанидско
скит. - скитско
сксарм. - скито-сарматско
словсъч - словосъчетание
согд. - согдийско
срв. - при цитираната литература означава несъгласие, неприемане, отхвърляне и отричане, а при примерите, само сравняване или съпоставяне
сркит. - среднокитайско

срперс. - средноперсийско
сръб. - сръбско
стб. - старобългарско
стир. - староиранско
стперс. - староперсийско
струс. - староруско
сттюрк. - старотюркско
суф. - суфикс
съгл. - съгласна
същим - съществително име
титл. - титла
топнм - топоним
тур. - турско
турфперс. - турфаноперсийско
угрофин. - угрофинско
уйг. - уйгурско
хак. - хакаско
хорезм. - хорезмийско
хорним - хороним
хсак. - хотаносакско
чаг. - чагатайско
чув. - чувашско
шор. - шорско